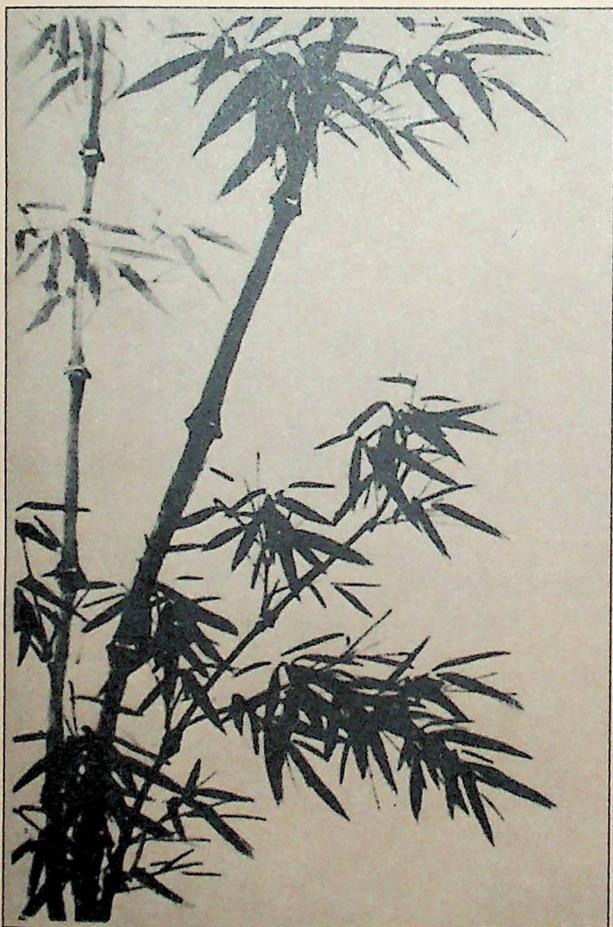

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 3/2002

Итоги 5-й сессии ВСНП
9-го созыва

К 20-летию Конституции КНР

Корейская проблема
на современном этапе

Газовый рынок Китая
и интересы России

Китайцы на российском
Дальнем Востоке

2002

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

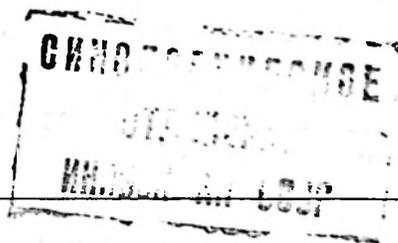
3/2002

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и четыре раза в год на англий-
ском языках

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

- Я.Бергер.* Об итогах 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 9-го созыва.....6
- Л.Гудошников.* Конституция КНР в процессе исторических перемен и реформ.....12
- О.Почагина.* Новая редакция закона КНР о браке.....22
- В.Михеев.* Корейская проблема в свете событий 11 сентября.....34
- А.Воронцов.* Россия и Корейский полуостров: современные реалии и перспективы.....46
- Г.Яскина.* Монголия на рубеже веков.....59

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- В.Карлусов, А.Кудин.* Китайское присутствие на российском Дальнем Востоке: историко-экономический анализ.....76

ЭКОНОМИКА

- М.Потапов.* Газовый рынок Китая и перспективы российско-китайского сотрудничества.....88
- З.Муромцева.* Развитие городов и оптимизация экономической структуры Китая в XXI веке.....107

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

- П.П.Балакшин. Финал в Китае (К истории создания книги о русской эмиграции, публикация и комментарии А.Хисамутдинова).....115

ФИЛОСОФИЯ

- А.Курносова. Философия в рамках культуры, ориентированной на канон: схоластика европейского средневековья и "учение о принципе" эпохи Сун.....126

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Я.Бергер. Китай и Индия: стратегия и итоги социально-экономического развития. На международном научном семинаре в Калькутте.....137
К.Асмолов. Российские корееведы о вызовах нового века.....148

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

- Т.Лазарева. Отчетное собрание ОРКД по итогам 2001 г.....151

НАША ПОЧТА

РЕЦЕНЗИИ

- А.Островский, М.Титаренко. Поиск курса реформ и открытости.....155
С.Лузянин. Границы Китая: история формирования / Под общ. ред. В.С.Мясникова и Е.Д.Степанова.....162
А.Волохова. Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений.....165
А.Сенаторов. Такэнака Хэйдзо, Сакураи Ёсико. Вставай, Япония! Стратегия построения "мощного государства".....167
В.Портяков. Лу Сюэи. О социальной структуре современного китайского общества.....174
Л.Волкова. Китайская деревня, вступающая в XXI век.....176
А.Желоховцев. Книга о Великой Белизне. Ли Бо: Поэзия и Жизнь / сост. С.А.Торопцев.....185

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

- К юбилею Аркадия Ивановича Вольского.....188
Юрию Михайловичу Галеновичу — 70 лет.....189

Главный редактор А.М. Григорьев

Редакционная коллегия

Р.М. Аспанов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушянц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов П.А. Минакир, В.В. Михеев, С.Н. Морозов (первый зам. главного редактора), В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко,

Статьи этого номера

Я.Бергер. Об итогах 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 9-го созыва

Автор рассматривает решения и материалы сессии ВСНП, состоявшейся 5-15 марта 2002 г. в Пекине, в свете итогов социально-экономического развития КНР в 2001 г. и перспектив на 2002 г. При общем замедлении темпов экономического роста в мире китайская экономика благодаря стимулированию внутреннего спроса, активной налоговой политике и реалистичной монетарной политике продолжает быстро расти. Вместе с тем страна сталкивается с новыми проблемами и некоторыми негативными процессами в разных сферах общественной жизни, в том числе связанными с задачей сохранения устойчиво высоких темпов экономического роста и с последствиями увеличения масштабов социального неравенства и разрыва в уровне доходов и доле материального богатства у различных социальных групп города и деревни.

Л.Гудошников. Конституция КНР в процессе исторических перемен и реформ

Статья содержит краткую историю прежних Конституций КНР (1954, 1975, 1978 гг.) и обстоятельный анализ ныне действующей Конституции 1982 г. и особенно ее изменений в 1988-1999 гг., которые придали ей в целом реформаторский характер. Автор считает, что произошедшие конституционные изменения относятся к реформированию главным образом общественного, социально-экономического строя страны и лишь в незначительной степени — политической системы государства, не исчерпавшей своей эффективности в обеспечении экономического прогресса и модернизации страны.

О.Почагина. Новая редакция Закона КНР о браке

Переход к рынку, политика открытости, общемировые тенденции развития института семьи все в большей степени сказываются на трансформации и динамике семейно-брачных отношений в Китае. Обеспокоенность руководства страны, социологов и простых граждан деструктивными общественными явлениями (рост количества разводов, числа одиноких людей и однодетных нуклеарных семей, широкое распространение внебрачных связей и т.п.) в семейно-брачных отношениях заставили китайских законодателей привести юридические нормы в соответствие с условиями модернизирующегося общества: 28 апреля 2001 г. 28-я сессия ПК ВСНП 9-го созыва утвердила новую редакцию Закона КНР о браке.

Особое внимание при этом, указывает автор статьи, законодатели уделили вопросам юридической оценки внебрачных связей, ответственности за нарушение моногамии и супружеской верности, раздела семейной собственности при расторжении брака, насилия в семьях и ухода за стариками.

В.Михеев. Корейская проблема в свете событий 11 сентября

В статье рассматривается корейская проблема в свете изменений в международной обстановке после 11-го сентября 2001 г. Отстаивается тезис о том, что для обеспечения мира и безопасности на Корейском полуострове необходимо объединение усилий России и других стран-участниц антитеррористической коалиции.

А.Воронцов. Россия и Корейский полуостров: современные реалии и перспективы

Автор прослеживает эволюцию корейской политики РФ с начала 90-х годов прошлого века по настоящее время, отмеченную драматическими изменениями, которые выразились, в частности, в переходе от политики "удаления" от КНДР на старте рассматриваемого периода к этапу интенсивного и доверительного политического диалога, в том числе и на высшем уровне, в первые годы XXI столетия.

Он считает целесообразным сохранение нынешнего самостоятельного, взвешенного, учитывающего законные интересы всех вовлеченных в корейское урегулирование сторон подхода России и в рамках участия в международной антитеррористической коалиции, сложившейся после трагических событий 11 сентября.

Г.Яскина. Монголия на рубеже веков

Рассматриваются основные тенденции в развитии современной Монголии с акцентом на политическую и экономическую ситуацию, сложившуюся в стране после возвращения в июле 2000 г. к власти МНРП. Охарактеризованы приоритетные направления монгольской внутренней и внешней политики: сохранение политической стабильности, обеспечение устойчивого экономического роста, приостановка процесса снижения и рост уровня жизни населения, укрепление дружественных отношений и сотрудничества с другими странами, особенно с соседней Россией.

В.Карлусов, А.Кудин. Китайское присутствие на российском Дальнем Востоке: историко-экономический анализ

Новая волна китайской иммиграции в Россию в 1990-2000-е годы, так же, как и предшествующая столетней давности, имеет по своим базовым характеристикам экономический характер. Россия пока только-только приступает к освоению конструктивного потенциала этой волны. Как потребитель китайского труда в XXI в., по-видимому, Россия может постепенно превратиться в крупнейший сегмент мирового рынка сбыта иностранных трудовых услуг с учетом ее демографических проблем, дисбаланса между трудовыми и природными ресурсами, личным и материально-вещественным факторами хозяйства.

Привлечение рабочей силы из Китая на цивилизованной, легитимной основе, по мнению авторов, — канал иммиграции, важнейший с точки зрения перспектив и задач интеграции России в экономику АТР и постепенного выхода Сибири и Дальнего Востока на одну из первых ролей в системе приоритетов существования российского государства. Совместное освоение природно-ресурсного потенциала этих регионов дает России и Китаю реальные шансы для наполнения политических отношений стратегического партнерства конкретным экономическим содержанием. Естественно при этом, что освоение Сибири и российского Дальнего Востока должно происходить на основе не только двусторонней российско-китайской ресурсной и хозяйственной интеграции, но и возрастающей общей открытости и интернационализации развивающегося

экономического пространства региона АТР и сопровождаться активной политикой российского государства, стимулирующей переселение в эти регионы, особенно в пограничные с Китаем области.

М.Потапов. Газовый рынок Китая и перспективы российско-китайского сотрудничества

Автор подробно характеризует особенности и будущее газового рынка Китая. Основное внимание уделено перспективам российско-китайского сотрудничества в этой области как с точки зрения внедрения России на китайский рынок газа, так и при формировании Единой системы газоснабжения Сибири и Дальнего Востока России.

З.Муромцева. Развитие городов и оптимизация экономической структуры Китая

В статье освещается процесс урбанизации в КНР и его специфика, которая определяется прежде всего тяжелой демографической ситуацией, низкими доходами крестьянства, дефицитом пахотных земель и трудностями решения задач социального обеспечения жителей города. В настоящее время в Китае наибольшее внимание уделяется развитию малых городов и поселков городского типа, где крестьяне превращаются в городских жителей опосредованно, через ограниченные городские формы и условия жизни. Таким путем, наряду с неизбежным ростом крупных и средних городов, в стране по мере экономического развития, ширятся масштабы сельской урбанизации. Следствия этих процессов неоднозначны, поскольку они усугубляют различия в уровне и образе жизни населения городов различных категорий.

П.Балакшин. Финал в Китае (К истории создания книги о русской эмиграции)

Публикуемые письма одного из русских писателей "восточной эмиграции", автора 11 томов сочинений, ставших подлинной энциклопедией жизни русских эмигрантов в Азии и Америке, раскрывают ряд интересных подробностей процесса создания его двухтомного фундаментального труда "Финал в Китае".

В.Курносова. Философия в рамках культуры, ориентированной на канон: схоластика европейского средневековья и "учение о принципе" эпохи Сун

Автор считает одним из препятствий к освоению интеллектуального достояния западных культур попытки использовать для их описания неадекватный понятийный аппарат. В статье на примере средневековой схоластики и китайского неоконфуцианства показано, как замена термина "философия" (обозначения продукта некоей деятельности) понятием "философствование" ("тип взаимодействия человека с миром в пространстве языка") позволяет продуктивно сравнивать параметры интеллектуальной практики в разных культурных традициях.

Политика

Об итогах 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 9-го созыва.

© 2002

Я. Бергер

Ежегодные сессии ВСНП, высшего законодательного органа КНР, традиционно подводят итоги развития страны за предыдущий год (или за пятилетие) и намечают перспективы на следующий год. Состоявшаяся 5-15 марта с. г. в Пекине 5-я сессия Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 9-го созыва — последняя в пятилетнем цикле, с будущего года начнет функционировать ВСНП 10-го созыва.

Основное внимание на сессии, по традиции последних лет, было уделено *социально-экономическому развитию*, хотя затрагивались также вопросы внутренней и внешней политики.

Сессия заслушала и утвердила доклад премьера Госсовета Чжу Жунци о работе правительства, доклад председателя Госкомитета КНР по планированию развития Цзэн Пэйяня о выполнении плана экономического и социального развития за 2001 год и проекте плана на 2002 год и доклад министра финансов КНР Сян Хуайчэна об исполнении центрального и местного бюджетов за 2001 год и проекте центрального и местного бюджетов на 2002 год. В докладах отмечалось, что несмотря на замедление темпов роста мировой экономики китайская экономика благодаря стимулированию внутреннего спроса, активной налоговой политике и реалистической монетарной политике продолжает быстро расти. Заметны успехи в реструктуризации экономики, оживлении и реформировании государственных предприятий. Серьезными достижениями отмечено развитие науки, техники, образования. Повысился жизненный уровень населения города и деревни.

Вместе с тем анализ основных документов сессии показывает, что несмотря на продолжающийся в целом достаточно успешный рост экономики КНР руководство страны столкнулось с новыми проблемами и некоторыми негативными процессами в разных сферах общественной жизни страны, делающими необходимой определенную корректировку стратегии и текущих планов развития. Актуальность такой корректировки подчеркивается и предстоящим XVI съездом КПК, на котором будет произведено основательное обновление состава руководящих органов партии и государства и определены контуры долговременной программы модернизации страны в условиях глобализации.

Обращают на себя внимание следующие моменты.

Во-первых, одной из главных проблем является сохранение устойчиво высоких темпов экономического роста.

Если в 2001 г. эти темпы в среднем составили 7,3% (причем они поквартально уменьшались) то на 2002 г. принята цифра в 7%.¹ Сокращается и прирост объема капиталовложений в основные фонды — с 12% до 10%. Главные трудности экономического роста обусловлены не преодоленными до конца дефляционными тенденциями, вытекающими из кризиса перепроизводства практически во всех основных отраслях экономики на фоне низких доходов подавляющей массы населения.

После финансового кризиса в Азии (1997–1998 гг.) и особенно в связи с замедлением роста мировой экономики, затруднившими расширение экспорта в прежних масштабах, китайское руководство сделало ставку на увеличение внутреннего спроса на товары и услуги как на основной фактор экономического роста. С этой целью был принят ряд мер — от снижения кредитной ставки (после 1996 г. ставка понижалась 8 раз, в результате чего она урезана до 1,6% годовых) до повышения зарплаты бюджетникам и поощрения “экономики отдыха”. Эти меры дали определенный результат. Однако постепенно эффективность их стала снижаться, главным образом, вследствие недостаточной эластичности и “перекошенности” китайского рынка.

Основной, если не единственной, социальной группой, потребляющей большую часть товаров и услуг, остается относительно небольшая часть китайского общества — зажиточная прослойка населения в городе, в поселках городского типа и частично в деревне, доходы которой довольно стабильно возрастают. Однако подавляющая часть китайского населения, сосредоточенная прежде всего в деревне, но последнее время отчасти и в городе, из рынка практически исключена. Но и зажиточная прослойка, и формирующийся средний класс, включая и его верхушку, накопившие немалые сбережения, тратят их в основном на приобретение жилья, автомобилей, высококачественных потребительских товаров, на туризм, но не на долгосрочные инвестиции, ввиду неопределенности социальных и политических перспектив и отсутствия твердых гарантий своего будущего.

Чтобы поддержать снижающиеся темпы экономического роста и выполнить амбициозную программу развития инфраструктуры, в частности, в слаборазвитых западных регионах страны, китайское правительство вынуждено в возрастающих масштабах прибегать к государственным займам. Дефицит центрального бюджета предусматривается увеличить в 2002 г. до 309,8 млрд. юаней (37,46 млрд. долл.), что на 50 млрд. юаней превышает уровень 2001 г. Таким образом, дефицит составит 3% ВВП, а общая сумма казначейских обязательств — 16% ВВП. Для покрытия дефицита и погашения внутренних и внешних долгов намечается выпустить облигации госзаймов на сумму 592,9 млрд. юаней (71,58 млрд. долл.). Для сравнения можно отметить, что в 1998–2000 гг. общая сумма эмиссии госзаймов составила 510 млрд. юаней.

Выступая по завершении сессии ВСНП на традиционном приеме для иностранных журналистов, Чжу Жунци отметил, что указанный дефицит, как и сумма долга, находятся значительно ниже признанного в мире уровня безопасности. Это подтвердил и Дай Сянлун, директор Народного банка Китая. С финансово-экономической точки зрения такое утверждение вряд ли можно оспорить.

За 22 года реформ китайская экономика накопила достаточный запас прочности, поэтому такой дефицит, даже вкуче с многочисленными скрытыми долгами, включая и долги госпредприятий по “плохим кредитам”, выданным государственными коммерческими банками², не угрожает ее стабильности. Иное дело — социально-психологический аспект. Нарастание бюджетного де-

фицита и государственного долга способно посеять определенные опасения среди некоторой части китайского общества. На том же приеме Чжу Жунцзи весьма нервно реагировал на утверждение одной гонконгской газеты о том, что он является "премьером дефицита".

Главная проблема, однако, все же в другом. Государство берет на себя главное бремя инвестиций в основные фонды. Государственные казначейские обязательства довольно хорошо раскупаются в стране. Они пользуются хорошей репутацией у внешних и внутренних инвесторов. Но, с другой стороны, это означает, что у них нет лучших альтернатив для вложений капитала, обеспечивающих стабильный доход. Односторонний упор на государственные инвестиции при отсутствии эффективных мер по привлечению частных средств ряд китайских экономистов считают потенциально опасным явлением³. Частные же инвестиции в последние годы утратили высокую динамику роста, присущую им до середины 90-х гг.

В то же время индивидуальные сбережения населения достигли в Китае астрономического уровня в 7,8 триллионов юаней (942 млрд. долл. или почти по 700 долл. на душу населения), что составляет почти 80% ВВП⁴, причем подавляющая часть этой огромной суммы сконцентрирована в руках очень небольшой части населения. В 2001 г. объем сбережений населения возрос на 14,7%, что не только более чем вдвое превышает темпы прироста сбережений в 2000 г., но и значительно опережает темпы роста доходов городского и сельского населения⁵. При этом 86,3% производимой в Китае продукции не находит на внутреннем рынке достаточного спроса. Продолжают падать и цены на средства производства.⁶

На 2002 г. предусматривается повышение индекса розничных потребительских цен на 1-2%. Однако нет никаких гарантий, что эти наметки будут реализованы⁷. Текущие тенденции заставляют в этом сомневаться. За предыдущий год индекс розничных потребительских цен увеличился на 0,7%. Но за первые два месяца текущего года этот показатель, по данным ГСУ, упал на 0,5% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года. Это означает, что давление дефляционного пресса на китайскую экономику продолжается. Вступление Китая в ВТО в этом плане ведет к увеличению дефляционного пресса на экономику страны в связи с притоком дешевых иностранных товаров, включая нефть, стальной прокат и химическое сырье.

Во-вторых, продолжают возрастать социальное неравенство, разрыв в уровне доходов и доле материального богатства, которыми располагают различные социальные группы, прежде всего население города и деревни.

Еще сравнительно недавно, в частности год назад при утверждении на предыдущей сессии ВСНП 10-го пятилетнего плана экономического и социального развития КНР, эта проблема не привлекала столь острого внимания. Сегодня в докладе о работе правительства замедленный рост крестьянских доходов и абсолютное снижение их в некоторых главных зернопроизводящих районах и районах, пострадавших от серьезных стихийных бедствий, поставлены на первое место среди проблем, требующих срочного разрешения. Более того, выступая на указанном выше приеме, Чжу Жунцзи в ответ на просьбу назвать проблему, причиняющую ему самую острую головную боль, указал именно на низкие доходы крестьян.

В 1997-2000 гг. темпы роста доходов 900 миллионов крестьян из года в год уменьшались, в то время как доходы бюджетников возросли вдвое при почти неизменном уровне потребительских цен. В 2001 г. доходы крестьян увеличились всего на 4,2%, тогда как рост доходов горожан превысил эту цифру вдвое, так что разрыв между деревней и городом продолжал возрастать.

Китайское руководство стремится изменить производственную структуру экономики деревни в пользу неземледельческих отраслей ввиду переизбытка зерна и другой растениеводческой продукции. Внутрикитайская и мировая конъюнктура такова, что дальнейшее повышение внутренних цен на зерно, которые превышают мировые, невозможно, особенно ввиду вступления Китая в ВТО. Так же обстоит дело и с прочей продукцией растениеводства, переполняющей китайский рынок, поэтому цены на нее неизбежно будут падать, а с ними и доходы крестьян от этой отрасли. Еще большую угрозу в этом отношении создает вступление Китая в ВТО и связанный с этим массированный наплыв на китайский рынок растениеводческой продукции из США, в частности соевых бобов, импорт которых уже практически равен их внутреннему производству.

В связи с этим китайское руководство встало на беспрецедентный путь сокращения пашни, выкупая ее у крестьян, чтобы высвободить площади под лесопосадки, под травосеяние и рыбоводство.⁸ До сих пор главной проблемой деревни считались крайне низкие размеры пахотной земли в расчете на душу сельского населения, с чем связывался колоссальный избыток рабочих рук в деревне. Пока остается неясным, в какой мере перестройка производственной структуры деревни в пользу более доходных, чем земледелие, отраслей способна решать главную задачу — эффективного трудоустройства избыточного сельского населения или же, повышая доходы некоторой части крестьян, она будет способствовать лишь дальнейшей социальной дифференциации деревни, оставляя нерешенной или даже усугубляя проблему перенаселенности. Эта проблема становится еще более острой ввиду того, что волостные и поселковые предприятия, с которыми связывались большие надежды и на повышение доходов, и на расширение занятости крестьян, сегодня практически исчерпали свой ресурс, не говоря уже об огромном ущербе, наносимом этими предприятиями окружающей среде.

В-третьих, социальные проблемы обостряются и в городе.

Если до недавнего времени бедность, т. е. существование в условиях ниже прожиточного уровня, была присуща почти исключительно деревне, то на последней сессии ВСНП депутаты говорили о растущей бедности и в городе.

Считается, что к группе бедного населения можно отнести 20-30 млн. горожан и еще свыше 6 млн. работников, уволенных с госпредприятий в ходе их реформы.⁹ В докладе Цзэн Пэйяня указывается, что более 5 млн. освобожденных работников госпредприятий не сумели трудоустроиться вторично. Численность зарегистрированных безработных (в которую не включают уволенных работников госпредприятий) составила 6,8 млн. чел. Плюс к этому к социально ущемленным группам городского населения относят около 100 млн. работников-мигрантов из сельской местности. Предусматривается выделение из центрального бюджета 86 миллиардов юаней (10,3 миллиардов долларов) для обеспечения прожиточного минимума безработных, лиц с низкими доходами и пенсионеров. Хотя эта цифра на 28% больше соответствующих затрат прошлого года, ее все-таки недостаточно для действенной социальной поддержки нуждающихся.

Перед китайским руководством стоят сложные дилеммы. С одной стороны, необходимо продолжать реформу госпредприятий с тем, чтобы сделать их управляемыми, финансово прозрачными, экономически эффективными и конкурентоспособными на внутреннем и внешнем рынке, в силу чего придется и далее избавляться от лишних работников, а с другой — в связи с этим все более увеличивается пресс безработицы, а соответственно и социального недовольства. С одной стороны, крайне важны дальнейшая техническая реконструкция производства, внедрение новых технологий, а с другой — насущно требуется создавать новые рабочие места как для высвобождаемых работни-

ков, так и для более чем 10 млн чел. молодого поколения горожан и селян, вступающих в трудовой возраст.

Правительство настаивает на ликвидации морально и физически устаревших мощностей в целом ряде отраслей: текстильной, металлургической, угольной, нефтехимической, сахарной, табачной, стройматериалов, машиностроительной, медико-фармацевтической. Строго запрещено восстановление ликвидированных мощностей в любой форме и под любым предлогом. Стремление к обновлению производственной структуры понятно и оправданно. Но структурные перемены в свою очередь еще более обостряют проблемы занятости и трудоустройства.

Из *внутриполитических проблем* в материалах сессии наибольшее внимание привлечено к дальнейшей трансформации правительственных функций и повышению чистоты кадрового состава работников правительства. В докладе о работе правительства подчеркивается необходимость последовательного освобождения от административных функций, унаследованных от плановой экономики, в пользу "экономического урегулирования, рыночного контроля и управления, социального контроля и общественного сервиса". Делается особый акцент на стратегии "правового управления государством", на решительной борьбе с моральным разложением и коррупцией, нарушениями финансовой дисциплины.

Подчеркивается важность защиты безопасности страны, поддержания социальной стабильности, предотвращения и решительного подавления подрывной деятельности "внешних и внутренних враждебных сил", включая террористов, религиозных экстремистов и национал-сепаратистов.

Как и прежде, главными социально-политическими приоритетами и условиями успешного продвижения страны по пути реформ и открытости в документах сессии ВСНП провозглашается поддержание и укрепление политической стабильности в стране, сплочение вокруг ЦК КПК во главе с председателем Цзян Цзэмином, неуклонное следование теории Дэн Сяопина и действенная реализация концепции Цзян Цзэминя о "тройном представительстве".

Касаясь перспектив политической реформы в стране, заместитель генерального секретаря Постоянного Комитета ВСНП Чжоу Чэнкуй в интервью, данном во время сессии, отрицал отставание политической реформы от реформы экономической. Он утверждал, что с 1979 г. обе реформы осуществляются одновременно. Главным направлением политической реформы в настоящее время считается совершенствование системы собраний народных представителей, которая отвечает современным условиям Китая и отличается от западных моделей многопартийности и двухпалатного парламентаризма. Подчеркивается необходимость дальнейшего совершенствования организационной и функциональной структуры ВСНП.

Сессия заслушала отчет Председателя Постоянного комитета ВСНП Ли Пэна о работе этого законодательного органа, а также доклады председателя Верховного народного суда Сяо Яна и генерального прокурора Верховной народной прокуратуры Хань Чжубина и приняла соответствующие постановления.

В законотворческой деятельности Постоянного комитета ВСНП, которая заметно активизировалась в последние пять лет, особенно выделяется разработка комплекса законодательных актов, создающих правовую основу для эффективной инвестиционной деятельности в Китае, а также системы законов, регулирующих рыночную экономику и, в частности, связанных со вступлением Китая в ВТО, включая внесение поправок в законы, регламентирующие деятельность совместных китайско-иностраннх предприятий и предприятий с полностью иностранным капиталом. Важное значение придается закону о населении и планировании рождаемости, суммировавшему многолетний опыт реализации различных правил и распоряжений, принятых на местах. Поправки,

внесенные в закон о профсоюзах, по утверждению Ли Пэна, еще более укрепили положение рабочего класса как хозяина в политической и социальной жизни Китая, способствовали совершенствованию трудовых отношений в условиях рыночной экономики и защитили законные права рабочих и служащих. Значительный вклад в законодательное регулирование семейно-брачных отношений, в укрепление равенства мужчины и женщины вносит новая редакция закона о браке. Среди прочих областей законотворческой деятельности Постоянного Комитета ВСНП назывались также охрана окружающей среды, судебная реформа, патриотическое оборонное воспитание, охрана здоровья трудящихся.

В докладе Хань Чжубина отмечалось, что прямой экономический ущерб, выявленный при раскрытии наиболее крупных коррупционных преступлений, составил более 4,1 млрд. юаней, в т. ч. 1319 дел связаны с хищениями на сумму свыше 1 млн. юаней каждое, в них замешаны 9452 работника партийных и правительственных структур, административных и исполнительных органов, судебной системы и хозяйственного управления, в т.ч. 2670 чел. на уровне от уезда и выше. Возбуждено 8819 дел о злоупотреблении служебными полномочиями.

Внешнеполитические установки в документах 5-й сессии ВСНП 9-го созыва не претерпели сколько-нибудь заметных изменений. По-прежнему они исходят из констатации многополярного мира. В докладе о работе правительства Россия упоминается дважды: первый раз в связи с Шанхайской организацией сотрудничества, второй — как один из четырех основных центров мировой политики, с которыми Китай развивает и улучшает отношения, т. е. наряду с США, Евросоюзом и Японией. На упомянутом выше приеме для иностранных журналистов Чжу Жунци остановился на китайско-российских отношениях более подробно, отдав должное подписанному в 2001 г. договору, который способствовал, в частности, увеличению двусторонней внешней торговли за год на 33,3% (без приграничной торговли). Констатировалось создание механизма постоянных встреч премьер-министров обеих стран. Прогнозировалось дальнейшее удвоение объема двустороннего экономического сотрудничества и внешней торговли в ближайшие 2-3 года.

На 5-й сессии ВСНП 9-го созыва были утверждены нормы представительства при формировании ВСНП нового созыва, которое начнет функционировать с января 2003 г.

1. В весеннем докладе Академии общественных наук Китая на 2002 г. высказывается более оптимистический прогноз — 7,4% (Чжэнцзянь шибао. 2002. 20 апреля.). По прогнозу доклада МВФ "Виды на будущее мировой экономики", опубликованного 18 апреля 2002 г., предполагается, что в 2002 г. темпы роста китайской экономики составят 7%, а в следующем году — 7,4%. Реально в первом квартале 2002 г. рост ВВП составил 7,6% против 8,1% в первом квартале 2001 г. (Жэньминь жибао. 2002. 18 апреля.).
2. Как сообщил директор Народного банка Китая Дай Сянлун на пресс-конференции, состоявшейся в рамках сессии ВСНП, в четырех государственных коммерческих банках страны доля безнадежных кредитов составляет 25,37% от общей суммы выданных кредитов (Жэньминь жибао. 2002. 12 марта.).
3. Так считает, например, профессор Пекинского университета Дун Фужэнь (China Daily. 14 March 2002.).
4. Там же.
5. Цзинци канькао бао. 2002. 20 марта.
6. Цзинци канькао бао. 2002. 23 января.
7. Более реалистичным представляется нулевой рост индекса цен (Цзинци канькао бао. 2002. 20 марта.).
8. Площадь пахотных земель в Китае в 2001 г. сократилась на 0,6 млн. га.
9. China Daily. 15 March 2002.

Конституция Китайской Народной Республики в процессе исторических перемен и реформ (К двадцатой годовщине принятия действующей Конституции КНР)

© 2002

Л. Гудошников

Действующая Конституция КНР 1982 г. является четвертой Конституцией страны, если не считать временной Конституции — Общей (или точнее Совместной) программы Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК), принятой накануне провозглашения КНР в 1949 г. первой и единственной пленарной сессией этого органа, который сыграл роль учредительного собрания государства. Действительно, этот документ выходил за рамки своего наименования, поскольку не только провозглашал программные задачи, но и устанавливал конкретные права народа (жэньминь) и обязанности граждан (гоминь), принципы организации и деятельности государственных органов, принципы военной системы государства и экономической политики, политики в области культуры и просвещения, национальной и внешней политики КНР.

Общая программа НПКСК явилась базой правотворческой деятельности государственных органов КНР в первом пятилетии ее существования, до принятия первой Конституции КНР (1954 г.). Высшим органом власти в этот период был Центральный народный правительственный совет (ЦНПС), избранный пленарной сессией НПКСК. ЦНПС в свою очередь сформировал высший исполнительный орган — Административный совет, а также Народно-революционный военный совет, Верховный народный суд и Верховную народную прокуратуру. Вместе они во главе с ЦНПС составляли Центральное народное правительство. Его председателем стал Председатель Компартии Китая (КПК) Мао Цзэдун и он же возглавил Народно-революционный военный совет.

ЦНПС был облечен всеми полномочиями высшего органа государственной власти. Что касается пленарной сессии НПКСК, то она, выполнив функции учредительного собрания КНР, больше уже не созывалась, а сформированный ею Всекитайский комитет (ВК) НПКСК властными полномочиями не наделялся. ЦНПС выполнял и функции главы государства, которые реализовывались в основном через деятельность председателя Центрального народного правительства.

В качестве местных государственных органов Общей программой провозглашались местные народные правительства и местные собрания народных представителей (фактически их функции выполняли невыборные конференции представителей всех слоев народа, называвшиеся также конференциями народных представителей). Предусматривалась и система военного контроля. В переходный период, в основном совпадающий с периодом до принятия Конституции КНР, власть на местах осуществлялась военно-административными комитетами в большинстве крупных административных районов (за исключени-

ем Северо-Восточного Китая и Северного Китая), военно-контрольными комитетами в крупных и средних городах и некоторых уездах и местными народными правительствами и делегированными ими органами управления в округах и уездных районах; судебные и прокурорские органы входили в состав местных народных правительств. Конференции представителей всех слоев народа и их постоянные органы выполняли также функции местных организаций Единого народно-демократического фронта, организовавшегося в Китае в форме НПКСК. Единственной формой разрешения национального вопроса в Китае, являющемся многонациональным государством, была провозглашена административная автономия; районы национальной автономии по статусу не ранжировались.

Постановление о подготовке проекта Конституции было принято по предложению ЦК КПК на 20-ом заседании ЦНПС в январе 1953 г. Тогда же была создана Конституционная комиссия. Первоначальный проект Конституции был представлен в комиссию от имени ЦК КПК в марте 1954 г., одновременно он был разослан для обсуждения на места. Результаты этих обсуждений учитывались Конституционной комиссией. 14 июня 1954 г. ЦНПС опубликовал исправленный проект Конституции для всенародного обсуждения. В ходе обсуждения было выдвинуто большое количество поправок, дополнений и мнений по проекту, частично учтенных Конституционной комиссией. 9 сентября того же года ЦНПС утвердил проект Конституции и поручил заместителю Председателя Центрального народного правительства Лю Шаоци сделать доклад о проекте на 1-ой сессии ВСНП 1-го созыва.

Сессия открылась 15 сентября 1954 г., а 20 сентября была принята первая Конституция КНР, построенная по модели конституций СССР и тогдашних стран народной демократии. КНР провозглашалась государством народной демократии, руководимым рабочим классом и основанном на союзе рабочих и крестьян. Конституция закрепляла сложившуюся в политической практике руководящую роль КПК в государстве и ее руководство Единым народно-демократическим фронтом, т.е. фактическую монополию КПК на власть.

В отличие от Общей программы в Конституции не было деления на народ и граждан, провозглашалось равенство граждан перед законом. Гражданам КНР гарантировались социально-экономические, политические и другие права.

Политической основой государства провозглашались массовые представительные организации советского типа — собрания (в более точном переводе: съезды — дахуэй) народных представителей. На смену ЦНПС пришло Всеитайское собрание народных представителей (ВСНП). Значительная самостоятельность была предоставлена Постоянному комитету (ПК) ВСНП. В систему высших органов государства был введен Председатель КНР, который вместе с ПК ВСНП стал выполнять функции главы государства. Председатель КНР возглавлял Государственный комитет обороны и был уполномочен созывать высший консультативный орган — Верховное государственное совещание. Место Административного совета занял Государственный совет, который также стал именоваться в некоторых документах Центральным народным правительством КНР.

Конституция и принятый вслед за ней Закон о местных собраниях народных представителей и местных народных представительствах различных ступеней внесли существенные изменения в организацию местных органов власти и управления. В отличие от прежних конференций собрания по идее становились полновластными органами власти на местах, однако, не были полномочны создавать свои постоянно действующие органы. Функции таких органов возлагались на их исполнительные органы — народные комитеты. В отли-

чие от конференций собрания были полностью выборными органами (в основном путем многостепенных выборов).

Система местных органов базировалась на закрепленном Конституцией административно-территориальном делении. Судебно-прокурорские органы были выведены из подчинения местным правительствам, при этом однако судебные органы сохранили некоторые организационные связи с местными властными структурами: местные СНП стали избирать председателей судов, а судьи назначаться народными комитетами.

Единственным значительным изменением в правовом положении районов национальной автономии, внесенным в Конституцию, было их деление на ступени — автономные области (районы), автономные округа и автономные уезды. Кроме того, предусматривалось создание национальных волостей в качестве неавтономных административно-территориальных единиц.

По своему содержанию Конституция в тот конкретный исторический момент была прогрессивным документом. Однако ее проведение в жизнь ограничивалось рядом факторов, в том числе давлением определенных политических сил, стремившихся к насаждению культа личности, диктаторских методов правления, милитаризации государственной и общественной жизни. С конца 50-х годов страну стали лихорадить следовавшие одна за другой политико-идеологические кампании, в ходе которых осуществлялся отход от коренных положений конституции. Политическая практика была поставлена выше главного закона страны. Важнейшие конституционные положения отменялись партийными директивами даже без формального штампования этих действий государственными органами. Так, создание народных коммун, в процессе которого была ликвидирована система конституционных органов власти на селе, было осуществлено на основании решения узкого партийного органа — Политбюро ЦК КПК. Период “коммунизации” и “большого скачка”, начавшийся в 1958 г. также на основе партийных директив, характеризовался общим снижением роли представительных органов. Выборы их не проводились с 1958 г. по 1964 г., были годы, когда не созывались даже сессии ВСНП. В 1966 г. началась “культурная революция”, в ходе которой политическая система КНР была подвергнута слому и конституция страны превратилась в фиктивный документ.

К 1968 г. относятся первые заявления Мао Цзэдуна о необходимости принятия новой конституции, но лишь в январе 1975 г. после нескольких раундов внутриполитической борьбы состоялось ее утверждение. Официальному открытию сформированной без выборов 1-ой сессии ВСНП 4-го созыва предшествовал пленум ЦК КПК, который и представил на сессию проект новой Конституции, содержащий всего 30 статей (против 106-ти в первой Конституции).

Доклад о проекте Конституции сделал один из членов “лево”-экстремистской группировки, названной после смерти Мао Цзэдуна “бандой четырех”, — Чжан Чуньцяо, не занимавший в то время никаких государственных постов. Конституционный вопрос был поставлен им с точки зрения идеи “неуклонного продолжения революции при диктатуре пролетариата”, причем опорой последней были названы вооруженные силы — армия и народное ополчение. На практике это “продолжение революции” означало перманентное применение насилия к народу страны в целях выполнения политических задач левацкой группировки. Именно поэтому во второй Конституции КНР были существенно расширены положения о вооруженных силах, функции которых были распространены на хозяйственную сферу, они были объявлены не только “боевым”, но также “рабочим и производственным” отрядом. При этом охранительной функции вооруженных сил было придано расширительное

толкование: возможность их использования не только для отражения агрессии, но и для защиты "от подрывной деятельности".

Конституция закрепила в системе государственных органов т.н. "революционные комитеты", порожденные "культурной революцией" в качестве местных органов власти. Конституция закрепила и сельские "народные коммуны" в качестве организаций, в которых "слиты воедино государственная власть и хозяйственное управление". Из центральных органов государства был упразднен пост Председателя КНР, который занимал накануне "культурной революции" Лю Шаоци, а также Государственный комитет обороны и Верховное государственное совещание. Были урезаны полномочия ВСНП и ПК ВСНП; упразднены органы прокуратуры, их функции в отношении следствия и поддержания обвинения переданы органам общественной безопасности. Судебные органы были сохранены, но из текста Конституции были исключены такие принципы их деятельности, как гласность суда и обеспечение обвиняемому права на защиту, национальное равноправие в судопроизводстве, подчинение судей только закону и т.п.

Серьезным регрессом отмечались и конституционные положения о гражданских правах и свободах, которые были сведены в одну статью (в Конституции 1954 г. каждому из гражданских прав посвящалась отдельная статья) и исключены упоминания о гарантиях этих прав. Да и в целом Конституция 1975 г. была больше похожа на политическую декларацию победивших в "культурной революции" экстремистов.

Однако этой Конституции не была уготована долгая жизнь. Уже осенью 1977 г. было официально объявлено о намерении внести в нее изменения, а в марте 1978 г. была принята новая Конституция КНР, воплотившая в форме главного закона страны политическую линию руководства страны, сложившейся после смерти Мао Цзэдуна 9 сентября 1976 г. и последовавшего за ней и устранения от власти его ближайших сподвижников. С докладом о проекте Конституции выступил Е Цзяньин, избранный на той же сессии Председателем ПК ВСНП.

Авторы этой Конституции КНР прежде всего освободили ее от наиболее одиозных как для народа страны, так и мирового общественного мнения формулировок Конституции 1975 г. ("готовиться к войне", "всесторонняя диктатура над буржуазией в области надстройки", "политику на командное место" и т.п.). Хотя по инерции в ней и отдавалось словесное должное "культурной революции", но на первое место была выдвинута задача модернизации экономики, а вместе с нею науки, техники и обороны страны. В Конституции 1978 г. восстанавливались основные положения первой Конституции КНР относительно свободы научно-исследовательской деятельности, литературно-художественного творчества и другой культурной деятельности, а также относительно национальной автономии, гражданских прав и их гарантий.

Конституция 1978 г. вернулась почти полностью к положениям первой Конституции в отношении статуса государственных органов, однако институт Председателя КНР не был восстановлен и сохранено наименование местных правительств "ревкомами". Но последние уже не были органами власти наряду с СНП, а лишь их исполнительными органами. Возрождались прокурорские органы, были восстановлены конституционные положения о гласности суда и праве обвиняемого на защиту; вместе с тем отсутствовали имевшиеся в первой Конституции положения о независимости судей и подчинению их только закону и о языке судопроизводства. Одновременно в Конституции 1978 г. было записано, что "по крупным контрреволюционным и уголовным делам следует мобилизовывать массы на обсуждение и высказывание мнений насчет того какой приговор следует вынести" (ст. 41). Практика такого рода "высказывания

мнений" была хорошо известна в стране по массовым судилищам времен "культурной революции". В Конституции присутствовал и такой реликт "культурной революции", как "четыре больших" ("сыда"), которые в приглаженном официальном переводе агентства Синьхуа определялись как "широкое высказывание мнений, полное изложение взглядов, широкие дискуссии и дацзыбао (большие стенгазеты. — Авт.)". На деле все это относилось к практике морального террора.

В целом в Конституции 1978 г. была законодательно оформлена политическая линия, сформулированная XI съездом КПК (август 1977 г.) на основе политического компромисса между апологетами и противниками "культурной революции" в составе тогдашнего руководства партии. Конституция не могла стать в силу этого стабильным законом и была подвергнута изменениям уже на 2-ой и 3-ей сессиях ВСНП 5-го созыва (1979 и 1980 гг.) — в период после провозглашения на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г. начала реформы. На первой из указанных сессий было отменено наименование местных правительств "ревкомаами", на второй исключены из текста Конституции "четыре больших". Эта же сессия приняла решение о пересмотре Конституции 1978 г. и образовала для этой цели комиссию во главе с Председателем ПК ВСНП Е Цзяньином.

На разработку новой (по официальной терминологии — "исправленной") Конституции КНР ушло более двух лет. В отличие от своих предшественниц, принимавшихся наспех в 1975 и 1978 годах, эта Конституция на стадии проекта прошла широкое обсуждение, длившееся более семи месяцев (апрель-ноябрь 1982 г.) 5-я сессия ВСНП 5-го созыва заслушала доклад заместителя председателя комиссии по пересмотру Конституции Пэн Чжэнь в день открытия сессии 26 ноября 1982 г. 4 декабря Конституция была утверждена ВСНП и на следующий день опубликована в печати.

В преамбуле Конституции 1982 г., характеризующей итоги развития КНР, программные цели и основные принципы ее внутренней и внешней политики, указывается, что в дальнейшем коренная задача КНР состоит в том, чтобы "сосредоточенными силами осуществить социалистическую модернизацию". В области внешней политики декларировано, что КНР будет придерживаться "независимой и самостоятельной внешней политики", "пяти принципов мирного сосуществования", что она "прилагает усилия в интересах сохранения мира во всем мире и содействия делу прогресса человечества".

Власть в КНР была определена как "демократическая диктатура народа" с указанием на то, что она является "диктатурой пролетариата по существу" (Пэн Чжэнь в докладе о конституционном проекте говорил также о "диктатуре государства").

Из новой Конституции были устранены все упоминания о "культурной революции" и ее установках (в том числе о "продолжении революции при диктатуре пролетариата"). Вместе с тем много места, как никогда ранее в Конституциях КНР, было уделено Единому фронту, который при этом именуется "патриотическим", а не "народно-демократическим" (как в 1954 г.), или "революционным" (как в 1978 г.). Таким образом, нашла конституционное закрепление принятая в 1979 г. формулировка состава Единого фронта, допускающая в него патриотов, не стоящих на социалистических позициях, но являющихся "сторонниками объединения Родины", т.е. воссоединения с КНР Тайваня и колониальных анклавов в Сянгане и Аомэне. С политикой территориальной интеграции Китая было прямо связано и введение в Конституцию статьи об особых административных районах, режим которых "с учетом конкретных условий устанавливает Всекитайское собрание народных представителей" (ст. 31).

Конституция 1982 г. зафиксировала возврат страны к многоукладной экономике: к двум общественным секторам добавлен единоличный, а в лице смешанных китайско-иностраннх предприятий и фактически государственно-капиталистический. Кроме того, на конституционном уровне легализована деятельность в КНР иностранных частнокапиталистических предприятий (ст. 18).

В Конституции 1982 г. значительно расширена глава о правах и обязанностях граждан, которая теперь следует сразу за главой I ("Общие положения"). В ней 23 статьи вместо 4-х во второй Конституции и 16-ти в третьей. В Конституцию введена статья, определяющая понятие гражданина КНР и устанавливающая равенство граждан перед законом (ст. 330). Кроме того, отдельные статьи посвящены неприкосновенности свободы личности граждан (ст. 37) и их жилища (ст. 39), введены статьи о неприкосновенности чести и достоинства граждан (ст. 38) и праве граждан критиковать любые государственные органы и любых государственных работников (ст. 40); в особую статью выделено положение об установлении государством согласно закону порядка ухода на пенсию и обеспечения государством и обществом пенсионеров (ст. 41). Из обязанностей граждан была исключена "поддержка руководства Коммунистической партии Китая и социалистического строя", содержавшаяся в Конституции 1978 г., но восстановлена статья об обязанности уплаты налогов (ст. 56). В отдельную статью выделена обязанность "защищать единство Родины и сплоченность всех национальностей страны" (ст. 52). Установление прав граждан сопровождается провозглашением гарантий, в том числе и социально-экономических, однако последние формулировались в виде отсылок к последующему законодательству. Например, в статье, устанавливающей право на отдых (ст. 43), декларировалось, что "государство улучшает условия для отдыха и укрепления здоровья трудящихся, устанавливает для рабочих и служащих рабочее время и систему отпусков" или в связи с правом на труд и обязанностью трудиться: "государство различными путями создает условия для трудоустройства, улучшает охрану и условия труда и на основе развития производства повышает оплату труда и материальное благосостояние тружеников" (ст. 42) и т.п.

Конституция внесла в государственную структуру КНР значительные изменения, выразившиеся в следующих главных моментах: 1) восстановление института Председателя КНР; 2) предоставление ПК ВСНП фактически тех же прав в области законодательства, что и самому собранию; 3) образование Центрального военного совета КНР, который, как было заранее установлено, совпадает по персональному составу с Военным советом (точнее Военной комиссией) ЦК КПК; 4) восстановление волостного звена органов власти и управления; 5) установление сроков, ограничивающих пребывание некоторых высших государственных должностных лиц на своих постах (Председателя и заместителя Председателя КНР, председателя и заместителей председателя ПК ВСНП, премьера, заместителей премьера и членов Госсовета, председателя Верховного народного суда, генерального прокурора Верховной народной прокуратуры — двумя созывами ВСНП, т.е. десятью годами); 6) установление несовместимости членства в постоянных комитетах собраний народных представителей (включая ПК ВСНП) с занятием административных, судебных и прокурорских должностей; 7) учреждение в составе правительств различных ступеней системы ревизионных органов для усиления контроля над финансами и финансовой деятельностью.

Конституцией КНР 1982 г. были восстановлены основные автономные права национальных районов, ранее содержавшиеся в первой Конституции страны, в том числе право на издание положений об автономии и отдельно действующих положений (местных законов, учитывающих национальную спе-

цифику), на формирование местных отрядов общественной безопасности и особые финансовые права. Вместе с тем Конституцией впервые установлено право занятия некоторых должностей в органах самоуправления районов национальной автономии гражданами "тех национальностей, которые пользуются районной автономией" (ст. 114): за последними резервировались посты председателей правительств национальной автономии и председателей или заместителей председателей ПК СНП этих единиц.

При подготовке окончательного текста Конституции в его первоначальный проект было внесено около ста поправок. Большинство из них носило юридическо-технический характер, но не только. Так, в окончательном тексте Конституции было опущено содержавшееся в проекте положение о воспитании интеллигенции. Одновременно появились отдельные статьи о развитии науки, медико-санитарного дела, литературы и искусства, вставлен большой абзац о "строительстве социалистической духовной культуры" (ст. 24). Общая статья о государственных органах была дополнена положениями, провозглашавшими принцип упрощения аппарата и сокращения штатов, введение систем служебной ответственности, повышения квалификации кадров и их аттестации (ст.27). В ст. 32, первоначально посвященную лишь праву убежища для иностранных граждан, было включено развернутое положение об охране в КНР законных прав и интересов иностранцев. Самым значительным изменением в главе о государственной структуре по сравнению с конституционным проектом явилось снятие ограничения определенными сроками нахождения на посту председателя Центрального военного совета КНР (в тот момент этот пост занимал Дэн Сяопин).

В целом Конституция 1982 г. была существенным прогрессом по сравнению со своими предшественницами 70-х годов, а в некоторых отношениях превосходила и первую Конституцию страны. Однако в основном она была скорее восстановительным, чем реформаторским документом. Такое свое значение она получила лишь с принятием поправок, внесших существенные коррективы в общественный строй государства.

Первыми поправками 1988 г. (1-я сессия ВСНП 7-го созыва) были легализованы на конституционном уровне частные хозяйства и установлена возможность передачи в аренду права землепользования. Следующими поправками (1993 г., 1-я сессия ВСНП 8-го созыва) был закреплен на конституционном уровне "социализм с китайской спецификой", т.е. система социалистической рыночной экономики, регулируемая государством. В Конституцию было внесено и впервые сформулированное еще в конце 80-х годов понятие "начальной стадии социализма", в рамках которой существует многообразие форм собственности.

Было внесено и такое новое определение, как "социализм в модернизированном виде", подчеркнута необходимость "отстаивать реформы и открытость". Характерно и то, что в число задач китайского народа было включено превращение страны в "богатое, могучее, демократическое, цивилизованное социалистическое государство" (ранее слова "богатое" и "могучее" отсутствовали, а говорилось о высокоцивилизованном, высокодемократическом государстве, т.е. при внесении поправок были сняты превосходные степени). Из моментов, относящихся к политической системе, в преамбуле можно указать лишь на введение формулы "многопартийное сотрудничество под руководством КПК", которая принципиально нового не содержала.

Более характерными были изменения по конкретным статьям. В правке к ст. 7 важным нововведением явилось переименование "государственного сектора экономики (гоин цзинци) в "сектор экономики, основанной на государственной собственности" (гою цзинци). Это была не простая смена терминов. Она означала преобразование производственных отноше-

ний, поскольку право пользования собственностью государства переходит к самостоятельным хозяйственным организациям. Поправкой к ст. 8 было снято упоминание в Конституции народных коммун. Очень важным явилось и изменение ст. 15, прежде закреплявшей осуществление планового хозяйства. Теперь функции государства концентрируются на строительстве рыночной экономики, усилении хозяйственного законодательства, совершенствовании макрорегулирования. Требование неукоснительного выполнения хозяйственных планов теперь в конституцию не включено. Конкретизация изменений в системе хозяйствования была продолжена в статьях 16 и 17 конституции, установивших право на хозяйственную самостоятельность предприятий государственной и коллективной собственности. Предписание подчинения этих предприятий государственному плану из Конституции исключено. Эти изменения в Конституции КНР означали существенный отход от командно-административной модели управления экономикой. В меньшей степени изменения 1993 г. в конкретных статьях касались политической системы общества. Они свелись к изменению сроков полномочий собраний народных представителей уездного уровня — установлению для них пятилетнего срока полномочий. В силу этой конституционной новации трехлетним остался лишь срок полномочий собраний народных представителей волостного уровня. Унификация сроков полномочий представительных органов уездного уровня с вышестоящими создает определенные удобства для властей при организации выборов, являющихся многостепенными.

Новая серия конституционных поправок имела место в 1999 г. 15 марта 1999 г. 2-я сессия Всекитайского собрания народных представителей девятого созыва приняла третью серию поправок к Конституции КНР. Как и в двух предыдущих случаях (1988 и 1993 гг.), основные изменения в Конституции закрепляли сложившуюся практику государственной жизни, уже произошедшую смену партийных лозунгов или установок и даже отдельные изменения в законодательстве. Следует отметить, что у всех поправок к Конституции единая (с 1988 г.) нумерация: последние шесть поправок начинаются с 12-го номера и завершаются 17-ой.

Первая из этой серии поправок (12-я по единой нумерации) относится к седьмому абзацу Введения Конституции. Изменения коснулись трех формулировок этого абзаца, а именно: а) положение “Китай находится на начальной стадии социализма” заменено на “Китай будет в течение длительного времени находиться на начальной стадии социализма”; б) слова “вооруженные марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна” дополнены “и теорией Дэн Сяопина”; в) в той же фразе среди задач китайского народа теперь обозначено “развивать социалистическую рыночную экономику”. Все перечисленные изменения уже встречались ранее в законах и партийных документах, документах Единого фронта, теоретических статьях.

Вторая (13-я) из поправок относится к ст. 5 Конституции, устанавливающей принципы соблюдения законности в государстве. К этой статье добавлен новый первый абзац, устанавливающий: “Китайская Народная Республика управляется согласно закону и становится социалистическим правовым государством”. Поправка отражала быстрое нарастание в стране большого пласта разнообразных правовых норм. Реформа права считается в КНР важным направлением политической реформы, однако на деле она вместе с административной реформой в известной мере подменяет политическую реформу, так как политические институты практически не реформируются. Лозунг становления КНР как социалистического правового государства тоже нельзя отнести к нововведениям. Он сравнительно давно присутствует в терминологии политических и научных статей. Разумеется, его поднятие на конституционный уровень

имеет немаловажное значение для жизни страны. Третья (14-я) поправка внесла существенное изменение в 6-ю статью Конституции, в которой говорится об общественной собственности на средства производства как основе экономического строя и осуществлении принципа оплаты по труду. Рыночная экономика заставила творцов конституционных поправок вписать в Конституцию новое положение, отразившее фактически сложившуюся ситуацию, при которой наряду с общественным в стране стал развиваться частный сектор, где распределение осуществляется не только по труду. Отсюда новый абзац Конституции, устанавливающий, что "на первоначальной стадии социализма государство поддерживает экономическую систему, при которой общественная собственность доминирует и другие формы собственности развиваются параллельно; придерживается системы, при которой распределение по труду доминирует при осуществлении с другими формами распределения".

Четвертая поправка (15-я) касается статьи 8 Конституции, уточняя ее положение относительно роли семейного подряда в сельскохозяйственном производстве, отмечает его связь с коллективным хозяйствованием (в прежней редакции говорилось о системе "ответственности в деревнях, главной формой которой является семейный подряд"). Таким образом, коллективное хозяйство остается элементом организации сельскохозяйственного производства в качестве его второго уровня, при этом семейный подряд остается основой системы хозяйствования. Передача собственности на землю отдельным хозяйствам крестьян не предусматривается.

Пятая (16-я) поправка к Конституции особенно важна: легализованный на конституционном уровне еще в 1988 г. частный сектор экономики в качестве "дополнения к социалистической экономике, основанной на общественной собственности", теперь получил вместе с сектором труженников-единоличников (индивидуальными хозяйствами) статус "важной составляющей социалистической рыночной экономики". Однако установление правового равенства индивидуального и частного секторов, объединяемых ныне в Конституции понятием "необщественный сектор", с общественным (предприятия государственной и коллективной собственности) не означает ослабления государственного контроля в отношении индивидуальных и частных хозяйств: в Конституции по-прежнему подчеркивается направление государством деятельности этих хозяйств, наблюдение и контроль со стороны государства за ними.

Шестая поправка (17-я) вносит изменение в 28-ю статью Конституции, где устанавливаются основы карательной политики КНР. Суть его в исключении понятия "контрреволюционное преступление" из китайской правовой терминологии. Теперь в Конституции говорится о подавлении "предательской и прочей преступной деятельности, подрывающей безопасность государства". Дело здесь не в простой смене терминологии, а в переводе карательной политики государства в более цивилизованное русло, в уменьшении заложенных в самом законе возможностей необоснованных репрессий. И в этом случае не Конституция выступает пионером законодательных преобразований — понятие "контрреволюционное преступление" было исключено из Уголовного кодекса КНР еще в марте 1997 г. при принятии Всекитайском собранием народных представителей этого Кодекса в новой редакции.

Таким образом, все поправки к Конституции КНР периода второй половины 80-90-х годов относятся к ее вводящей части (Преамбуле) и первой главе (Общие положения) и не касаются прямо вопросов, связанных с правами и обязанностями граждан и государственной структурой страны. Однако подчеркнутые поправками принцип "управления на основе закона" и задача построения правового государства неотделимы от совершенствования государственного аппарата и защиты гражданских прав.

Главный же смысл внесенных поправок — закрепление уже произошедших изменений в общественном строе страны, заключающихся прежде всего в признании равноправия на длительный исторический период различных форм собственности, развития Китая по пути регулируемой государством рыночной экономики, официально именуемой в КНР “социалистической рыночной экономикой”. Вряд ли можно ожидать в ближайшем будущем серьезных изменений в политической системе страны. Несмотря на значительное число диссидентских выступлений (в том числе и печатных) и даже попытки организации оппозиции (типа Демократической партии) и выдвижения на выборах оппозиционных кандидатов, правящая партия по-прежнему монополизирует власть во всех ее эшелонах. Даже сравнительно лояльные выступления за углубление политической реформы пока что встречали довольно жесткий отпор со стороны властных структур. Главная внутривластная задача китайского руководства усматривается сейчас во всемерном поддержании политической стабильности внутри государства, а это подразумевает исключение экспериментов в области политической системы, не исчерпавшей, как можно судить, своей эффективности в обеспечении экономического прогресса, модернизации страны, высокого авторитета КНР в мировом сообществе.

Использованная литература

Законодательные акты Китайской Народной Республики. М., 1952.

Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики. М., 1955.

Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты. М., 1984.

Китайская Народная Республика: законодательные акты. М., 1989.

Новое законодательство КНР// Экспресс-информация ИДВ РАН. № 5. М., 1994.

Новое законодательство Китайской Народной Республики// Экспресс-информация ИДВ РАН. № 10. М., 2000.

Новая редакция закона КНР о браке

© 2002

О. Почагина

В Китае государство традиционно уделяет особое внимание функционированию и укреплению института семьи, рассматривая его как основу стабильности и процветания. В философском наследии Конфуция семья и государство выступают как основные взаимосвязанные и взаимозависимые несущие опоры общества — "Поднебесная — единая большая семья". Мощь государства, его стабильность и благоденствие в основе своей имеют семью (цзя), напрямую зависят от ее структурной организации и внутрисемейных отношений. Регулирование (посредством обычного права и законодательства) структуры семейной организации, внутрисемейных отношений практически на всем протяжении существования государства в Китае, является, по всей видимости, необходимым фактором выживания и поступательного развития китайской цивилизации.

Традиционная модель семейной организации в Китае характеризовалась патриархальностью, патрилинейностью и патрилокальностью. Она сформировалась на основе конфуцианских представлений о семье и характере взаимоотношений между различными категориями родственников по крови и браку, культе предков и учении о сыновней почтительности сяо. Закон КНР о браке стал первым законодательным актом, принятым после образования Китайской Народной Республики, это базовый закон, регулирующий брак и семейные отношения, затрагивающий права и интересы каждого гражданина. Он был обнародован 1 мая 1950 г. Закон установил равенство мужчины и женщины в браке, свободу (от воли родителей) в заключении брака, объявил вне закона все насильственно заключенные браки, уравнил в правах внебрачных детей и детей, рожденных в браке, закрепил обязанность родителей воспитывать и содержать своих детей. Таким образом, в КНР вне закона объявлялась существовавшая в Китае более двух тысячелетий система семейно-брачных отношений, базировавшаяся на авторитарной власти главы семьи и доминировании представителей старшего поколения, полном бесправии женщин.

Семейное культурное строительство было включено в комплексное планирование развития духовной культуры правительствами всех ступеней. С конца 70-х гг. во всех городах и деревнях КНР началась кампания строительства семьи "пяти хорошо" (любить родину; соблюдать законы и правила; хорошо работать и учиться; хорошо планировать деторождение; уважать старших и воспитывать детей). Мероприятия кампании призваны играть важную роль в создании дружных и счастливых семей, способствовать формированию действительно равноправных отношений в семье, семейного согласия, уважения к старшим и любви к младшим, взаимопомощи.

Одна из тенденций современного правового развития КНР — постепенная замена ранее принятых законов новыми редакциями, которые адаптируют законы к изменениям, происходящим в стране, к международным обязательствам и решают возникающие проблемы в той или иной социальной сфере, гарантируют поддержание социальной стабильности в стране, модернизацию и гуманизацию права и судопроизводства. В русле этой тенденции был обновлен и Закон КНР о браке. В условиях набиравшей темпы модернизации китайского общества в 1980 г. третьей сессией Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва был принят новый, второй “Закон о браке” (он вступил в силу с 1 января 1981 г.), закрепивший основные принципы матримониальной системы и отношений между членами семьи: единобрачие, равенство мужчины и женщины, свободное вступление в брак. Закон пополнился некоторыми новыми положениями, связанными прежде всего с планированием семьи, повышен на два года брачный возраст — 22 года для мужчин и 20 — для женщин, внесены уточнения относительно запретов вступления в брак по состоянию здоровья, смягчен запрет на вступление в брак с родственниками, введена судебная ответственность для лиц, нарушающих закон о браке. Появились статьи, регулирующие взаимоотношения дедушек, бабушек и внуков, а также старших и младших братьев и сестер. Так, в случае смерти родителей или их финансовой несостоятельности дедушки и бабушки, старшие братья и сестры должны содержать и воспитывать несовершеннолетних внуков и сиблингов. Расторжение брака стало возможным на основе договоренности сторон и в судебном порядке¹. В целом закон способствовал дальнейшему укреплению демократической системы заключения браков и семейно-брачных отношений, основы которой были заложены Законом КНР о браке 1950 г.

Переход к рынку, политика открытости, общемировые тенденции развития института семьи все в большей степени сказываются на трансформации и динамике семейно-брачных отношений в Китае: увеличивается количество разводов, растет число одиноких людей и однодетных нуклеарных семей (традиция многодетных и многопоколенных семей подвергается мощным ударам модернизации), широкое распространение получили внебрачные связи (20% женатых китайцев имеют сексуальные отношения вне брака). Особенно очевидны изменения в отношениях представителей разных полов. Наблюдается сдвиг от патрилинейности к билинейности семейных и родственных отношений. Патрилокальное поселение супругов не является более обязательным. В результате в настоящее время многие отказываются от традиционных воззрений, согласно которым, чем больше детей, главным образом мальчиков, тем лучше. Статистические данные свидетельствуют о том, что свыше 80% опрошенных жителей китайских городов уже не желают иметь большую семью и не отдают предпочтения определенному полу ребенка. Старики в равной степени ожидают поддержки от взрослых детей независимо от их пола. При решении вопроса о месте проживания стариков, требующих ухода, основную роль стали играть жилищные возможности и межличностные отношения. Заметно повысился статус женщин, особенно в городских семьях, дочери наследуют имущество родителей. Произошло перераспределение нагрузки по ведению домашнего хозяйства и уходу за детьми между представителями разных поколений².

Несмотря на все позитивные изменения, происходящие в семье, эксперты считают, что брак в Китае и семейные ценности в целом находятся под угрозой. Прежде всего их тревожат широкое распространение внебрачных связей, рост разводов и насилие в семьях. Так, ведущий специалист по вопросам брака и семьи Шанхайской академии наук Сюй Аньци считает, что ослабление института брака создает ряд серьезных проблем, негативно влияющих на со-

стояние китайского общества, подрывая его стабильность. Внесение поправок в закон о браке направлено прежде всего на стабилизацию семьи в условиях модернизирующегося общества.³ Согласно социологическому исследованию, проведенному Всекитайской федерацией женщин, более 90% опрошенных в десяти провинциях и в крупных городах КНР высказались за необходимость обновления действующего закона о браке. Новая редакция закона должна способствовать созданию более прогрессивного и демократичного института семьи и брака, отвечающего современным потребностям и условиям интенсивно развивающегося китайского общества, положить конец нарушениям имущественных прав женщин в случае расторжения брака, насилию в семьях, от которого чаще всего страдают женщины, дети и старики. Таким образом, обеспокоенность руководства страны, социологов и простых граждан деструктивными явлениями в семейно-брачных отношениях и их возможными последствиями для развития общества, а также объективная недостаточность многих положений действующего закона о браке заставили китайских законодателей активизировать работу над поправками.

Принятию новой редакции Закона КНР о браке предшествовала более чем пятилетняя работа комиссии по вопросам законодательства ПК ВСНП. Выработка новых формулировок оказалась процессом длительным и достаточно сложным. Особое внимание законодатели уделяли вопросам юридической оценки внебрачных связей, ответственности за нарушение моногамии и супружеской верности, раздела семейной собственности при расторжении брака, насилия в семьях и ухода за стариками.

Парламентарии бурно обсуждали поправку, предусматривающую выплату компенсации жене мужем, имеющим любовницу, при расторжении брака. В действующем законе о браке денежные выплаты женщине при расторжении брака предусматривались только в случаях двоеженства и издевательств со стороны мужа. Включение в основания для компенсации параграфа о внебрачных связях специалистами расценивается как "настоящий прорыв", способствующий защите прав и интересов замужних женщин. Особая актуальность проблемы законности нерегистрируемых браков связана с тем, что крестьяне считают достаточным проведение свадебной церемонии без официальной регистрации брачных отношений, что не может не беспокоить власти, поскольку подрывает политику ограничения рождаемости.

В Пекине, в Шанхае и в провинции Гуандун были проведены специальные совещания-конференции, на которых ведущие специалисты по семейному праву, социологи и психологи высказали свои мнения относительно тенденций развития семьи в Китае, уделив особое внимание проблеме внебрачных связей. Были выделены следующие формы существования внебрачных отношений: бигамия, как правило, в форме двоеженства (наличие двух семей), внебрачное сожительство (гражданский брак, т.е. неоформленные законом супружеские отношения), внебрачные связи (сексуальные отношения помимо супружеских). Рост уровня жизни и доходов стимулировал распространение внебрачных связей состоящих в браке мужчин. Некоторые китайские социологи и политические деятели расценивают это явление как возрождение многоженства, характерного для феодального Китая. Действительно, в императорском Китае состоятельный мужчина мог иметь несколько жен и наложниц, живших под одной крышей. Современные китайские мужчины не особо афишируют свои внебрачные отношения и наличие вторых жен, поскольку двоеженство запрещено и карается законом.

Круг рассмотренных и обсужденных законодателями, специалистами и средствами массовой информации в этой связи проблем достаточно широк — от двоеженства в реальной жизни до виртуальных внебрачных связей. Отно-

нительно последних многие специалисты придерживаются мнения, что несмотря на то, что любовные связи в виртуальном пространстве всего лишь игра, однако она бросает серьезный вызов традиционной этике, семейным ценностям (верность, преданность, приоритет семейных интересов перед личными и иными интересами, солидарность), формируя у молодого поколения несерьезное отношение к браку и супружеским обязанностям, что, бесспорно, не может не волновать общественность и экспертов. Высказывались мнения, что закон в интересах будущих поколений китайцев должен содержать пункт о супружеской верности, другие считали необходимым усилить акцент на соблюдении и защите прав супругов. Проблема супружеской верности — должна ли она контролироваться законом, либо останется лишь моральным обязательством — была предметом бурных обсуждений в Китае на разных уровнях.

В результате обсуждения ученые пришли к заключению, что любовные связи на стороне достаточно сложно фиксируются и затрагивают интересы нескольких сторон, именно поэтому при разработке санкций, применяемых к нарушителям супружеской верности необходимо учитывать реальные возможности реализации наказания и в первую очередь бороться с толерантностью общества по отношению к таким явлениям. Средства массовой информации должны способствовать укреплению семейных ценностей.

Нельзя не отметить, что, говоря о традиционных семейных ценностях, китайские специалисты несколько лукавят, так как понятие “супружеская верность” не входит в разряд таковых. Вернее существовал “двойной стандарт” — традиция строго предписывала супружескую верность исключительно женам и не распространялась на мужей. Именно поэтому Всекитайская федерация женщин настаивала на более четком определении прав женщин и защите со стороны закона их интересов, поскольку практика “содержания вторых жен и любовниц” распространена среди мужчин и не нова для китайского общества.

Разводы, являясь характерной чертой модернизирующегося общества, наносят ущерб обществу, осложняют контроль над рождаемостью и угрожают социальной стабильности в целом. Тем не менее социологи отмечают и положительные аспекты указанного явления. Если раньше развод считался в китайском обществе чем-то позорным и предосудительным, то в настоящее время китайцы, особенно молодое и среднее поколения, стали более толерантными к расторжению брака, что свидетельствует о формировании уважения к индивидуальному выбору индивида и признании свободы такого выбора от давления родственников и общества, реальном повышении статуса женщин.

Новая экономическая ситуация в стране в значительной степени отразилась на отношении к браку, внутрисемейных отношениях и гендерных ролях китайцев. По мнению одного из ведущих китайских специалистов по проблемам семьи и брака Ли Иньхэ, взгляды молодого поколения на семью и брак становятся все более свободными, что связано как с бурным экономическим развитием и модернизацией, так и с пагубным влиянием чуждой западной культуры. Ежегодно в брак вступают около 9 млн пар. В 2000 г., согласно официальной статистике, в брак вступили 8,480 млн пар, 1,210 млн пар расторгли супружеские отношения. В 1998 г. 38,5% из всех обратившихся за разводом пар органами внутренних дел и судами было отказано в расторжении брака⁴.

Разводы негативно отражаются на воспитании детей в неполных семьях, их психологическом состоянии и социальной адаптации (так, согласно статистике, более 40% подростков из неполных семей совершают противоправные действия). Тем не менее, по мнению некоторых экспертов, негативные последствия разводов на детей не стоит преувеличивать. Бесспорно, детей травмируют плохие отношения между родителями, скандалы и насилие в семье. По

статистике 60% разводов обусловлены насилием в семьях, а в 30% всех китайских семей имеет место насилие. Именно поэтому при рассмотрении вопроса о введении возможных ограничений расторжения браков необходим сбалансированный подход. На одной чаше весов лежит социальная стабильность, а на другой — право гражданина на личную жизнь и свободный выбор брачного партнера. Были внесены предложения о финансовой компенсации виновной в распаде семьи стороны невиновной, о праве на финансовую компенсацию стороне (как правило, это относится к женщинам), которая в период брака заботилась о детях и стариках и обеспечивала другой стороне благоприятные условия и возможности полностью посвятить себя карьере и бизнесу. Согласно предлагаемым дополнениям, после неудачных попыток сохранить брак развод будет гарантирован судом одной стороне, даже в случае нежелания другой стороны расторгать брак.

Социальные и экономические процессы последних двух десятилетий негативно сказываются на традиционном отношении к старшему поколению. Распространяется практика плохого обращения со стариками, отказ от выполнения обязательств по уходу за ними, что свидетельствует о размывании традиционного уважения и заботы о родителях и старших по возрасту. Быстрый экономический рост, ускорение темпов жизни, миграция оказывают значительное влияние на межпоколенные отношения, делая их более эгалитарными. Молодое поколение делает ставку на карьеру и хорошо оплачиваемую работу, быстро усваивая западные ценности в отношении старшего поколения и ответственности перед ним. Отсутствие у старшего поколения собственности, передаваемой по наследству, в определенной мере подрвали власть родителей над детьми. Трансформация структуры китайской семьи от традиционной формы (родители + сын/сыновья вместе со своими семьями, живущие под одной крышей) к нуклеарной также нанесла определенный ущерб социальной безопасности стариков, изменив отношения между членами семьи и гендерные роли. При практическом отсутствии системы социального страхования более 2/3 стариков, особенно в сельской местности, зависят от финансовой поддержки своих взрослых детей. Старики, нуждающиеся в помощи и уходе как в городе, так и на селе могут рассчитывать исключительно на детей или других родственников. Руководство КНР, прекрасно представляя ситуацию в сфере социального страхования и учитывая традиции, считает необходимым законодательно закрепить обязанности детей по отношению к престарелым родителям, обеспечить старикам гарантии со стороны государства, что чрезвычайно важно в условиях быстро стареющего китайского общества.

В январе 2001 г. Президиум ПК ВСНП после многочисленных бурных дебатов, консультаций со специалистами (юристами, социологами, психологами) принял решение о вынесении поправок на широкое всенародное обсуждение, поскольку изменения закона затрагивают интересы всех жителей Поднебесной, где семья всегда являлась основой общества и опорой государства. Ли Пэн в своем выступлении в парламенте подчеркнул важность обсуждения поправок в Закон КНР о браке, сказав, что стабильность брака и семьи — ключевой фактор в обеспечении социальной стабильности и социального прогресса⁵. Проект закона был опубликован 15 января 2001 г. в средствах массовой информации КНР.

В официальных заявлениях и материалах прессы особо подчеркивается тот факт, что в новой редакции закона о браке сочетаются нормы закона и нормы морали, сохранены традиционные представления китайцев о браке, которые адаптированы к современным условиям.

Широкое вовлечение общественности, специалистов в обсуждение новой редакции закона о браке, активность населения свидетельствуют о коренных

изменениях, происшедших в китайском обществе за последние два десятилетия политики реформ и открытости. Население стало действительно активным участником создания новой редакции закона. Комиссией по внесению поправок в закон было получено более 40 тысяч писем, содержащих рекомендации, мнения и комментарии граждан. Особое внимание уделялось предложениям, внесенным женщинами, рабочими и сотрудниками народных судов.

28 апреля 2001 г. 28 сессия ПК ВСНП 9 созыва абсолютным большинством (127 голосов — за, 1 — против, 9 — воздержавшихся) утвердила новую редакцию Закона КНР о браке, которая вступила в силу в тот же день.

Новая редакция Закона КНР о браке в своей основе базируется на тексте Закона о браке 1980 г., имевшем 5 глав и 37 статей, состоит из 6 глав (“Общие положения”, “Брак”, “Семейные отношения”, “Расторжение брака”, “Меры по оказанию помощи и ответственность”, “Дополнительные положения”) и 51 статьи⁶. Кроме гл. 5, которая является абсолютно новой и посвящена судебно-правовой ответственности, все остальные разделы подверглись ревизии.

Что же нового появилось в Законе КНР о браке?

Ст. 3 помимо запрета бигамии была дополнена положением, которое гласит: “Запрещается также совместное проживание одного из супругов с другим лицом противоположного пола”. Такого рода сожителство ясно свидетельствует о нарушении закона и является основанием для привлечения к ответственности людей, имеющих внебрачные связи. Лица, уличенные в двоеженстве подлежат аресту и тюремному заключению до двух лет в соответствии с Уголовным кодексом КНР. Более того, пострадавшей стороне гарантируется денежная компенсация при расторжении брака.

Несмотря на все высказанные мнения о декларативности положения о супружеской верности, новая ст. 4 содержит это положение. “Супруги должны быть верными друг другу и взаимно уважать друг друга; члены семьи должны почитать пожилых, любить детей и помогать друг другу; они должны соблюдать равноправие, поддерживать гармоничные и цивилизованные супружеские и семейные отношения”⁷. Сексуальная распушенность и внебрачные связи не были отнесены к явлениям, угрожающим принципу единобрачия. Таким образом, китайские законодатели, отвергнув предложение о введении уголовной ответственности за адюльтер как противоречащий свободе личности, свободе выбора, рассчитывают на опосредованное влияние этой формулировки на общество. В ней они видят обращение к традиционному менталитету китайцев, таким ценностям, как взаимная преданность и взаимоподдержка членов семьи, приоритет семейных связей, все еще широко распространенных к китайском общественном сознании. Тем не менее совершенно очевиден перевод традиционных семейных ценностей из плоскости патриархальной семьи, где они сформировались и функционировали, в плоскость равных, гармоничных, здоровых и цивилизованных отношений между членами современной эгалитарной семьи.

С нашей точки зрения, такая экстраполяция имеет несколько очевидных противоречий, легко преодолимых в декларациях и на бумаге и не столь быстро исчезающих из общественного сознания. Изменение менталитета требует смены 3-4 поколений, дабы ценности традиционного общества переплавились в ценности современного человека, живущего в условиях рыночной экономики, информационного общества, глобализации и интенсивного влияния совершенно иных культурных ценностей.

Строго говоря, закрепление супружеской верности в качестве долга никак не может находиться под контролем закона, поскольку затрагивает сексуальные отношения. В том случае, если один из супругов не соблюдает указанного принципа по каким-то причинам, то вариантом решения проблемы может стать расторжение брака. Кроме того, в комментариях акцент сделан на то,

что к лицам, имеющим внебрачные связи должны применяться партийные и административные дисциплинарные взыскания, они должны стать объектами общественного осуждения⁸.

Значительно обновлена 2-я глава закона, посвященная вступлению в брак. Так, ст. 8 дополнена положением, требующим обязательной регистрации брака. Таким образом, в китайском семейном праве не признается законным так называемый гражданский или фактический брак. Данная поправка внесена в закон с целью максимального ограничения распространенной в сельских районах практики супружеских отношений без регистрации. В том случае, если лица, состоящие в подобном рода отношениях, обращаются в народные суды с имущественными или иными исками, они, в соответствии с новой редакцией закона, должны в первую очередь зарегистрировать брак, и только после получения свидетельства о браке народные суды принимают иски к делопроизводству.

Внесение этой поправки отвечает прежде всего интересам государства, обеспокоенного ростом фактических браков и сложностями, возникающими в этих условиях с реализацией жесткой демографической политики. Объявление вне закона фактических браков — попытка изменить негативную ситуацию, заставив всех вступающих в брачные отношения официально оформлять их в органах регистрации, что позволит государству эффективнее контролировать рождаемость.

Если же посмотреть на непризнание фактических браков с точки зрения интересов женщин, то их права и интересы при отказе мужчины регистрировать брак остаются не защищенными. С одной стороны, объявление фактических браков вне закона должно, по мысли законодателей, подтолкнуть пары, не зарегистрировавшие свои отношения, к регистрации, а с другой — определенным образом освобождает мужчин, состоящих в подобных отношениях, от всех обязательств по содержанию жен в случае их отказа от регистрации. С нашей точки зрения, эта поправка не отвечает интересам женщин и не защищает их права, в то время как права детей от фактических союзов защищены ст. 25 закона, уравнивающей внебрачных детей и детей рожденных в браке.

Три абсолютно новые статьи — 10, 11 и 12 — посвящены недействительным бракам и процедуре аннулирования брака. В соответствии со ст. 10 брак считается недействительным при наличии четырех условий: бигамия; вступление в запрещенный законом брак с родственником; с лицом, страдающим заболеванием, не позволяющим ему вступать в брак; несоответствие брачному возрасту. Браки, заключенные по принуждению, аннулируются. Бесспорно, действие ст. 11 направлено на защиту прав женщин, на борьбу с торговлей женщинами и насилием в отношении женщин. В этой связи особо следует отметить положение “если аннулирования брака требует сторона, чья личная свобода была противоправно ограничена, то заявление может быть подано в течение года со дня восстановления личной свободы”. К сожалению, торговля женщинами все еще не изжита в КНР, однако китайское руководство в соответствии со взятыми международными обязательствами предпринимает усилия для преодоления указанного явления, приводя национальное законодательство в соответствие с Декларацией об искоренении насилия в отношении женщин и Конвенцией о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

В формулировании и принятии данной статьи значительную роль сыграла активность неправительственных женских организаций и ВФЖ, проводивших огромную работу по подготовке предложений по внесению поправок в Закон и ознакомлению общественности с фактами насилия в отношении женщин.

Ст. 12, регулирующая имущественные отношения лиц, состоявших в браках, впоследствии признанных недействительными, также содержит поло-

жения, защищающие права и интересы женщин и детей. Впервые в китайское семейное право введен принцип “невинной стороны”, защищаются имущественные права стороны, состоявшей в законном браке в случае аннулирования брака по факту двоеженства. Особенно важно, что к детям, родившимся в недействительных браках, применяются статьи закона, относящиеся к взаимоотношениям родителей и детей. В статье особо оговаривается, что “имущественные интересы стороны, которая состояла в законном браке, при урегулировании имущественных отношений не должны нарушаться” при аннулировании брака по причине бигамии.

Значительные изменения претерпели статьи, регулирующие имущественные взаимоотношения супругов. Новая редакция четко и недвусмысленно определяет границы имущества, совместно нажитого супругами в браке, и личного имущества каждого из супругов. Так, в ст. 17 четко, в отличие от старой редакции, перечислены типы доходов и имущества, которые составляют общую семейную собственность супругов. К ним относятся заработки, премии супругов, доходы от производственной, управленческой и интеллектуальной деятельности, имущество, полученное по наследству и вследствие договора дарения, а также иное совместно нажитое имущество. Ст. 18 определяет, что относится к личному имуществу супругов, в первую очередь делается акцент на имуществе, которым стороны владели до брака. Это положение приобрело особую актуальность в условиях рыночной экономики и распространяющейся практики повторных браков.

Статистика свидетельствует, что 1% из вступающих в брак заключают брачный договор. Как правило, молодые люди, вступающие в брак первый раз, не располагают значительным имуществом. В последние годы вступающие в повторные браки все чаще заключают брачные договоры. Таким образом, китайцы начинают защищать свои права при помощи закона. Рост индивидуальных доходов сделал концепцию брачного договора реальностью. Данное положение закона защищает имущественные права всех граждан, особенно при расторжении брака. Ст. 19 отражает указанную тенденцию и посвящена брачному договору, основу которого составляют имущественные взаимоотношения супругов. Закон признает законность имущественных договоров, заключенных супругами, и имущественные права личности, однако не делает такую практику обязательной при заключении брака.⁹ Обновлены статьи, регулирующие взаимоотношение близких родственников, особенно в части их ответственности по содержанию несовершеннолетних детей и пожилых членов семьи. Законодатели, учитывая, что государство на современном этапе развития не может гарантировать социальное обеспечение семьям с детьми, имеющим низкие доходы, и пожилым людям, делают ставку на традиционные семейные отношения взаимоподдержки и солидарности. Ст. 28 и 29 фиксируют взаимные обязанности бабушек и дедушек и внуков и внучек, а также старших и младших братьев и сестер. Ст. 30 регулирует отношения взрослых детей и их родителей, гарантируя право последних на вступление в повторный брак. Дело в том, что в КНР насчитывается более 120 млн людей старше 60 лет, из них 45 млн — вдовцы и вдовы. Многие из них столкнулись с негативным отношением своих детей по отношению к их решению о вступлении в повторный брак. Причем неприятие выражается в различных формах — от отказа от общения, вербального и физического насилия до отказа в материальной поддержке родителям. В связи с тем, что проблема старения китайского общества становится с каждым годом все более актуальной, появилась объективная необходимость законодательного регулирования отношений между представителями разных поколений, защиты прав представителей старших поколений. Согласно этой статье, “дети должны уважать право родителей на заключение брака и не долж-

ны вмешиваться в повторный брак или жизнь родителей после заключения брака. Обязанность детей содержать родителей не отменяется из-за изменения брачных отношений родителей"¹⁰. Обновлению подверглись статьи, регулирующие расторжение брака, раздел имущества при разводе, содержание и воспитание детей. В ст. 32 перечислены случаи, в которых брак должен быть расторгнут: бигамия, проживание с другим лицом, домашнее насилие, жестокое обращение, оставление без помощи, употребление наркотиков или другие пороки, раздельное проживание супругов более двух лет, безвестное отсутствие одного из супругов, а также другие обстоятельства, которые приводят к разрушению чувств супругов. Данные нововведения, бесспорно, отражают процесс возрастания толерантности к расторжению брака в китайском обществе и учет интересов прав личности в семейной жизни, демократизацию семейного законодательства в целом. Тем не менее продолжают сохраняться некоторые ограничения на расторжения браков в среде военнослужащих, по-прежнему требуется согласие военнослужащего на расторжение брака, однако в новой редакции появилось дополнение "за исключением случаев, когда военнослужащий обвиняется в каком-либо тяжелом проступке" (ст. 33).

Ст. 34, ограничивающая права мужчины на расторжение брака в период беременности жены, дополнена положением об аналогичном ограничении права мужчины на развод на 6 месяцев в случае прерванной беременности жены. Данное положение дает возможность женщине восстановиться физически и психологически после пережитого стресса.

Абсолютно новая ст. 38 регулирует право родителей, непосредственно не воспитывающих детей после расторжения брака, на посещение детей. Настоящая необходимость появления этой статьи была продиктована ростом разводов в последние десятилетия, сложностями и многочисленными конфликтными ситуациями, связанными с детьми и взаимоотношениями супругов после расторжения брака. Статья достаточно хорошо проработана законодателями на основе полученных предложений от женских организаций и судебных инстанций, поскольку в ней учтены не только интересы бывших супругов, но и детей — "если посещение одной из сторон вредно для физического и морального здоровья ребенка, то народный суд вправе прервать право на свидания".

В ст. 39 внесено новое положение, касающееся имущественных прав супругов в рамках семейного подряда. Имущественные интересы и права стороны, "которая больше вложила в воспитание детей, уход за пожилыми членами семьи или содействовала трудовой деятельности другой стороны", а, как правило, такой стороной является женщина, так как традиционное разделение труда все еще сохраняется, защищает ст. 40. Согласно этой новой статье, указанная сторона в случае расторжения брака имеет право требовать компенсацию.

Новая 5 глава закона "Меры по оказанию помощи и правовая ответственность" полностью посвящена проблемам домашнего насилия и жестокого обращения в семье. Естественно, в первую очередь она защищает права женщин, детей и пожилых членов семьи, которые наиболее часто подвергаются насилию различного типа. Лицо, подвергающееся насилию или жестокому обращению, оставленное на произвол судьбы без помощи и средств к существованию, имеет право обращаться в различные инстанции (комитеты городских и сельских жителей, органы общественной безопасности, народные суды и прокуратуру) за помощью. Вышеперечисленные организации должны в меру своих возможностей и компетенции принять адекватные меры для прекращения насилия и выполнения обязательств по содержанию членов семьи.

Помимо правовой ответственности сторона, применяющая насилие или уклоняющаяся от обязательств, в случае расторжения брака должна выплатить компенсацию за причиненный ущерб потерпевшей стороне. Данные по-

ложения должны в определенной мере ограничивать любителей применять силу в решении семейных проблем.

Участившиеся случаи различных махинаций с совместно нажитым имуществом при расторжении браков и отсутствие положений, определяющих наказания за такого рода действия, сделали необходимым разработку и включение в новую редакцию закона специальной статьи. Ст. 49 возлагает ответственность за выполнение решений народного суда в отношении оказания помощи по воспитанию и содержанию членов семьи, раздела общего имущества и урегулирования вопросов, связанных с посещением детей, на "соответствующих отдельных лиц и организации", что вселяет уверенность в том, что полномочия принудительного исполнения, которые имеет народный суд, будут усилены.

* * *

Анализ причин, побудивших китайских законодателей разработать и принять новую редакцию Закона КНР о браке, а также новых статей, появившихся в ней, дает основания сделать следующие выводы.

Руководство КНР на современном этапе реформ, развития рыночных отношений, интенсификации имущественного расслоения в обществе основной своей задачей считает обеспечение "социальной стабильности"; в социальной политике актуализирует проблему социальной защищенности групп населения, особо в ней нуждающихся — престарелых, женщин и детей. В условиях активно стареющего общества (по данным Всекитайской переписи 2000 г. в КНР насчитывается 88,11 млн человек старше 64 лет, что составляет 7% населения), слабо развитой системы социального страхования и реформирования пенсионной системы государство пытается укрепить традиционные семейные ценности (уважение к родителям, выполнение сыновнего долга) и закрепляет в законодательстве определенные социальные гарантии в виде обязанностей близких родственников по содержанию и уходу за стариками.

К изучению и обсуждению проблем в семейно-брачной сфере были привлечены ведущие социологи, психологи, демографы и специалисты в области семейного права, изучены и учтены предложения не только Всекитайской федерации женщин, но и многочисленных неправительственных женских организаций, проект новой редакции Закона о браке был вынесен на всенародное обсуждение, широко освещался в средствах массовой информации. Все это свидетельствует о движении китайского общества к гражданскому обществу и демократизации процедур законотворчества. Китайское руководство осознает всю серьезность процессов, идущих в китайском обществе, в сфере семейных отношений, и пытается найти способы их регулирования и преодоления негативных последствий для общества.

Однако кроме негативных тенденций в семейно-брачной сфере, которые оценены как "угрожающие стабильности китайского общества, его дальнейшему развитию и процветанию", существовали другие объективные причины для принятия новой редакции закона о браке: 1) недостаточное отражение или полное отсутствие в законе о браке 1980 г. статей, регулирующих имущественные отношения супругов, и аннулирование браков; 2) необходимость приведения национального законодательства (семейного права) в соответствие с международными обязательствами, взятыми КНР, в том числе Пекинской декларацией о положении женщин и др.; 3) в судебной практике накопились проблемы, возникшие в период реформ, появились абсолютно новые для китайского общества явления (внебрачные связи, воспитание детей в неполных семьях), которые не могли быть решены в рамках закона о браке 1980 г.

Модернизация китайского общества прежде всего предусматривает изменение его экономических структур, акцент делается на успехи и проблемы в экономической сфере, в тени остаются другие, не менее важные, а в каком-то смысле и более значимые изменения социальных структур (одной из которых является семья), культуры и политической организации китайского общества. В современной семье, как в зеркале, отражаются все проблемы социальной модернизации. Возникающие проблемы (нуклеаризация семьи, разрыв родственных связей, снижение авторитета старшего поколения, насилие в семьях, изменение гендерных ролей и др.) не могут быть рассмотрены вне взаимодействия традиционализма и модернизации в ее социальном аспекте.

Модернизация значительно трансформировала структуру и функции семьи. Эти процессы интенсифицировались в последнее десятилетие XX века, в условиях ослабления социального и политического контроля и непрерывной переоценки ценностей. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что модернизация ("осовременивание") китайского общества зашла достаточно далеко. Целостность, стабильность, структура и динамика развития семьи являются достоверными индикаторами соотношения традиционного и современного в социальной реальности современного Китая.

Институт семьи, его традиционные ценности (групповая взаимопомощь и солидарность) позволяют в определенной степени сглаживать негативные явления экономической модернизации, такие как социальное расслоение и обнищание части населения, переложить на родственную группу социальное страхование, которое неспособно обеспечить государство в стране с огромным по численности населением и значительной долей старших возрастных групп.

Конфуцианская цивилизация основана на признании авторитета общества, семьи, их авторитарной власти над индивидом. Именно это дает основания отнести эту цивилизацию к традиционным. Традиционные общества характеризуются коллективизмом, отсутствием выделенной персональности, авторитарным характером власти и, что особенно важно, преобладанием особого психического склада — недеятельной личности. В традиционном обществе нет социального запроса на индивидуальность, на активного индивида, способного производить новое. Отсутствие выделенной персональности автоматически означает и отсутствие личных свобод. В ходе модернизации создаются институты, возникают отношения, формируются ценности и нормы, кардинально отличающиеся от традиционных, поскольку кардинальным образом меняется экономическая основа — общество из аграрного превращается в промышленно развитое. Ключ к пониманию происходящих сдвигов в семейно-брачных отношениях — появление в китайском обществе индивидуальности, личности, которая уже обладает некоторыми правами и свободами, в том числе свободой выбора брачного партнера, правом на личную жизнь.

Деструктивные явления, разрушающие, по мнению китайских экспертов, семейные ценности, являются объективными следствиями процесса модернизации общества, общемировых тенденций трансформации института семьи (от многопоколенной и двупоколенной, от расширенной к нуклеарной), возрастания роли индивида, прав и свобод личности в китайском обществе. Так, повышение статуса женщины в семье и обществе, ее экономическая независимость и защищенность законом дает китайским женщинам реальные возможности отстаивать свои права и интересы, покончить с зависимым (в экономическом и моральном аспектах) положением в семье, разрывать не устраивающие их по разным причинам (насилие, отсутствие чувств и др.) семейные узы. Рост разводов в китайском обществе имеет и позитивную сторону с точки зрения прав и свобод: выбить индивида. Нестабильность брака свидетельствует о стремлении к улучшению качества семейной жизни, росте личностного

самосознания и самооценки, повышении толерантности общества к расторжению брака, формировании уважения к персональному выбору индивида в семейной сфере, свободе индивида в принятии решений, касающихся личной жизни.

Формирование новых экономических и социальных структур, новых систем ценностей не может не порождать психологическую напряженность в модернизирующемся обществе. Всплеск насилия в китайских семьях — явный показатель психологической напряженности и симптом кризиса семейных отношений. Насилие в семьях свидетельствует о наличии конфликта между требованиями и обстоятельствами, особо остро этот конфликт ощущается мужчинами, ориентированными на традиционные семейные ценности, где им отводилась доминирующая позиция. В переходный период инновации в социальной и экономической сферах оказывают значительное психологическое давление на индивида. Имеет место конфликт менталитетов традиционного и посттрадиционного (инновационного). Идет достаточно драматичный по своему характеру, но столь необходимый для социальной модернизации общества процесс преодоления традиционных стереотипов мышления и поведения, основанных на традиционных ценностях, несовместимых с вызовами современного общества, адаптация к современным формам социальных отношений и современным технологиям.

1. Zhonghua Renmin Gongheguo hunyin fa 1980// Zhongguo falu nianjian 1987 (Закон о браке. 1980 // Юридический ежегодник. 1987.) Beijing,, 1987; Beijing Review. March 15, 2001. P.16.
2. Почагина О.В. Семья в современном Китае//Китай на пути модернизации и реформ. М., 1999. С. 538-545.
3. Anqi Xu. Wenzhen Ye Marital Stability in Contemporary China// Paper presented at the meeting of the Population Association of America. Los Angeles, March 23-25, 2000.
4. Наньфан чжоумо. 2000. 21 сентября.
5. Жэньминь жибао. 2000. 7 октября.
6. Жэньминь жибао. 2001. 1 мая.
7. Там же.
8. Beijing Review. March 15, 2001. P.15.
9. People's Daily Online. December 12. 2000.
10. Жэньминь жибао. 1 мая. 2001.

Корейская проблема в свете событий 11 сентября

© 2002

В. Михеев

Теракты 11 сентября, создание глобальной антитеррористической коалиции и начало военных действий в Афганистане оказали *косвенное влияние* на развитие ситуации на Корейском полуострове и вокруг него. Это влияние проявилось через тактику "игры" главных участников корейского урегулирования — США, Японии, Китая, России и самих обоих Корейских государств. На фоне войны с терроризмом *корейская ситуация как бы застыла в своем развитии*.

Во-первых, Корейская проблема, по крайней мере на время, вышла из фокуса текущих политических интересов мировых лидеров. Тем самым приостановился активно развивавшийся в последние два года процесс "кореизации" международных отношений в Северо-восточной Азии. Дело в том, что возобновление внутрикорейского диалога, визит Ким Дэ Чжуна в Пхеньян в июне 2000 г., вручение южнокорейскому президенту Нобелевской премии Мира, визит В. Путина в Пхеньян накануне встречи "большой восьмерки" на Окинаве (2000 г.), поездка в северокорейскую столицу американского госсекретаря М. Олбрайт и планировавшийся на тот же 2000 год визит в КНДР Б. Клинтона превратили корейскую тематику чуть ли в основной сюжет многосторонней дипломатии в США. Более того, практически все проекты экономического сотрудничества в США или концепции создания здесь коллективной системы "безопасности через со-развитие" строились вокруг корейского фактора. Северная Корея стала едва ли не главным компонентом региональных международных отношений. Теперь ситуация изменилась, вернулась к своему прежнему, менее "бурному" состоянию.

Во-вторых, Пхеньян явно не ожидал, что Россия и Китай столь активно (Россия) и столь ясно (Китай) поддержат США в войне с международным терроризмом. Такая поддержка, независимо от того, чем она мотивирована, ломает традиционную тактику Пхеньяна, построенную на извлечении политических выгод от противопоставления России Китаю, а Китая России, Вашингтону Сеулу, а Сеула Вашингтону, Москвы и Пекина, с одной стороны, Соединенным Штатам и Южной Корее, с другой. Именно такую тактику начал активно применять Ким Чен Ир во время визита в Россию в августе 2001 г. и последовавшего вслед за этим сентябрьского визита Председателя КНР Цзян Цзэминя в Пхеньян¹. Сегодня, однако, Пхеньян вынужден занять выжидательную позицию, наблюдая за тем, как будет развиваться глобальная ситуация, и насколько долговечной и прочной окажется коалиция США с партнерами по антитеррористической операции.

В-третьих, Северная Корея, в общем виде осудив терроризм, отказалась от прямой поддержки действий США в Афганистане. Пхеньян намекнул, что готов продемонстрировать свою поддержку военным действиям США только в обмен на исключение Северной Кореи из списка стран, поддерживающих терроризм. Момент для подобного торга был выбран явно неудачный. Недовольство и раздражение США такой позицией Пхеньяна показывает, что в американо-северокорейских отношениях произошел откат, и что Северной Корее предстоит проделать долгий путь, чтобы вернуть их на уровень времен клинтоновской администрации.

Вместе с тем у всех стран, так или иначе причастных к Корейской проблеме, есть свои интересы в Корее, есть своя *глубинная мотивация действий*, которая, хотя и оказалась приглушенной, но не исчезла после 11-го сентября.

США, поддерживая политику “солнечного тепла” Ким Дэ Чжуна по “вовлечению” Северной Кореи, и видя в этом стратегическую возможность трансформации ортодоксального северокорейского режима, с приходом администрации Дж. Буша ужесточили свой подход к Пхеньяну. Суть новой линии состоит в том, что КНДР, прежде чем получить дипломатическое признание со стороны США, открывающее Пхеньяну доступ к мировым финансовым ресурсам, должна сделать несколько конкретных вещей. А именно — вступить в переговоры с США по ядерным и ракетным проблемам, а также по обычным вооружениям, развеять сомнения США в северокорейской военной угрозе и начать процесс сокращения вооружений и создания мер военно-политического доверия на Корейском полуострове.

Пхеньян, памятуя о прорыве в отношениях с США при Б. Клинтоне, которого удалось добиться и без подобных уступок, ищет контраргументы в активизации политических контактов с Россией, Китаем и Евросоюзом, новым, хотя и не очень весомым, игроком на Корейском полуострове. Однако, отметим еще раз, события 11 сентября поломали, по крайней мере на время, эту игру Ким Чен Ира.

Япония, так же в целом поддерживая политику Сеула по вовлечению Севера, ставит свои отношения с КНДР в зависимость от темпа развития внутрикорейского диалога и прогресса по линии Пхеньян-Вашингтон. Тесно координируя свою корейскую политику с США и Южной Кореей, Токио отказался от прежних попыток “забежать вперед” Вашингтона и Сеула в контактах с Пхеньяном. В качестве формального повода торможения японо-северокорейских отношений используется тема японских граждан, похищенных, по мнению Токио, северокорейскими спецслужбами в 70-е годы, против чего возражает Пхеньян. После 11 сентября в японских политических и дипломатических кругах *усилился скептицизм* по поводу перспектив развития внутрикорейского диалога. В отказе Пхеньяна от проведения межкорейской встречи родственников 16 октября с.г. Токио увидел нежелание КНДР делать что-либо конкретное для потепления обстановки на Корейском полуострове.

Китай, формально делая акцент на поддержке мирного демократического объединения Кореи, но не на поддержке политики вовлечения Севера², стремится к достижению трех главных целей. Первое — фиксирование своей роли в Корейском урегулировании и тем самым повышение своего веса в процессе создания системы безопасности в СВА. Второе — сохранение политической стабильности на Корейском полуострове как условия наращивания экономического сотрудничества с Южной Кореей, третьим, после США и Японии, торговым партнером КНР. Третье — поддержание на плаву режима Ким Чен Ира. В Китае всерьез опасаются, что в случае окончательного коллапса из Северной Кореи в Китай хлынет огромный поток беженцев, что может ухудшить и довести до взрывоопасной черты социальную обстановку в северо-восточных районах Китая³.

При этом политическая и интеллектуальная элита Китая с раздражением воспринимает и политическую систему единовластия в КНДР, напоминающую времена Мао, и нежелание северокорейцев идти китайским путем рыночных реформ. Северокорейцы, в свою очередь, вынуждены "терпеть" Китай, видя в нем источник пусть и ограниченной, но все же продовольственной и энергетической помощи и стремясь использовать Пекин как политическую карту, которую при случае можно разыграть с США, Южной Кореей или Россией.

Россия до 2000 г. занимала пассивную позицию в корейском урегулировании, формально поддерживая все не вызывающие возражения тезисы о мирном урегулировании, безопасности, сотрудничестве и т.п., но практически никак не влияя на события. В 2000 г. Москва изменила тактику. Была сделана попытка разыграть корейскую карту (а) в споре с США по вопросу о НПРО и (б) в игре на повышение глобальных политических ставок России. Посетив Пхеньян накануне саммита "большой восьмерки" на Окинаве, В. Путин не только получил поддержку КНДР в противодействии планам создания НПРО⁴. Российский президент оказался единственным из лидеров восьмерки, имевшим встречу с северокорейским лидером. Да когда — сразу после внутрикореяского саммита в Пхеньяне, *на пике* международного интереса к Северной Корее. Это дало возможность В. Путину, не имевшему шансов на полноценное участие в дискуссиях семерки по проблемам мировой экономики и финансов, оказаться в центре внимания участников Окинавского саммита по корейской тематике.

Перед ответной встречей с Ким Чен Иром в Москве помимо развития темы НПРО ставилась и другая задача — повысить роль России в корейском урегулировании хотя бы самым фактом приглашения Ким Чен Ира.

По мнению российского МИД, эти два саммита, два хода российской дипломатии на корейском направлении, были успешны. По этому поводу, однако, резонна и иная точка зрения.

Да, В. Путин имел краткосрочный успех на Окинаве. Однако наряду с созданным впечатлением о возросших, после визита российского президента в Пхеньян, возможностях России воздействовать на северокорейского лидера, в странах семерки возникло и подозрение: а не возвращается ли ситуация в Корею к старой формуле времен "холодной войны": Россия плюс Китай плюс Северная Корея против США плюс Япония плюс Южная Корея.

Тема НПРО вообще, можно сказать, оказалась провальной. Во-первых, КНДР в принципе не рассматривает НПРО как угрозу своей безопасности. Военной целью Северной Кореи является Корея Южная, достигнуть которой можно при помощи обычных вооружений, без применения ракетной технологии. Поэтому тема НПРО в руках Пхеньяна не более чем разменная монета, за которую Северная Корея стремится получить побольше или от России, или от США, или от них обеих. А, во-вторых, России так и не удалось добиться от Пхеньяна, на который в США ссылаются как на один из источников угрозы при обосновании планов создания НПРО, каких-либо конкретных гарантий или обещаний. Московская декларация, подписанная по итогам визита Ким Чен Ира в Россию, говорит о том, что КНДР не будет использовать ракетную программу против стран "уважающих ее суверенитет". Дело, однако, в том, что по южнокорейскому законодательству Северная Корея является частью Республики Корея, а северокорейский режим признан террористической организацией⁵, что, следовательно, не гарантирует безопасности Южной Корее — по Московской Декларации. США также не имеют дипотношений с КНДР и по-прежнему не исключают эту страну из списка государств, поддерживающих международный терроризм, что вполне может трактоваться как "неуважение суверенитета" КНДР. Так что Московская декларация вряд ли способствовала усилению аргументов против планов НПРО.

Тезис об усилении, в результате приезда Ким Чен Ира, позиций России в корейском урегулировании не менее спорен. Москве так и не удалось добиться от Ким Чен Ира никаких конкретных обещаний на предмет того, когда он намерен возобновить диалог с США, посетить Сеул, начать экономические реформы, открыть переговоры по мерам доверия на Корейском полуострове и т.п. Обещание России участвовать в восстановлении созданных при российском содействии промышленных объектов в КНДР, во-первых, не содержит финансовых и технологических параметров такого сотрудничества. А, во-вторых, оговаривается будущей реструктуризацией северокорейского долга России⁶, что выглядит лишь как отдаленная перспектива.

Наибольшим успехом новой политики России в отношении КНДР объявлен *проект* соединения транскорейской железной дороги (пока не существующей) с транссибирской, активно поддерживаемый руководством МПС РФ. В. Путин упоминал этот проект на последнем саммите АТЭС в Шанхае. Проблема, однако, в том, и это мнение разделяется многими учеными, дипломатами и политиками в Сеуле, что обязательным условием трехстороннего сотрудничества является создание мер доверия на Корейском полуострове и начало рыночных реформ в Северной Корее. Без этого любые крупные проекты в КНДР рискованны и мало реалистичны.

Можно, конечно, по-разному оценивать российскую политику последних лет в Корее, однако фактом является то, что после двух саммитов между Москвой и Пхеньяном ситуация на Корейском полуострове не изменилась к лучшему, внутрикорейский диалог не получил новых стимулов, а намерения США по созданию НПРО не стали слабее.

Новым игроком на Корейском полуострове хотел бы стать **Евросоюз**. С 1999 по середину 2001 г. наблюдался оживленный диалог между КНДР и странами ЕС. За исключением Франции и Ирландии все страны ЕС установили с КНДР дипотношения. В мае с.г. в Пхеньяне состоялся первый северокорейско-ЕС-овский саммит. ЕС стремился использовать ставшую популярной корейскую тему для повышения своего международного статуса как нового источника глобальных политических и стратегических инициатив. Северная Корея, естественно, хотела бы создать в лице ЕС новый полюс, который расширил бы возможности Пхеньяна заниматься политическим балансированием между США, Южной Кореей, Россией, Китаем, Японией и тем же ЕС. Вторая цель Северной Кореи — аналогично началу 70-х годов, когда наблюдался всплеск сотрудничества КНДР с Европой вслед за возобновленными в 1972 г. официальными контактами Севера и Юга — состояла в том, чтобы получить от ЕС экономическую помощь. После того, как Пхеньян увидел, что добиться этих двух целей не просто, он ослабил интерес к Западной Европе, возможно, на время — до нового цикла северокорейской дипломатической активности.

Решающее значение для оценки *перспектив развития ситуации* на Корейском полуострове имеет позиция двух ключевых участников процесса — **Северной и Южной Кореи**.

Интрига событий на Корейском полуострове состоит в дипломатическом маневрировании сторон, преследующих свои интересы. При этом до 11 сентября 2001 главным игроком выступала именно **Северная Корея**. Порой создавалось впечатление, что все страны и на всех уровнях — от научного до межгосударственного — хотят посадить северокорейцев за стол переговоров и готовы тратить на это немалые средства.

Для того, чтобы понять *цели Пхеньяна* во внутрикорейском процессе, важно иметь в виду характер северокорейского режима. Определения тоталитарный, эгоистичный — в том смысле, что интересы правящего клана имеют безусловный приоритет над интересами народа — весьма точно описывают северокорейские реалии. Вместе с тем надо сделать одно важное добавление.

Экономическое положение в Северной Корее настолько критическое, что режим уже не может обеспечить людей даже минимумом еды. Предприятия стоят. Света нет. Репрессивный аппарат не способен остановить воровство и противостоять стихийной торговле на появившихся в стране рынках или точнее сказать барахолках. В Северной Корее происходит неподконтрольная государству *“де-индустриализация экономики”*, командно-административная система разбалтывается.

В этих условиях Пхеньян вынужден сменить тактику достижения неизменной стратегической цели обеспечения выживания режима Ким Чен Ира. До распада СССР эта цель достигалась за счет экономической и военной помощи и политической поддержки со стороны бывшего Союза и Китая. После краха социализма в СССР и установления (в 1992 г.) дипотношений между Пекином и Сеулом Пхеньян сделал ставку на ядерную карту и успешно разыграл ее. По американо-северокорейскому *“рамочному соглашению”* от 1994 г. Северная Корея получила согласие своих новых западных партнеров на строительство атомной электростанции стоимостью 5 миллиардов долларов в обмен на обещание свернуть программу создания атомного оружия⁷. Программу, относительно успешности которой до сих пор сохраняются серьезные сомнения и в России, и в США, и в Китае. Когда ядерная карта была разыграна, Пхеньян вбросил новую, ракетную. В августе 1998 г. КНДР проводит первое испытание баллистической ракеты, вызвавшее резкую критику в Вашингтоне и Токио. Испытание, впрочем, было не удачное и новых испытаний не последовало. И тем не менее Пхеньян добился главного — вновь привлек к себе внимание США, которое стало ослабевать после достижения договоренностей 1994 года.

И вот здесь мир стал свидетелем резкого поворота в политике Пхеньяна по обеспечению безопасности правящего режима. Принимая во внимание тенденцию *глобализации мировой экономики и политики*, Пхеньян сделал ставку на активное участие в международных делах, видя в этом и возможность получения новых кредитов и военно-политические гарантии безопасности режима. В 2000 — начале 2001 годов Пхеньян помимо стран ЕС установил дипотношения с Филиппинами, Австралией, вступил в АРФ (региональный форум АСЕАН). Однако, главной целью Пхеньяна все же являются дипломатические отношения с США. Понимая, что именно нормализация связей с Вашингтоном открывает двери для получения международных кредитов, северокорейское руководство пошло на переговоры с США и на для многих неожиданные уступки, прежде всего в вопросах поиска останков американских солдат, погибших во время Корейской войны.

Отвечая на требование США, согласованное в свою очередь с Южной Кореей, о нормализации внутрикорейских отношений как условия нормализации отношений между КНДР и США, Пхеньян провел действительно беспрецедентный внутрикорейский саммит. Среди мотивов, по которым Ким Чен Ир пошел на контакт с Ким Дэ Чжуном, как, впрочем и на саммиты с российским и китайским лидерами, есть и свой политико-психологический контекст. Сделав ставку на возможности глобализации в обеспечении собственной безопасности, Ким Чен Ир, до того не имевший официальных контактов с зарубежными руководителями⁸, по всей видимости, решил провести подготовку к более активной международной деятельности. *“Тренировочные бои”* с китайским, южнокорейским, российским президентами кажутся хорошей школой.

Ужесточение корейской политики США при Дж. Буше и изменения в мире после 11 сентября, как уже отмечалось, заставили Пхеньян сделать паузу и задуматься над тем, как именно выстраивать свои отношения с внешним миром в дальнейшем.

Разрабатывая сценарии своего будущего, в Пхеньяне рассматривают *три основных варианта*. Первый и самый главный — как можно дольше со-

хранять нынешнее положение двух Корейских государств, не форсировать объединение и использовать международные возможности выживания. Второй — пойти на объединение с Югом по южнокорейским правилам и попытаться использовать свои партийные финансы и демократические возможности южнокорейской системы для того, чтобы обеспечить нынешнему северокорейскому руководству “достойную жизнь” в условиях рыночной демократии. Учитывая общекорейские избирательные традиции голосовать за выходца из своей провинции, партия Ким Чен Ира, пусть под новым названием, может рассчитывать на треть мест в едином парламенте, а при благоприятном стечении обстоятельств и на президентское кресло, разыгрываемое в первом туре по простому большинству голосов. Третий — уход за рубеж в случае неблагоприятного развития событий в объединенной Корее.

Для реализации каждого из трех сценариев необходимо лояльное отношение Запада, и, прежде всего, США, к северокорейскому руководству и к его финансовым резервам, уже на протяжении почти трех десятилетий накапливаемых Пхеньянскими лидерами в зарубежных банках⁹.

Ведя торг с Вашингтоном, Пхеньян готов ставить на кон второстепенные “фишки”, уклоняясь от обсуждения тех вопросов (разоружение, реформы, меры доверия), которые напрямую связаны с безопасностью режима. Как долго Северная Корея сможет действовать по такой тактике, во многом будет зависеть и от того, насколько союзники по антитеррористической коалиции сумеют распространить свое партнерство на корейскую проблематику.

Южная Корея. В южнокорейских *политических кругах сложился двойственный подход* к оценке “северной политики”¹⁰ Ким Дэ Чжуна. Препрезидентские силы активно поддерживают диалог с Пхеньяном, оппозиция и консервативные круги видят в нем много негативного. Открыто выражать недовольство осмеливаются немногие. Срабатывает фактор внутренней самооценки в условиях ревностного отношения Ким Дэ Чжуна к своему детищу — политике “солнечного тепла”.

Позиции политических лидеров Южной Кореи в отношении внутрикорейского общения в целом ясны. Ким Дэ Чжун сделал диалог с Севером главным делом своей жизни и не отступит от него ни при каких обстоятельствах. Присуждение Нобелевской премии, обеспечив “северной” политике международное признание, укрепило стремление южнокорейского президента продолжать выстроенную им линию поведения.

Бывший (до сентября 2001г.) партнер Ким Дэ Чжуна по коалиции Ким Чжон Пхиль, будучи в прежние времена ярким противником диалога и сохраняя крайнее недоверие Пхеньяну и его лидеру Ким Чен Иру, вплоть до распада правящей коалиции вынужден был молчаливо поддерживать линию президента, дорожа союзом с правящей партией. Ведь именно этот союз позволил Ким Чжон Пхилью, проигравшему последние парламентские выборы, все же создать при поддержке Ким Дэ Чжуна свою фракцию в парламенте¹¹. Правительственный кризис сентября 2001 г. и распад коалиции Ким Дэ Чжун — Ким Чжон Пхиль сделали последнего одним из наиболее активных публичных антагонистов политики “солнечного тепла”.

Лидер оппозиции Ли Хве Чан последовательно критикует “северную политику”. Впрочем, это весьма объяснимо. В силу своего положения политического оппозиционера Ли Хве Чан, рассчитывающий на победу на новых президентских выборах 2002 г., не может не критиковать диалог, авторство которого принадлежит его главному политическому оппоненту. Но критиковать не в принципе, а по направлениям и темпам развития отношений с Северной Кореей. Главный аргумент оппозиции состоит в том, что Сеул дает Пхеньяну много, а в ответ практически ничего не получает, что действовать в отношении Севера надо осторожно, не спешить. В качестве неудачного примера развития

отношений с Севером оппозиция ссылается на опыт корпорации "Хендэ", которая оказалась в тяжелом финансовом положении, конечно не только, но в том числе и по причине больших неэффективных финансовых вливаний в Северную Корею.

Не однозначно отношение к диалогу в различных слоях южнокорейского общества и административных структурах Южной Кореи. По существу сегодня и общество в целом и бюрократическая элита Южной Кореи готовы в равной мере как продолжать политику "умиротворения" режима Ким Чен Ира, так и отказаться от нее в пользу более жесткой линии поведения, уйдя Ким Дэ Чжун с политического Олимпа.

В рядах бюрократической элиты существует мнение, что несмотря на то, что северные корейцы "невероятно трудные партнеры для диалога", диалог все же лучше конфронтации. Лучше потому, что позволяет "втягивать Северную Корею" в экономические и политические отношения с южнокорейской рыночной демократией и тем самым открывает путь к особым межкорейским отношениям с перспективой разложения северокорейского режима. По мнению сеульских чиновников, из-за сильных настроений в южнокорейском обществе в пользу объединения установление дипотношений между Пхеньяном и Сеулом невозможно и сторонам надо искать другие "промежуточные варианты" сосуществования. Кроме того, в Южной Корее убеждены, что немедленное объединение было бы непосильным бременем для Южной Кореи. Вместе с тем в Сеуле продолжают считать, что Север остается источником военной угрозы и нестабильности на полуострове и что отсутствие экономических реформ на Севере является препятствием для межкорейских экономических обменов.

Говоря о тех социальных и политических группах, которые особенно активно противодействует диалогу, необходимо упомянуть политиков-консерваторов старшего поколения, пострадавших от Корейской войны, и представителей военных и военно-промышленных кругов. Последним в обмен на приглушение своего недовольства удалось добиться от Ким Дэ Чжуна увеличения бюджетных военных ассигнований.

В научных кругах Сеула встречаются различные подходы к диалогу: от поддержки до критики. Наиболее радикальные противники диалога считают, что эта политика "глубоко ошибочна". Что за годы правления Ким Дэ Чжуна, именно по причине чрезмерного увлечения южнокорейского президента Севером, усилилось административное и политическое давление Президента на противников сближения с Севером. Многие интеллектуалы просто боятся высказывать свое мнение открыто, утверждают радикальные критики Ким Дэ Чжуна.

Среди них бытует мнение, что в основе "северной политики" лежит "сделка Ким Дэ Чжуна с северокорейским руководством": Север помогал деньгами Ким Дэ Чжуну в момент его предвыборной кампании, и теперь Ким Дэ Чжун отдает долги. Критики-радикалы считают также, что Север использовал атмосферу, возникшую после внутрикореяского саммита, для усиления своего влияния в среде радикально настроенной молодежи Юга. Они полагают, что режим Ким Чен Ира не заинтересован в объединении и стремится за счет установления дипотношений с США и получения помощи с Юга лишь продлить свое существование. Ким Дэ Чжун, по их мнению, не может не понимать этого, следовательно, в основе его мотивации умиротворять Север лежат какие-то "особые обязательства" перед Ким Чен Иром.

Умеренные критики северной политики Сеула соглашались с тем, что внутрикореяский диалог зашел в тупик. Однако не связывают будущее диалога с личностными мотивами. Логика рассуждений умеренных критиков следующая. В своем нынешнем виде диалог Север-Юг предусматривает длительный период сосуществования двух Корей. Сегодня сосуществование обеспечивается балансом военной мощи, и каждая из сторон боится его нарушения не в

свою пользу. Тогда как для нормального внутрикорейского сотрудничества нужна другая основа сосуществования. Таковой могло бы стать установление дипотношений между Севером и Югом или, как первый шаг, создание мер доверия на полуострове. Однако лидеры Сеула и Пхеньяна не готовы к этому. Поэтому они подвергаются критике за то, что мало делают для простых корейцев, со стороны тех, кто не против политики вовлечения Севера, но кто хочет видеть больше практических результатов.

После *прихода к власти в США* администрации Буша южнокорейское руководство вынуждено было скорректировать политику “солнечного тепла” в отношении Севера. В административных структурах Южной Кореи считают, что Сеул должен изменить тактику проведения “северной политики”. Сеул не будет больше называть официально проводимую политику в отношении Севера политикой “солнечного тепла” и заменит это название на другое — политика примирения и сотрудничества. Сеул будет также более спокойно реагировать на ситуации, когда внутрикорейский диалог будет прерываться или замедляться по вине Севера. В Сеуле считают, что южнокорейцы не должны показывать свою нервозность Северу в случаях, когда заранее оговоренные встречи между представителями Севера и Юга срываются, а договоренности не выполняются. Сеул, похоже, намерен предотвращать такие ситуации, когда Север получает возможность играть на южнокорейской заинтересованности во внутрикорейском диалоге, стремясь к извлечению из этого односторонних выгод.

Сеул планирует перейти во внутрикорейских отношениях к новой тактике “*всеобщей взаимности*”, которая означает предоставление гарантий безопасности режиму Ким Чен Ира, установление дипотношений между Вашингтоном и Пхеньяном и выделение экономической помощи Северу в обмен на отказ Севера от нападения на Юг, прекращение ракетной программы и сокращение обычных вооружений. Требование начала экономических реформ, пока не входит в эту сделку. При этом Сеул недоволен тем, что Вашингтон берет на себя функции главного переговорщика с Пхеньяном по вопросам обычных вооружений. Сеул хотел бы сохранить существующее “разделение труда” с США, при котором США ведут переговоры с КНДР по оружию массового поражения, а Южная Корея — по обычным вооружениям.

В бюрократических кругах Сеула убеждены, что Ким Дэ Чжун никогда не откажется от политики вовлечения Севера, однако вынужден будет учитывать новую позицию США и новые реалии, сложившиеся в мире после 11 сентября. В этой связи можно ожидать замедления экономических и культурных обменов между Севером и Югом и более жесткой постановки вопроса о взаимности во внутрикорейском диалоге. Однако такого рода коррективы, вероятнее всего, будут тяжело даваться Ким Дэ Чжуну, что создаст трудности в работе тех южнокорейских чиновников, которые непосредственно участвуют в проведении внутрикорейского диалога.

Аналитики Южной Кореи обращают внимание на углубление раскола южнокорейского общества по вопросу Севера в свете замедления внутрикорейского диалога в 2001 году. Противники диалога считают, что разногласия между сторонниками и противниками диалога становятся острее, а число противников увеличивается. Что времени для активной политики вовлечения у Ким Дэ Чжуна остается мало — до середины 2002 г. — дальше в стране начнется подготовка к новым президентским выборам и Ким Дэ Чжуну надо будет показывать свои достижения, прежде всего, в экономике и социальной сфере. Успехов во внутрикорейском диалоге не много из-за позиции Севера и их вряд ли можно предложить избирателям в качестве обоснования претензий политического наследника Ким Дэ Чжуна¹² на президентский пост. Многие аналитики выступают против сближения с Севером на тех условиях, на кото-

рых оно происходит при Ким Дэ Чжуне и считают, что в случае вероятной победы лидера оппозиции Ли Хве Чжана политика Сеула в отношении Севера будет ужесточена.

Правительственный кризис сентября 2001 г., приведший к распаду коалиции Ким Дэ Чжуна — Ким Чжон Пхия, стал новым свидетельством углубляющегося раскола южнокорейского общества, вызванного отсутствием реальных результатов политики вовлечения Севера и ростом числа недовольных этой политикой на фоне затронувших Южную Корею, как и другие рыночные экономики, трудностей.

В складывающихся условиях *России важно пересмотреть свою политику в отношении Корейского полуострова.*

В России понимают, что по объективным причинам Россия не может проводить *“сбалансированную”* политику в отношении Севера и Юга. Экономический потенциал Южной Кореи и ее политический вес несоизмеримы с КНДР. ВВП Юга превышает почти в 2 раза ВВП России и составляет около 450 млрд. долл., более 20% ВВП приходится на индустрию информационных технологий. ВВП Севера, если командно-административную экономику вообще возможно оценить в стоимостных показателях, не превышает 15 млрд. долл. Отсюда и объемы торговли России с двумя корейскими государствами — около 3 млрд. долл. с Южной и порядка 70 млн. долл. с Северной Кореей.

Южная Корея — активный член ВТО и АТЭС, участник нарождающихся в СВА интеграционных экономических формирований, что гипотетически расширяет перспективы сотрудничества Москвы с Сеулом.

Конечно, в отношениях России с Южной Кореей есть проблемы: российский долг, плохой инвестиционный климат в России, относительно небольшие объемы южнокорейских инвестиций, российско-японское соглашение о лове рыбы в зоне Курильских островов, рассматриваемое сегодня Южной Кореей как чуть ли не главное препятствие нашему сотрудничеству и т.п. Однако у сторон есть механизм разрешения этих проблем, поскольку обе страны движутся в одном направлении — в направлении создания интегрированного в мировую систему современного цивилизованного рыночно-демократического общества.

Формально в отношениях России с КНДР проблем меньше, поскольку и объемы сотрудничества меньше. Можно, конечно, вспомнить о время от времени пресекаемом в России наркотрафике из КНДР или нарушении элементарных прав человека в корейских бригадах, занимающихся лесозаготовками в России, или проблему долга КНДР России. Однако *главное препятствие* нашему сотрудничеству с Северной Кореей не в этих проблемах. А в том, что мы живем в *разных политических измерениях*. Россия движется по пути рыночно-демократических преобразований и интеграции в мировое сообщество, а Северная Корея занята совсем иным — обеспечением безопасности режима Ким Чен Ира в новых геополитических условиях, ставших для Пхеньяна еще менее благоприятными после создания глобальной антитеррористической коалиции.

На смену идеи *“сбалансированных”* отношений пришла концепция развития отношений России с Севером и Югом *параллельно*, или *“изолированно”*, то есть без оглядки друг на друга. Слабым пунктом этой концепции является то, что в условиях внутрикорейского противостояния невозможно строить политику так, чтобы отношения Москвы с Пхеньяном не влияли на отношения Москвы с Сеулом и наоборот. Рано или поздно приходится выбирать, на чьей стороне быть России.

И здесь на действиях России, похоже, все еще сказывается влияние старых стереотипов времен *“холодной войны”*, когда США и Южная Корея воспринимались как противники, а КНДР как пусть и плохой, но союзник. Именно эти стереотипы мешают России предпринять шаги, необходимые для того, чтобы присоединиться к трехстороннему механизму координации поли-

тики в отношении КНДР с участием США, Японии и Южной Кореи. Именно эти стереотипы укрепляют существующие в этих трех странах сомнения в готовности России присоединиться к такого рода сотрудничеству¹³. Именно эти стереотипы, как представляется, и породили новую, и, все же, мало результативную корейскую политику Москвы, направленную на использование северо-корейской карты в глобальной игре с США по НПРО и в поисках вариантов упорочения российских позиций на Корейском полуострове.

Альтернативы нынешней корейской политике России кроются в более широком взгляде на корейскую проблему, выходящем за рамки чисто двусторонних отношений. И связаны они с новой политической ситуацией в мире, открывающей возможности использовать *“коалиционный дух”*, объединяющий партнеров по совместной борьбе с мировым терроризмом. Ссылка на *“коалиционный дух”* важна, прежде всего, для переосмысления фундаментальных основ российской политики на Корейском полуострове.

При этом важно постоянно помнить о реальности, состоящей в том, что сегодня Северная Корея и остальной мир живут, как уже отмечалось выше, в разных политических измерениях. Для Пхеньяна главное — обеспечить безопасность правящего режима. Для США, Южной Кореи и других причастных стран — добиться военно-политической стабильности в Северо-восточной Азии и приступить к осуществлению *“политики вовлечения”* Северной Кореи в рыночно-демократическом направлении.

По мере развития отношений между Северной Кореей и остальным миром это фундаментальное различие будет становиться все острее. Запад, начиная с какого-то момента, уже будет требовать реформ и защиты прав человека, а не свертывания ракетных программ или прекращения поддержки терроризма, в обмен на экономическую помощь. Северная Корея, в свою очередь, будет как можно дольше затягивать нынешнюю фазу торга, позволяющую оставлять неприкосновенным режим Ким Чен Ира.

В этой ситуации России важно *проводить рациональную дипломатию* на Корейском полуострове. Важно, говоря о *“сбалансированности”* или *“параллельности”* развития отношений Москвы с Пхеньяном и Сеулом, не забывать, что сегодня Северная Корея выступает потенциальным конкурентом России на рынке азиатских финансовых заимствований, а Южная Корея, как потенциальный инвестор, может не ослабить два емких направления инвестиций — в Северную Корею и на российский Дальний Восток, произойди вдруг реальное улучшение обстановки в Корее. Важно, строя планы трехстороннего экономического сотрудничества между Россией, Южной и Северной Кореей, не упускать из виду, что на практике рыночным структурам невозможно иметь дело с северо-корейской административно-распределительной экономикой, которая к тому же находится в состоянии не просто кризиса, но полуразвала, что 90% предприятий, построенных при нашем содействии в Северной Корее в 60-80-е годы, безнадежно устарели в технологическом отношении, что, например, при разработке идеи о подсоединении южнокорейской железной дороги к Транссибу через Северную Корею, энтузиастам этого проекта придется столкнуться с реалиями северо-корейского экономического хаоса.

У России вместе с другими странами СВА есть *альтернативный вариант* действий. В условиях паузы в развитии ситуации в Корее он более чем актуален. Этот вариант предполагает развертывание открытого для других стран, в том числе США, регионального *интеграционного взаимодействия* Японии, Китая, Южной Кореи и России, основой которого могут стать многосторонние энергетические и транспортные проекты с использованием энерго-ресурсов и территории российского Дальнего Востока и Восточной Сибири. Сценарий для подключения к новому экономическому сообществу в СВА Северной Кореи прост. Пхеньян может обрести необходимый опыт рыночных

преобразований и именно на этой основе стать участником регионального сотрудничества. Двигаясь в этом направлении, Пхеньян будет действовать в интересах мира, демократизации и объединения на рыночно-демократических принципах.

* * *

“Коалиционный дух” создает сегодня благоприятный фон для решения проблем СВА. Но важно не упустить момент. Для этого России необходимо вместе с другими партнерами по антитеррористической коалиции — США, Японией, Южной Кореей, Китаем наладить механизм интеграционного взаимодействия в СВА на принципах “безопасности через скоординированное и синхронизированное, а в будущем — интегрированное, сотрудничество”. И одним из элементов этого механизма будет урегулирование корейской ситуации — но на единственно реальной основе — на основе трансформации северокорейского общества в рыночно-демократическом направлении.

1. Во время визита в Москву Ким Чен Ир настоял на включении в совместную декларацию по итогам визита тезиса о том, что КНДР требует вывода американских войск из Южной Кореи. Интрига состоит в том, что годом ранее Ким Чен Ир в ходе встречи с Ким Дэ Чжунгом высказался в том плане, что Пхеньян не против американского военного присутствия в Корее и после объединения. После прихода к власти в США администрации Дж. Буша американская сторона стала настаивать на включении в повестку дня переговоров с Пхеньяном наряду с ядерной и ракетной тематикой также и вопроса о сокращении обычных вооружений в КНДР. Пхеньян выступил против, заявив, что вопрос об обычных вооружениях он намерен обсуждать непосредственно с Южной Кореей, без США. Вероятно, вернувшись к тезису о выводе американских войск, Ким Чен Ир имел в виду при случае разменять это требование на требование США обсуждать вопрос об обычных вооружениях. Москва, как место оглашения тезиса о выводе войск, была выбрана, по всей видимости, для того, чтобы показать американцам, что за спиной КНДР, как и во времена Ким Ир Сена, стоит Россия. Аналогичный прием был использован и в отношении Китая. Накануне визита Цзян Цзэминя Ким Чен Ир объявил о готовности возобновить прерванные по инициативе КНДР межкорейские министерские контакты, явно давая понять, что в вопросах внутрикорейского диалога за его спиной стоит Китай.
2. Дело в том, что сам Пхеньян выступает категорически против политики “вовлечения”, видя в этом угрозу повторения советского пути, когда политика вовлечения бывшего СССР в мировую рыночную экономику привела к краху советского режима и развалу СССР. Идя на контакты с Южной Кореей и США, Пхеньян склонен называть новые отношения политикой примирения. Хотя, конечно, суть происходящего от изменения терминов не меняется.
3. Уже сейчас в Китае находится от 100 до 300 тыс. нелегальных северокорейских беженцев. С апреля 2001 г. здесь начата компания по их “отлову”. За информацию о корейцах-нелегалах китайский гражданин получает от правоохранительных органов премию порядка \$250, за скрытие такой информации — налагается штраф в размере около \$350.
4. Тогда, в Пхеньяне, В. Путин поспешил объявить журналистам о готовности Ким Чен Ира прекратить ракетную программу в обмен на зарубежную помощь по запуску северокорейских научных спутников. Менее чем через месяц Ким Чен Ир в беседе с южнокорейскими журналистами сказал, что это “была шутка”. Еще позже северокорейцы все же подтвердили России, что Ким Чен Ир имел в виду именно этот обмен. Любопытно, что во время визита Ким Чен Ира в Москву в августе 2001 г. уже не сам российский президент, а его помощник озвучил очередное обещание Ким Чен Ира не проводить испытаний ракет до 2003 года.

5. В Сеуле идут политические дискуссии об изменении Закона о национальной безопасности, согласно которому Северная Корея является террористической организацией, а контакты с ней возможны только с разрешения властей. В 1999-2000 гг. когда внутрикорейский диалог получил интенсивное развитие, данный закон на деле не применялся, хотя формально существовал. В 2001 г. уже зафиксированы случаи применения этого закона. Последний и наиболее громкий скандал, возникший в связи с применением этого закона в августе-сентябре 2001 г., привел в итоге к отставке Министра объединения Южной Кореи, главного разработчика политики "солнечного тепла" Лим Дон Вона. Скандал был настолько сильным, что вместе с Лим Дон Воном в отставку ушел весь кабинет. А союзник Ким Дэ Чжуна по парламентской коалиции Ким Чжон Пхиль покинул коалицию, оставив правящую партию в парламентском меньшинстве. И хотя в итоге скандала и отставки кабинета почти все министры вновь получили свои посты, Лим Дон Вон не попал в их число. Теперь он занимает должность помощника Президента по вопросам политики в отношении Северной Кореи.
6. Стороны в течение почти 10 лет не могут договориться о том, как пересчитать старый долг в рублях в новый в долларах. Одним из немногих конкретных результатов российской политики в отношении Северной Кореи стало то, что сторонам наконец удалось согласовать сумму долга в рублях: 3,8 млрд. руб. основной долг и около 0,8 млрд. руб. — проценты. По старому советскому курсу это порядка 7,5 млрд. долл. Когда будет согласован новый курс пересчета — неизвестно.
7. Проект строительства АЭС в КНДР осуществляется международным консорциумом KEDO, Россия в него не входит по собственной инициативе. Работы идут крайне медленно. Причина — в нестыковке системных подходов КНДР и Запада к сотрудничеству в области ядерной энергетики.
8. Визиты Ким Чен Ира в Китай в 2000 и 2001 гг., как и ранее, носили секретный характер.
9. Объем таких средств оценивается в \$ 2-3 млрд.
10. "Политика солнечного тепла", политика "вовлечения" Севера, "Северная политика", политика примирения — разные названия, используемые в зависимости от ситуации в Южной Корее для обозначения политики Сеула в отношении Пхеньяна. Например, когда хотят подчеркнуть роль лично Ким Дэ Чжуна в разработке нового курса во внутрикорейских делах, говорят "политика солнечного тепла". Когда хотят "успокоить" оппозицию или быть понятными для США, говорят "политика вовлечения", имея в виду, что конечной целью такой политики является разложение северокорейского режима. Когда не хотят "дразнить" Пхеньян, говорят "политика примирения". Когда хотят оставаться нейтральными, говорят "северная политика".
11. Для формирования фракции необходимо 20 депутатов, у Ким Чжон Пхили было 16 мест в парламенте. Ким Дэ Чжун "одолжил" ему не достававших 4 депутатов. После распада коалиции эти 4 парламентария вернулись в правящую партию.
12. По конституции президент может находиться у власти лишь один пятилетний срок.
13. После 11 сентября здесь произошли определенные, как говорят, подвижки. Если еще в прошлом году Госдепартамент США отказывался даже обсуждать эту идею, рассматривая Россию как стоящую, вместе с Китаем и КНДР, по другую сторону баррикад, то теперь он готов к обсуждению проблемы. Если, конечно, российская сторона заявит свой интерес.

Россия и Корейский полуостров: современные реалии и перспективы

© 2002

А. Воронцов

В начале 2002 г. в связи с истечением первой половины президентского срока В. Путина в политологическом сообществе России широко обсуждались итоги, в том числе и внешнеполитической деятельности второго президента РФ, предпринимались попытки строить прогнозы относительно эволюции последней в ближайшие годы и предлагать определенные рекомендации. Не осталась в стороне от подобных дебатов и корейская политика Кремля, которая была отмечена в рассматриваемый период значительной активизацией, прежде всего, на северокорейском направлении.

Можно говорить о том, что политика В. Путина в отношении КНДР стала в определенном смысле антиподом подхода Б.Ельцина. Если последний стремился как можно более дистанцироваться от Пхеньяна, что было главной причиной почти полного замораживания двусторонних отношений в первой половине 90-х гг., то при В.Путине в течение 13 месяцев произошел обмен официальными визитами лидеров РФ и КНДР, в ходе которых по северокорейской терминологии между ними возникли "чувства личной дружбы". Если во времена первого российского президента комплекс проблем, затрагивающих отношения между Москвой и Пхеньяном, был отодвинут на периферию в геополитических разработках его администрации, то теперь он оказался на личном контроле главы РФ.

На ходе данных дискуссий не мог не отразиться самым серьезным образом феномен 11 сентября и произошедшая под его воздействием существенная трансформация внешнеполитического курса Москвы, характеризующегося ныне возросшей близостью позиций Кремля и Белого дома по многим, если не по большинству международных проблем. Корейская же проблема, как известно, традиционно занимает далеко не последнее место во внешнеполитических приоритетах Вашингтона. Не удивительно, что в сферу внимания политологов оказался вовлеченным вопрос о том, насколько могут сблизиться — и насколько это в интересах России — позиции РФ и США в отношении КНДР, до сих пор характеризовавшиеся самостоятельными и в значительной мере отличными друг от друга подходами. Рекомендации при этом высказываются нередко полярные: от призывов к полной солидаризации с жестким курсом администрации Дж.Буша, включившего в своем известном выступлении в Конгрессе США 29 января 2002 г. Пхеньян в "ось зла", до обоснования целесообразности продолжения Россией самостоятельной корейской политики, направленной на поступательное развитие добрососедских отношений с КНДР.

Прежде чем сформулировать суждение относительно данной "краеугольной" для будущего корейской политики Российской Федерации проблемы, представляется целесообразным осуществить краткий обзор эволюции последней за прошедшие 12 лет.

Политика РФ в отношении двух корейских государств претерпела столь коренную трансформацию, что представляется возможным выделить в ней три этапа: 1991 — 1995 гг.; 1995 — 1999 гг.; 2000 г. — по настоящее время.

Первый этап характеризовался подчеркнуто односторонней ориентацией Кремля на форсированное развитие сотрудничества с РК при параллельном курсе на "отдаление от КНДР" и фактическое свертывание с последней межгосударственных отношений, что привело к драматическому ослаблению позиций России на Корейском полуострове в целом.

Второй этап, нередко связываемый с приходом на пост министра иностранных дел РФ Е. Примакова, отмечен последовательными попытками российского руководства нейтрализовать негативную тенденцию изменения соотношения влияния на Корейском полуострове, в том числе путем восстановления сбалансированного подхода к обоим корейским государствам.

Третий этап, с одной стороны, явившийся логичным продолжением второго, а с другой — выделяющийся действиями прорывного свойства, характеризуется полным восстановлением дружественных отношений России с КНДР, возвращением к инициативной, энергичной политике на Корейском полуострове.

После распада СССР Россия, ставшая его правопреемницей, коренным образом изменила свой подход к восточным соседям, в частности к Корее. Главными постулатами новой политики Российской Федерации были провозглашены:

- деидеологизация внешней политики;
- создание пояса добрососедства по периметру границ РФ и СНГ;
- продолжение поиска путей интеграции РФ в СВА и АТР.

Анализ этой концепции целесообразно начать с третьего пункта. После периода односторонней ориентации России на США и Запад и практически полного игнорирования АТР в начале 90-х гг. (который называют иногда годами "демократического романтизма") во внешней политике РФ в данном регионе произошли серьезные метаморфозы, непосредственно коснувшиеся и ее корейского направления.

К очевидным успехам внешнеполитической деятельности России в АТР в последние годы, несомненно, стоит отнести ее наступательную, грамотно подготовленную деятельность на конференциях стран АСЕАН, начиная с 1995 г. (Бруней), значимым результатом которой стало вступление РФ в АТЭС в 1998 г.

Однако воспринимать этот бесспорный успех в качестве триумфа, обеспечившего России прочные позиции в АТР, к сожалению, не приходится. К такому выводу приходят, учитывая по-прежнему слабые торгово-экономические связи России со странами АТР, не только достаточно многочисленные скептики в различных странах региона, но и ряд российских ученых. Участники конференции по проблемам развития ЮВА, посвященной памяти М.Капицы, состоявшейся в Институте востоковедения РАН в 2000 г., рассуждая о перспективах создания зоны свободной торговли в так называемой Большой Восточной Азии (АСЕАН плюс КНР, Япония, РК), отмечали, что "при самых разнообразных сценариях интеграции в Восточной Азии никто даже не говорит о возможном включении нашей страны в зону свободной торговли в макрорегионе", и рекомендовали развивать отношения со странами Восточной Азии не на многосторонней (как это было сделано с АТЭС), а на двусторонней основе¹.

При этом уместно отметить, что во времена Советского Союза позиции СССР в АТР также были довольно скромными, но они все же были реальными.

Здесь у него имелись надежные друзья и союзники: КНДР, МНР, страны Индокитая. В 1989 г. была осуществлена полная нормализация взаимоотношений с Китаем. Со всеми перечисленными странами имелись складывавшиеся десятилетиями полномасштабные отношения во всех областях.

В этой связи, исходя из государственных интересов России, невозможно было понять логику действий творцов ее внешней политики "романтических времен", которые, провозгласив курс на интеграцию в АТР, без каких-либо серьезных объективных причин отвернулись от вышеупомянутых партнеров и на практике почти полностью свернули сотрудничество с ними. Их недалеко-видная политика непосредственно отразилась на российско-северокорейских отношениях, о чем на международной конференции по теме: "Мирное сотрудничество в Северо-Восточной Азии и проблемы объединения на Корейском полуострове", состоявшейся 1-2 марта 1995 г. в Институте Дальнего Востока в Москве, с тревогой говорилось: "Россия почти потеряла своего традиционного партнера и соседа на Дальнем Востоке (речь идет о КНДР. — А. В.), что противоречит национально-государственным интересам России закрепиться в Тихоокеанском регионе в новом качестве и влиять на развитие политического диалога на Корейском полуострове"².

Чтобы понять, что заставило руководство новой, демократической России пойти на демонтаж отношений с традиционными партнерами Советского Союза на Дальнем Востоке и в Индокитае, необходимо обратиться к названному выше первому принципу внешней политики РФ — ее деидеологизации. Этот тезис на деле обернулся идеологической нетерпимостью к руководству и политическим режимам этих стран, отодвинувшей на дальний план реальные национально-государственные интересы России в данном регионе. Архитекторы подобного "великого перелома", видимо, наивно рассчитывали на его высокую оценку державами Запада и на то, что это поможет РФ утвердиться среди них в качестве союзника.

В результате эти азиатские страны, неожиданно потеряв в лице РФ своего важного политического и экономического союзника, оказались в труднейшей хозяйственной и внешнеполитической ситуации. Но, как показало истекшее десятилетие, все они сумели, пережив этот болезненный шок, найти более или менее эффективные пути обеспечения собственной жизнеспособности. Некоторые из них, например Вьетнам, рост ВВП которого уже в 1995 г. составил 9,5%, встали на рельсы хозяйственного процветания.³ Разумеется, для этого нашим бывшим партнерам пришлось пойти на коренное изменение своих внешнеэкономических и политических приоритетов. Характерно, что преодолевать созданные Москвой трудности им энергично помогают и те самые западные страны, поддержку которых своими действиями последняя надеялась обрести. Естественно, что это сопровождается укреплением позиций этих стран в данном регионе. Любопытно, что в таких условиях даже РК, до недавнего времени остававшаяся враждебным к Вьетнаму государством, в 1990-е гг. сумела стать для него третьим по важности, после Японии и Сингапура, торговым партнером, доведя объем двустороннего товарооборота со 100 млн долл. в 1990 г. до 1,5 млрд долл. в 1996 г. Объем же южнокорейских инвестиций во вьетнамскую экономику, который усилиями 400 корейских компаний в 1996 г. достиг 2,2 млрд долл., примерно в 33 раза превышает капиталовложения РК в экономику России⁴.

При этом Россия столкнулась с очередным парадоксом, на который указывали участники упоминавшейся конференции в ИВ РАН в 2000 г.: "Длительная "демократическая пауза", взятая руководителями РФ в отношении Вьетнама в 90-е гг., привела к глубокому спаду в сотрудничестве с этой страной, но так и не привела Россию к прорыву в отношениях с АСЕАН. Те-

перь "ирония судьбы!" Вьетнам выступает координатором связей Москвы с АСЕАН, и от него, якобы, зависит успех наших отношений с Ассоциацией"⁵.

Россия не смогла сохранить разумный баланс своей политики и на Корейском полуострове. С одной стороны, стремительно развивались политические отношения между Российской Федерацией и Республикой Корея на самом высоком уровне. В те годы состоялись две встречи президентов: в Сеуле в ноябре 1992 г. Ельцин и Ро Дэ У подписали Договор об основах отношений между двумя странами, в июне 1994 г. Б. Ельцин встретился в Москве с Ким Ен Самом. Премьер-министр РФ В. Черномырдин нанес визит в Южную Корею в сентябре 1995 г. Состоялись также многочисленные взаимные визиты на уровне министров. Начались поставки в Южную Корею самых современных образцов российского вооружения в счет оплаты долга Москвы. Министерство обороны РФ поставило в 1996 г. в РК 30 БМП-3, танков Т-80У и зенитно-ракетные комплексы "Игла", что вызвало резко негативную реакцию в Пхеньяне. Американские и южнокорейские эксперты, в частности, бывший в то время послом РК в Москве Хон Сун Ен, отмечали, что в тот период "правительство Ельцина не только демонстрировало обостренный интерес к вопросам военных обменов и сотрудничества, но и рассматривало Южную Корею в качестве потенциального союзника"⁶. Эти же эксперты обратили внимание на то, что "жестким контрастом" вышеотмеченному стремлению к максимальному сближению с Сеулом представлялась позиция "Ельцина, который полностью игнорировал Ким Ир Сена, держался на расстоянии от Северной Кореи, считая неприязненным ее режим, с которым он не хотел иметь никаких связей"⁷.

В отношениях с КНДР наблюдалась не менее последовательно проводимая, только в обратном направлении, линия на снижение уровня межгосударственных визитов и политических контактов, вплоть до почти полного их свертывания. К 1994 г. они практически велись лишь на уровне посольств. Эта линия нашла логическое завершение в отказе Москвы в 1995 г. от продления Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР от 6 июля 1961 г. Пхеньяну было предложено обсудить возможность заключения нового договора об основах межгосударственных отношений.

Очевидно также и то, что подобный подход к Северной Корее, стране, имеющей общую с Россией границу, противоречил упомянутому выше второму принципу внешней политики Москвы: создание пояса добрососедства по периметру границ Российской Федерации. Реализация такой важной установки в отношении Пхеньяна практически исключалась и концептуальным подходом к нему российского МИДа в начале рассматриваемого периода, ориентировавшимся на "неизбежное отдаление от КНДР"⁸. Это подтверждалось заявлением тогдашнего министра иностранных дел А. Козырева в 1992 г. о том, что Россия готова продавать оружие кому угодно, только не Северной Корее.⁹ Одновременно с обострением международного кризиса 1993-1994 гг., связанного с раздутой шумихой об угрозе использования Северной Кореей в военных целях результатов своих ядерных исследований (осуществлявшихся на базе реакторов с графитовыми стержнями советского производства), Россия по сути поддержала позицию стран, объединившихся по инициативе США в единый фронт для давления на КНДР. В результате Пхеньян стал негативно относиться вообще к какой-либо роли РФ в делах Корейского полуострова, упрекая ее в проамериканском и просеульском подходе. Однако летом 1994 г. КНДР и США, проявив политическую волю, перешли от взаимных угроз и обвинений к интенсивным и конструктивным дипломатическим контактам, которые привели к подписанию ими в октябре того же года рамочного соглашения в Женеве. Таким образом, можно говорить об очевидном успехе в тот период дипломатий КНДР и США, которые сумели достичь важных для своих стран результатов.

К сожалению, подобное нельзя сказать о российской дипломатии. По мнению автора, в период совместного давления международного сообщества на Северную Корею в проявленной Россией чрезмерной прозападной солидарности в определенной степени растворились ее собственные интересы на Корейском полуострове и была утрачена инициатива. Когда же там наступил неожиданный поворот в развитии ситуации, Москва оказалась к нему неготовой и осталась вне переговорного процесса Вашингтон — Пхеньян. Попытка Москвы подключиться к переговорному процессу посредством выдвижения интересной самой по себе, но к тому моменту запоздавшей инициативы о созыве многосторонней (сначала шестисторонней, затем восьмисторонней) конференции по Корее «была холодно встречена другими членами Совета Безопасности ООН, прежде всего США, а также Пхеньяном».¹⁰

Отражением ослабления влияния России на Корейском полуострове и продолжением линии на ее вытеснение из состава государств, активно участвующих в урегулировании проблем безопасности в Корее, можно считать американо-южнокорейскую инициативу, выдвинутую 16 апреля 1996 г., о созыве четырехсторонней конференции по Корее с участием двух корейских государств, США и КНР и с возможным лишь на последующих этапах приглашением к работе в ней РФ и Японии. Похоже, что в то время в умах политической и академической элиты Запада все более утверждалось представление о прогрессирующей тенденции к утрате Россией вообще какой-либо роли в делах Корейского полуострова. Так, выступая в рамках предвыборной президентской кампании в Детройте 22 октября 1996 г., Б. Клинтон, говоря об опасности ядерной программы КНДР, подчеркнул, что «благодаря нашей дипломатии и помощи Японии, Южной Кореи и Китая удалось убедить Корею заморозить эту программу», не упомянув ни словом о России. В специальном докладе по Корее, опубликованном осенью 1996 г., эксперты Института мира США призывали Белый дом теснее координировать свои усилия по преодолению энергетического, продовольственного и политического кризисов в КНДР, а также в выработке фундаментальной политики в отношении Пхеньяна с правительствами Южной Кореи, Китая и Японии, но снова без РФ.¹¹

Изменения внешнеполитического курса Москвы на корейском направлении начались на упомянутом нами втором этапе — с середины 90-х годов. Важными событиями в развитии двусторонних отношений с Северной Кореей, стали: первое заседание в апреле 1996 г. в Пхеньяне Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству между Россией и КНДР; поездки в столицу КНДР весной 1996 г. (после длительного перерыва) российских руководителей высокого уровня — вице-премьера РФ В. Игнатенко и спикера Госдумы Г. Селезнева. На этом этапе российская дипломатия взяла курс на восстановление сбалансированности корейского направления внешней политики Кремля, на вывод отношений РФ с КНДР из тупика. Осенью 1996 г. между министерствами иностранных дел двух стран были подписаны план дипломатических обменов на 1997-1998 гг., затем соглашение о культурном и научном сотрудничестве. Все это дало основания тогдашнему вице-премьеру, министру иностранных дел КНДР Ким Ен Наму заявить в ноябре 1996 г., что у России и КНДР есть возможность поднять на более высокий уровень двусторонние отношения, и выразить удовлетворение наметившимися в них позитивными тенденциями.

МИД РФ начал действовать с целью нейтрализовать негативное для России изменение баланса сил на Корейском полуострове и попытался восстановить ее позиции. Министр иностранных дел Е. Примаков на российско-японском семинаре в Москве в октябре 1996 г., посвященном 40-летию восстановления дипломатических отношений с Японией, пригласил Токио к взаимо-

действию по урегулированию в Корею, заявив, что Россия и Япония заинтересованы в том, чтобы их не отодвигали от решения проблем Корейского полуострова, и что укрепление российско-японских отношений могло бы способствовать стабилизации на Корейском полуострове и в АТР в целом.¹² МИД РФ продолжал продвигать идею созыва широкого международного форума по Корею с участием представителей двух корейских государств, всех постоянных членов СБ ООН, Японии и некоторых специализированных организаций ООН, в частности МАГАТЭ. Такой форум, по словам в то время заместителя министра иностранных дел РФ Г. Карасина, реализует формулу комплексного решения проблем Корейского полуострова, в большей степени отвечающую существующим здесь реалиям. При этом после некоторых колебаний Москва заняла позицию "позитивного нейтралитета" по отношению к идее четырехсторонних переговоров, заявив, что приветствует любые шаги, направленные на снижение напряженности на Корейском полуострове.

Во время визита в РК министра иностранных дел РФ в июле 1997 г., ставшего в целом заметной вехой в развитии двусторонних отношений и придавшего им новые импульсы, Е. Примаков подчеркивал: "Поскольку сейчас вырисовываются контуры формата переговоров в виде "два плюс два": две Кореи плюс КНР и США, то мы не видим оснований для противодействия и будем им способствовать. Одновременно считаем полезным расширение рамок таких переговоров, вплоть до созыва международной конференции".

В 1998 г. прошли через серьезное испытание "на прочность" российско-южнокорейские отношения. Жестокий финансовый кризис в обеих странах 1998 г. заметно сузил возможности их экономического сотрудничества. Ряд уже проработанных и готовых к реализации крупномасштабных проектов, таких как, например, создание корейского технополиса в районе Находки, оказался фактически замороженным. Неудивительно, что двусторонний товарооборот, составлявший в 1996 г. 3,6 млрд долл., сократился в 1998 г. до 2,1 млрд. Еще более скромными выглядели достижения обеих стран в области инвестиционного сотрудничества. В России функционировали всего около 80 СП с участием южнокорейского капитала, инвестировавших в общей сумме всего 120 млн долл.¹³ Примерно 10 российско-корейских СП вели свою деятельность в Южной Корею. Для сравнения отметим, что товарооборот между РК и КНР, установивших дипломатические отношения на два года позже, чем СССР и РК, составил в 1998 г. 20 млрд долл., а южнокорейские инвестиции в китайскую экономику — 7 млрд. (В 2001 г. аналогичные цифры для России, по данным торгового отдела посольства РК в Москве, выражались в сумме 2,8 млрд. и 160 млн. долл., а для Китая — 30 млрд. и 9,7 млрд. долл. соответственно.)¹⁴

Неблагоприятно отразился на двусторонних отношениях шпионский скандал, случившийся летом 1998 г. Усилиями СМИ обеих стран, особенно южнокорейских, эта досадная история, которой следовало бы стать предметом профессионального разбирательства двух спецслужб, вышла на высокий политический уровень и привела к отставке министра иностранных дел РК. В целом она ухудшила психологическую атмосферу в двусторонних отношениях. К счастью, данный инцидент был сравнительно быстро исчерпан. На встрече в сентябре 1998 г. на сессии ГА ООН в Нью-Йорке уже новые министры иностранных дел обеих стран поставили окончательную точку в этой малоприятной истории и решили вернуть развитие двусторонних отношений в конструктивное русло, в частности заняться подготовкой визита президента РК Ким Дэ Чжуна в РФ.

Несмотря на мнение обозревателей некоторых стран о кризисе в отношениях между Россией и Республикой Корея в связи со спадом в области их экономического сотрудничества и особенно ухудшением политического клима-

та, вызванного вышеупомянутой “шпионской историей”, на наш взгляд, темпы и формы преодоления отмеченных трудностей свидетельствовали об обратном. Двусторонние отношения выдержали испытания и стали более зрелыми, причем не на декларативном, а на реальном уровне. Обе стороны освободились от некоторых иллюзий и завышенных ожиданий и в большей мере основывают свои действия на фундаменте прагматичного подхода друг к другу.

Необходимо подчеркнуть, что приход к власти в РК в начале 1998 г. администрации президента Ким Дэ Чжун создал новые стимулы для развития российско-южнокорейских политических отношений. В отличие от своего предшественника, Ким Дэ Чжун, как представляется, достаточно хорошо понимал роль и значение РФ в урегулировании корейской проблемы как важного гаранта безопасности на полуострове наряду с США, КНР и Японией, что он не раз отмечал в своих выступлениях. Не случайно (одновременно с желанием активно продвигать вперед четырехсторонние переговоры) в первые же дни своего пребывания на посту президента РК он выступил с весьма близкой по содержанию к российской программе созыва многосторонней международной конференции по урегулированию корейской проблемы инициативой организации шестистороннего (РК — КНДР — РФ — США — КНР — Япония) или семистороннего (плюс Монголия) форума по обсуждению проблем безопасности в СВА, включая Корейский полуостров.

В ходе состоявшегося в мае 1999 г. саммита между президентами Ким Дэ Чжуном и Б. Ельциным в Москве главы государств подчеркнули: “Стороны согласились с тем, что укрепление конструктивного и взаимодополняемого партнерства является руководящей концепцией многоликого взаимодействия между двумя государствами на пороге XXI века”¹⁵. Результаты продуктивных переговоров подвели итог пятилетнему периоду двусторонних отношений после последней встречи в верхах (1994 г.) и поставили точку на разговорах об их охлаждении и чуть ли не о надвигающемся кризисе между Москвой и Сеулом. Итоги встречи оказались весьма плодотворны во многих областях, и обе стороны выразили свое удовлетворение ими. Как сообщила “Кореа геральд” 29 мая 1999 г., по мнению южнокорейских участников самым главным итогом переговоров стало то, что “Ким заручился критически важным обязательством России поддерживать его северокорейскую политику и обещанием президента Ельцина играть конструктивную роль в ее осуществлении”. Российская сторона была удовлетворена тем, что президент РК подтвердил тот факт, что он считает РФ влиятельным “игроком” на Корейском полуострове, способным выполнить позитивную роль, и разделяет российский подход к организации многостороннего форума по решению проблем стабильности и безопасности Корейского полуострова и Северо-Восточной Азии.

Линия на углубление двустороннего сотрудничества между Россией и РК получила развитие в 2000 г. Центральными событиями года стали две встречи президентов двух стран в Нью-Йорке 8 сентября в рамках юбилейной сессии ГА ООН и затем 15 ноября на саммите АТЭС в Брунее, а также визит в Москву премьер-министра РК Ли Хан Дона. На встрече с председателем правительства России М. Касьяновым, в частности, была достигнута договоренность о визите президента РФ В. Путина в Сеул в первой половине 2001 г. Визит В. Путина состоялся в феврале 2001 г. Российско-южнокорейский саммит, внесший вклад в разрешение ряда проблем в двусторонних отношениях и продвинувший сотрудничество между двумя странами, продемонстрировал приверженность руководства РФ к проведению на Корейском полуострове активной и сбалансированной политики.

Примечательно, что в рамках состоявшихся переговоров появился новый сюжет — обсуждались перспективы трехстороннего (РФ — РК — КНДР)

взаимодействия в экономической области, что стало отражением складывающихся новых реалий на Корейском полуострове, возникших после первой в истории встречи руководителей двух корейских государств в июне и российско-северокорейского саммита в июле 2000 г. В этой связи представляется необходимым подчеркнуть, что начиная с 2000 г. в отношениях между Москвой и Сеулом все активнее проявляется новый фактор — прогрессирующее российско-северокорейское сотрудничество.

К этому времени самоустранилось важное “психологическое” препятствие в российско-северокорейских отношениях — “фактор Ельцина”, ассоциировавшийся с КНДР с ухудшением последних. О новом руководителе РФ в Пхеньяне почти сразу стали говорить в том духе, что в России мол наконец-то появился лидер, с которым “можно иметь дело”. Приход В.Путина на пост президента России послужил в сущности исходным моментом третьего выделенного нами этапа политики России в регионе Кореи.

Позитивные изменения в российско-северокорейских отношениях, начавшись в середине 90-х гг., во второй половине десятилетия постепенно приобретали характер тенденции восстановления многопланового сотрудничества. Достаточно отметить, что в 1996 — 2000 гг. между двумя странами было заключено 21 межправительственное и межведомственное соглашение, включая документы о поощрении и взаимной защите инвестиций, избежании двойного налогообложения, о сотрудничестве в различных областях экономики, сельского хозяйства, культуры и др. Стал медленно расти товарооборот: до 105 млн долл. в 2000 г. против 90 млн в 1997 г. и т. д.

В феврале 2000 г. долго и нелегко готовившийся Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Россией и КНДР был подписан в ходе визита в Пхеньян министра иностранных дел России И. Иванова. При этом обе стороны отметили, что “заключение этого Договора знаменует начало нового этапа развития отношений между двумя государствами”, а он сам “является основополагающим правовым документом, на котором базируется весь комплекс двусторонних отношений”.¹⁶ Во всем мире данное событие было воспринято как факт восстановления дружественных отношений между двумя странами. В Договоре впервые в дипломатической практике КНДР были зафиксированы стремление уважать цели и принципы ООН, общепризнанные нормы международного права, задачи обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии. Сам факт, что КНДР подписалась под этими базовыми в международном сообществе принципами и согласилась с тем, что договор не направлен против интересов третьих стран, свидетельствует об эффективности российской дипломатии.

В июле того же года состоялся первый в истории РФ (и СССР) визит руководителя государства в КНДР. Визит президента В.Путина был первым посещением иностранным лидером Северной Кореи по личному приглашению Ким Чен Ира. К числу важнейших результатов данной встречи следует отнести сам факт выхода политического диалога Москвы и Пхеньяна на самый высокий уровень, предоставивший возможность лидерам РФ и КНДР в ходе семичасового личного общения узнать и понять друг друга. В итоге визита была подписана Совместная декларация и достигнуто взаимопонимание по проблемам как двусторонних, так и международных отношений. Достаточно упомянуть озвученное В. Путиным согласие Ким Чен Ира на запуски на безвозмездной основе двух-трех корейских спутников в год ракетносителями государств, озабоченных ракетной программой КНДР, в обмен на отказ Северной Кореи от дальнейшего производства аналогичных ракет, чего так долго добивались США. Этот дипломатический успех российского президента сразу же получил у международных обозревателей определение “формула Путина”.

Таким образом, российской стороне удалось в определенной степени ослабить аргументацию Вашингтона относительно необходимости создания национальной системы ПРО, поставив под сомнение в глазах всего мира, включая союзников США, факт существования северокорейской ракетно-ядерной угрозы, и в какой-то мере перехватить инициативу в диалоге с Белым домом по этой проблеме. Есть основания полагать, что залог успеха внешнеполитического дебюта В. Путина на форуме "Окинавской восьмерки" летом 2000 г. был в значительной степени обеспечен итогами его переговоров в Пхеньяне.

Неожиданный поворот событий был воспринят лидирующими в процессе корейского урегулирования США как вызов, заставивший их в срочном порядке перестраивать традиционные внешнеполитические схемы в отношении Корейского полуострова. Администрация Б. Клинтона, первоначально "не поверившая" в возможность подобного проявления доброй воли руководства КНДР, в октябре 2000 г. направила в Пхеньян госсекретаря М. Олбрайт, сделавшую "формулу Путина", по существу, основным политическим стержнем своего визита в столицу вчерашнего "государства-изгоя". Можно с уверенностью говорить о том, что в результате пхеньянского саммита Россия вернулась в число активных "игроков на корейском поле", продемонстрировав способность отстаивать собственные стратегические интересы в этом районе мира.

Принципиальное значение имело также закрепление в подписанной В. Путиным и Ким Чен Ир-ом Совместной декларации совпадения взглядов сторон по важнейшим международным проблемам: укреплению и обновлению ООН, упрочению ее центральной роли в мировых делах, неприятию концепции "гуманитарной интервенции", борьбе с терроризмом и сепаратизмом, снижению роли фактора силы в международных отношениях, необходимости противодействия планам развертывания НПРО и ПРО ТВД, расширению НАТО и др. Сразу же проявившимся позитивным последствием саммита стало изменение тональности публикаций на российскую тематику в северокорейских СМИ, начавших накануне и после визита подавать сообщения о России в подчеркнуто благожелательном тоне.

Визит в Пхеньян российского президента дал импульс развитию сотрудничества в практических областях. В октябре 2000 г. в Пхеньяне состоялась III сессия Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, в прагматическом ключе обсуждавшей существующие проблемы, например факт задолженности КНДР перед РФ по "советским долгам" в объеме порядка 4 млрд. клиринговых рублей. Было выдвинуто, в частности, предложение МПС об участии России в модернизации железнодорожной магистрали КНДР, чтобы связать в районе Приморья транс-корейскую железную дорогу с Транссибом и направить через нее поток грузов в Европу как из Южной Кореи, так и других восточноазиатских государств. В ходе московской встречи на высшем уровне в августе 2001 г. Ким Чен Ир выступил с новаторским предложением о прокладке прямого транзитного маршрута с российской колеей Пусан-Вонсан-Хасан вдоль восточного побережья Корейского полуострова с открытием дополнительного перехода в демилитаризованной зоне между Северной и Южной Кореей. В развитие этих договоренностей МПС России и Министерство железных дорог КНДР подписали 14 августа 2001 г. соглашение о сотрудничестве, завершили подготовку вариантов предварительного технико-экономического обоснования проекта восточного "луча" транс-корейской железной дороги, в Пхеньяне было учреждено представительство МПС. Усилиями северокорейской стороны идея трехстороннего сотрудничества по "восточному маршруту" была зафиксирована в итоговом документе межкорейской встречи на уровне министров в Сеуле в сентябре 2001 г., получила развитие и была признана Югом в качестве равноправной

наряду с “западным маршрутом” (через Китай) в ходе визита спецпосланника южнокорейского президента Лим Дон Вона в Пхеньян в апреле 2002 г.

В декабре 2000 г. в Пхеньяне и в декабре 2001 г. в Москве результативно прошли 14-я и 15-я сессии Российско-корейской смешанной комиссии по сотрудничеству в области рыбного хозяйства, отметившие углубление кооперации в данной сфере: от совместного промысла, выращивания различных видов морепродуктов до их совместной переработки, в частности на консервном заводе г. Синпхо, с вывозом готовой продукции в Россию, ремонта российских рыболовных судов в северокорейской свободной торгово-экономической зоне Расон, организации отдыха членов экипажей кораблей Акционерного общества “Дальморепродукт” и их семей в курортных районах КНДР и т. д.

Продолжает развиваться традиционная форма сотрудничества в использовании северокорейской рабочей силы на лесозаготовках субъектов РФ: Хабаровского и Приморского краев, Амурской области, в ближайшем будущем — в Иркутской области, на Сахалине и др. Восстанавливаются традиции приграничного сотрудничества, в частности между провинцией Северная Хамгён и Приморским краем.

Главным же итогом корейской политики России в 2000-2001 гг. стало укрепление ее позиций и роли на корейском азимуте международной политики. В отличие от недавних лет саммиты с российским руководством ожидались с нетерпением в обеих корейских столицах.

Ответный визит лидера КНДР Ким Чен Ира в РФ в августе 2001 г. и подписание Московской декларации, безусловно, открыли новую страницу в двусторонних контактах, повысили степень их доверительности. Об этом, в частности, свидетельствуют ставшие фактически регулярными посещения Посольства РФ в КНДР Ким Чен Иром (6 января и 17 марта 2002 г.) и другими высшими руководителями республики. Еще ранее, в декабре 2001 г., корейский лидер устроил дружественную встречу с послом РФ и старшими дипломатами посольства.

С 2000 г. постепенно восстанавливается сведенное с 1993 г. к минимуму военное и военно-техническое сотрудничество с КНДР. В ходе визита в Москву в апреле 2001 г. министра вооруженных сил КНДР Ким Ир Чера были подписаны межправительственное соглашение о сотрудничестве в области оборонной промышленности и военной техники, а также межведомственное соглашение о развитии сотрудничества в военной области.

В первые месяцы 2002 г. были продолжены контакты на высоком политическом уровне. В феврале в качестве спецпосланника президента РФ в Пхеньяне побывал и провел две продолжительные беседы с Ким Чен Иром полномочный представитель президента РФ в Дальневосточном федеральном округе К.Пуликовский, в апреле — губернатор Санкт-Петербурга В.Яковлев. В марте в РФ с визитом находился председатель Верховного народного собрания КНДР Цой Тхэ Бок, который, в частности, привез предложение построить с российской помощью АЭС в Северной Корее. В ответ на состоявшийся в январе 2002 г. визит в Москву и Санкт-Петербург Председателя Народного Комитета г. Пхеньяна Рян Ман Гира запланирован в этом году визит в столицу КНДР мэра Москвы Ю.Лужкова.

Продолжает расширяться договорно-правовая база двусторонних отношений. Количество заключенных межправительственных и межведомственных соглашений на начало 2002 г. увеличилось до 28, в том числе, было подписано в августе 2001 г. соглашение о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Академией наук КНДР. Объем двустороннего товарооборота в 2001 г. вырос до 115 млн долларов.

В результате имеются основания полагать, что политические отношения между РФ и КНДР в настоящее время имеют все шансы на дальнейшее успешное

развитие. В Сеуле подчеркивают в этой связи, что сейчас Пхеньян прислушивается к мнению российской стороны в значительно большей степени, чем каких-либо других стран. По итогам визита Ким Чен Ира в РФ в 2001 г. американская печать отмечала, что, вступая в качестве посредника в отношении Ким Чен Ира с остальным миром, В.Путин не только поднимает статус российской дипломатии, но также дает ей дополнительный козырь в диалоге с США.

Таким образом, можно констатировать, что на современном этапе более чем когда-либо в своей истории РФ приобрела потенциал для эффективной реализации зафиксированной в Московской декларации 2001 г. "готовности и далее играть конструктивную и ответственную роль в позитивных процессах на Корейском полуострове".

В этой связи хочется отметить любопытный феномен. Так же, как в самом начале последнего десятилетия XX столетия, когда "революционное" решение СССР установить дипломатические отношения с Сеулом взорвало сложившийся к тому времени консервативный статус-кво вокруг Корейского полуострова, так и десять лет спустя неожиданная для многих инициатива российской дипломатии на северокорейском направлении до определенной степени изменила сложившийся на рубеже веков баланс международных сил и вновь подтолкнула другие заинтересованные державы к поиску адекватных ответов.

Одним из важных последствий происходящих изменений стал тот факт, что даже участники четырехсторонних переговоров по Корее — США, КНР, КНДР, РК, начатых в 1996 г. (тогда идея присоединения к ним России фактически не приветствовалась), стали признавать следующее: в результате смещения центра тяжести в сторону активизировавшегося процесса двусторонних саммитов (прежде всего по линиям Москва — Пхеньян, Москва — Сеул, Пхеньян — Пекин, Пхеньян — Сеул), роль и значимость четырехстороннего механизма, первоначально воспринимавшегося в качестве чуть ли единственного пути к улучшению климата на Корейском полуострове, значительно снизились.

Бесспорно и то, что первый российско-северокорейский саммит 2000 г., сделавший в глазах мировой общественности именно В. Путина лидером, вводящим "отшельника" Ким Чен Ира в мировое сообщество, наряду с сенсационной межкорейской встречей в верхах летом 2000 г., стал одним из главных побудительных мотивов, подвигнувших администрацию Б. Клинтона на поиск пути процесса нормализации отношений с КНДР. Трудно предсказуемые еще за несколько месяцев до их осуществления визиты де-факто второго человека в Пхеньяне вице-маршала Чо Мен Рока в Вашингтон и госсекретаря США М. Олбрайт в столицу Северной Кореи в октябре 2000 г. (признанные обеими сторонами успешными) были нацелены на подготовку в конце концов так и не состоявшегося визита в КНДР самого Б. Клинтона, который до последнего момента (менее месяца до истечения срока своих президентских полномочий) не хотел отказываться от этой идеи. Несмотря на то что новая республиканская администрация не продолжила линию своих предшественников, прогресс, достигнутый в американо-северокорейских отношениях в последние месяцы 2000 г., несомненен и не должен сбрасываться со счетов будущей международной политики в этом регионе.

Как представляется, значимость уравнивающего потенциала политики РФ приобретает особую ценность в глазах и Пхеньяна, и Сеула в свете новых акцентов, внесенных в "корейскую политику" республиканской администрацией США, которые способны поставить под сомнение успехи межкорейского диалога, начатого в 2000 г.

При этом в столицах обоих корейских государств обратили внимание на конструктивный подход, проявленный Москвой к обозначившемуся в тот момент прорыву в межкорейских отношениях, когда перспектива пусть и отда-

ленного объединения Кореи, возможно, впервые начала обретать контур реально развивающегося процесса. Данное событие само по себе стало своего рода лакмусовой бумажкой, тестирующей "на искренность" декларированную всеми ведущими державами поддержку идеи воссоединения двух частей Корейского полуострова.

Напомним, что МИД РФ сразу же после межкорейского саммита в июне 2000 г. заявил о полной, без каких-либо оговорок, поддержке его результатов и приветствовал возрастание самостоятельной роли внутрикорейского фактора в общем процессе урегулирования корейской проблемы. Позиция России выделялась конструктивностью и доброжелательностью на фоне плохо скрытой озабоченности США относительно будущего своего военного присутствия в Южной Корее и возможности утраты контроля над процессом усиления самостоятельности внутрикорейского фактора.

* * *

Ретроспективно и обобщенно оценивая выявившиеся в течение короткого периода в 11-12 лет итоги политики России в отношении двух государств Корейского полуострова, ее главные направления и особенности, хотелось бы подчеркнуть следующие выводы из этого процесса, имеющие, на наш взгляд, отнюдь не конъюнктурный и краткосрочный характер.

В случае реализации недостаточно взвешенного и соразмеренного с долгосрочными национальными интересами России подхода, основанного на автоматической солидаризации с любыми внешнеполитическими акциями Вашингтона, существует реальная опасность утраты Москвой недавно и с немалым трудом обретенной самостоятельной политики на Корейском полуострове, принесшей ей в последние годы очевидные дивиденды.

Очевидно, что такой подход, во-первых, не нов и по сути представляет собой повторение действий периода "демократического романтизма" начала 90-х гг., обернувшихся растворением собственных национальных интересов и болезненным ослаблением позиций РФ на Корейском полуострове, память о чем сегодня еще свежа. Основывается он в значительной степени на бытовавшем в начале и середине 90-х гг., но не оправдавшемся даже тогда ожидании неизбежного коллапса Северной Кореи под тяжестью внутренних трудностей (кончина бессменного лидера Ким Ир Сена в 1994 г., беспрецедентные по масштабам стихийные бедствия 1995-1997 гг. и т.д.). Этот подход недоучитывает реалии, заключающиеся в том, что в последние 2-3 года в КНДР произошло незначительное, но улучшение в экономической области и весьма значительное — во внешнеполитической. Республика, в частности, получила дипломатическое признание со стороны ЕС, Канады и ряда других государств.

Во-вторых, реализация подобной схемы действий неизбежно привела бы к осложнению и, вероятно, ухудшению отношений РФ с пограничной КНДР.

В-третьих, отказ Москвы от роли силы, способной выполнять балансирующую, уравнивающую функцию как в отношениях между двумя Кореями, так и между США и КНДР, безоговорочное присоединение нашей страны к коалиции во главе с Вашингтоном, преследующим цель нейтрализовать представителя "оси зла", будут способствовать нарастанию напряженности на Корейском полуострове и усилению угрозы возникновения очага военного конфликта на территориях, прилегающих к России.

Нелишне отметить, что подобная перспектива уже вызвала обоснованные опасения в Сеуле, поспешившем предпринять в ходе визита президента Дж. Буша в РК в феврале этого года усилия с целью как коррекции чрезмерно, с точки зре-

ния Южной Кореи, жесткого антисеворокорейского курса США, так и для возобновления полномасштабного межкорейского диалога посредством миссии Лим Дон Вона, спецпосланника южнокорейского президента, в Пхеньян в апреле 2002 г.

Даже только отмеченных соображений, на наш взгляд, достаточно, чтобы прийти к заключению о целесообразности сохранения и приумножения Россией позитива, обретенного в последние годы на путях реализации самостоятельной, динамичной и сбалансированной политики в отношении и с КНДР, и с РК.

Именно такая линия поведения соответствовала бы выраженному 18 апреля 2002 г. президентом В.Путиным в послании Федеральному Собранию РФ намерению и в дальнейшем строить российскую внешнюю политику "сугубо прагматично, исходя из ее возможностей и национальных интересов — военно-стратегических, экономических, политических"¹⁷. Представляется, что такой курс не только вполне совместим с участием Москвы в глобальной анти-террористической коалиции, сложившейся после трагических событий 11 сентября 2001 г., но и способен обогатить коллективное мышление и стратегическое планирование в рамках последней независимыми анализом и оценками международной ситуации и конкретных региональных проблем.

1. Юго-Восточная Азия в 2000 г. Актуальные проблемы развития. Москва: ИВ РАН, 2001 г. С. 15-16.
2. Тригубенко М.Е. Кризис в российско-северокорейских экономических отношениях. Мирное сотрудничество в Северо-Восточной Азии и проблемы объединения на Корейском полуострове. Материалы международной российско-корейской конференции в Москве, 1-2 марта 1995 г. С. 39.
3. Citra Indonesia. Vol. 11. № 009. September, 1996. С. 1.
4. Backgrounder. Ministry of Information. Seoul, Korea. № 149. December 20, 1995. С. 8.
5. Юго-Восточная Азия в 2000 г. Актуальные проблемы развития. Москва: ИВ РАН, 2001 г. С. 201.
6. Чосон ильбо. 1992. 12 марта.
7. Seung-Ho Joo. Russian Policy on Korean Unification in the Post-Cold War Era // Pacific Affairs. Vancouver B.C., Canada. Vol. 69. № 1. Spring 1996. С. 36, 34.
8. Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник МИД РФ. 1993, январь. Спецвыпуск. С. 16.
9. Дефанс насьональ. Октябрь 1996 // Компас № 45. ИТАР-ТАСС. 1996. 7 ноября. С. 22
10. Seung-Ho Joo. Op. cit. С. 47.
11. A Coming Crisis on the Korean Peninsula?. Special Report: The United States Institute of Peace. 1996, November. С. 2.
12. Диткуррьер. Октябрь 1996. № 15(41). С. 14.
13. Economic cooperation between South and North Korea and Russia: status and tasks. Workshop on industrial restructuring policy for Russia officials. KOIKA, 1999. Seoul, Korea. P. 54.
14. КОРУС ФОРУМ. Москва, 2002. № 4. С. 33.
15. Дипломатический вестник МИД РФ, 1999, № 6. С. 31.
16. Дипломатический вестник МИД РФ, 1999. № 3. С. 14.
17. Российская газета. 2002 г. 19 апреля.

Монголия на рубеже веков

© 2002

Г. Яскина

Политическая ситуация в 2000-2002 гг.

2 июля 2002 г. исполняется два года со дня последних выборов в монгольский парламент - Великий государственный хурал (ВГХ), на которых убедительную победу одержала Монгольская народно-революционная партия (МНРП), получив почти 90% голосов избирателей.¹ В результате из 76 мест в ВГХ ей принадлежит сейчас 72. Позиции партии укрепились в органах власти всех уровней, а президентские выборы 20 мая 2001 г. вновь выиграл Нацагийн Багабанди. Все эти события пришлось на конец XX — начало XXI веков и, естественно, отразили как итоги ушедшего столетия, так и зарождающиеся новые тенденции и перспективы развития Монголии. Правительству Намбарын Энхбаяра (председатель МНРП, премьер-министр) досталось нелегкое наследие. В 2000 г. производство валовой продукции промышленности возросло на 2,4%, а ее удельный вес в структуре ВВП составил 23,4%² но добыча угля, основного энергетического топлива в Монголии, в 2000 г. не достигала уровня 1995 г. В полтора раза сократилось производство продовольствия, а также товаров широкого потребления. Стабильнее работали теплоэлектростанции и горнодобывающие отрасли (добыча меди и золота). Однако национальная статистика показывает, что в год прихода МНРП к власти валовой внутренний продукт страны увеличился только на 1,1% по сравнению с предыдущим годом³, а индекс потребительских цен в стране вырос на 8,1%, в том числе цены на продовольствие — на 5,2%, на бытовые товары — 2,7%. Квартирная плата, электроэнергия и топливо подорожали на 32%.⁴ Поднялись также цены на услуги транспорта и связи, на товары культурного назначения, бытовое обслуживание и т.д. В выступлениях отдельных политиков все чаще проскальзывали подозрения, что в теневом секторе экономики производится от 38 до 60% национального продукта в целом⁵. Значительно увеличилась внешняя задолженность Монголии⁶. Большой урон народному хозяйству нанесли стихийные бедствия. Зимой 1999-2000 гг. и зимой 2001 г. в нескольких монгольских аймаках произошел массовый падеж скота, вызвавший обнищание тысяч аратских хозяйств. По неполным данным, их совокупные убытки составили около 90 млн долларов США. В целом почти не произошло сокращения уровня бедности (около 26%) — задача, которую Монголия уже несколько лет пытается решить с помощью международных организаций и стран-доноров, более 20% общей финансовой помощи которых, как правило, предназначается на развитие социальной сферы этого государства⁷.

В обобщенном виде основные проблемы, с которыми столкнулось новое правительство, заключались в следующем:

- медленные темпы экономического роста; упадок национальной промышленности; низкий экспортный потенциал страны;
 - сохранение высокой степени зависимости основы монгольской экономики — кочевого животноводства — от неблагоприятных явлений природы;
 - недостаток инвестиций в реальных отраслях экономики;
 - рост безработицы, особенно в связи с приватизацией государственной собственности и реструктуризацией госпредприятий; увеличение внешнего долга и недостаток капиталов для инвестирования в ключевые отрасли экономики;
 - рост цен; развитие частных учебных заведений в противовес государственной системе народного образования; упадок системы здравоохранения;
 - неравномерность развития регионов страны; особенно трудное положение сложилось в западных аймаках;
 - снижение жизненного уровня населения, особенно в сельской местности;
- медленные темпы преодоления критического порога бедности по стране в целом.

Следует отметить также, что МНРП вернулась к власти в условиях непростой международной обстановки. Как было сказано в докладе Генерального секретаря ООН Кофи Аннана на юбилейной сессии Организации Объединенных Наций в 2000 г., «только что закончившееся столетие то и дело сотрясали жестокие конфликты. Ужасающая нищета и поразительное неравенство по-прежнему наблюдаются внутри стран и между ними... Болезни, старые и новые, угрожают свести на нет с таким трудом достигнутый прогресс. Природная система жизнеобеспечения, от которой зависит само выживание рода человеческого, подвергается серьезным потрясениям и разрушается в результате нашей же повседневной деятельности»⁸. Это определение соответствовало и ситуации в Восточной Азии, ряд стран которой был поражен валютным кризисом — фактором, дестабилизирующим обстановку в регионе.

Вместе с тем в наличии были и отдельные преимущества, используя которые новое правительство могло осуществлять меры по переводу Монголии на путь стабильного экономического роста. К ним относятся, прежде всего, новая социально-экономическая структура собственности, соответствующая переходному периоду становления рыночных отношений; ускорение развития частного сектора. В связи с этим монгольская экономика начала приобретать все более негосударственный характер, способствующий расширению конкурентной среды. Несмотря на то, что в банковской системе имели место неполадки, связанные в отдельных случаях с незаконным вмешательством властей, в основном сформировалась двухъярусная банковская система, возник рынок ценных бумаг, зародилось биржевое дело. В стране стали действовать законы рынка, возникла конкурентная среда. Под эгидой ООН продолжало развиваться международное донорское движение в поддержку политических (демократических) и экономических (рыночных) реформ в Монголии. Важным фактором внешней политики ВГХ и правительства стала более четко оформленная ориентация на сотрудничество со странами своего региона, в первую очередь, с ближайшими соседями — Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой.⁹ Визит президента РФ В.В. Путина в Улан-Батор в ноябре 2000 г., то есть в первый же год прихода к власти МНРП, ознаменовал собой крупный успех внешней политики Монголии, укрепил политический престиж МНРП и поднял авторитет страны на мировой арене.

Кроме того, несмотря на частую смену правительств и негативные последствия дестабилизации политической обстановки, в их деятельности были и положительные моменты: поддерживались тесные контакты с международными финансовыми организациями, предпринимались меры по поддержке част-

ного сектора и т. д. Нарботки в этой области также перешли в распоряжение нового правительства.

Приоритеты внутренней и внешней политики

Приоритетными в области политики МНРП, как было декларировано в ее предвыборной программе, в постановлениях ВГХ, а затем в Программе действий нового правительства, стали следующие направления: социальное, экономическое, региональное и внешнеполитическое. В политической сфере правительство и правящая партия сделали акцент на сохранение политической стабильности и общественного консенсуса. Правительство наметило задачи по созданию среды, обеспечивающей развитие человека, в том числе повышение жизненного уровня населения, снижение уровня безработицы и бедности; решило обеспечить каждому доступ к общественным благам. В области экономической политики поставлена цель — добиться обеспечения устойчивого развития экономики и высоких темпов ее роста (с использованием относительных преимуществ развития), улучшения макроэкономических показателей. Для этого предусмотрены меры по совершенствованию структуры собственности, повышению национального научно-технологического потенциала, развитию инфраструктуры, а также горнодобывающей промышленности, сельского хозяйства, привлечению в страну надежных иностранных инвесторов¹⁰.

Региональная политика нового правительства нацелена на создание в аймаках и в глубинке условий, стимулирующих развитие сельского хозяйства, в том числе установление системы льготного налогообложения, создание надежной сети оптовой и розничной торговли, установление надбавок к заработной плате учителям и врачам. По словам Н. Энхбаяра, «настало время уделять особое внимание усовершенствованию менеджмента по предупреждению стихийных бедствий». Решение этого вопроса возлагается на Управление гражданской обороны Монголии. Таким образом, проблема защиты сельского хозяйства и аграрного населения страны от экологических катастроф становится приоритетным направлением внутренней политики страны начала нового столетия. Большую помощь стране в решении этой проблемы оказывает мировое сообщество. Ее размер только за 2 года (2000-2001) составил 15 млн долл. США. Правительство РФ в этих целях оказало Монголии помощь в размере 900 тыс. долл.

Новый бюджет — новые подходы

Налоговая реформа нового правительства позволила в четыре раза снизить бюджетный дефицит, значительно улучшить показатели исполнения государственного бюджета. Это способствовало стабилизации национальной валюты, пополнению золотовалютных резервов Центробанка (главный банк Монголии). На сравнительно низком уровне удерживается инфляция (2001 г. — 8,3%)¹¹.

В целом исполнение государственного бюджета 2001 года, первого в деятельности нового парламента и правительства страны, считается благополучным. В 2001 г. доход госбюджета увеличился на 24%, расход — на 14%, в том числе доход централизованного бюджета — на 17%, расход — на 8,4%. В том же году за счет средств централизованного бюджета регионам страны были предоставлены дотации на сумму 58,8 млрд тугриков, на пособия по социальной защите — 14 млрд тугриков¹². Серьезным достижением в стране считают рост выпуска промышленной продукции, в том числе в перерабатывающих отраслях, темп которого превысил 20%¹³, увеличение зарплаты врачам, работающим в отдаленных районах, и т.д. Все эти меры, по замыслу прави-

тельства, направлены на улучшение условий жизни и работы на селе и закрепление населения на местах.

Новое правительство заявило также о намерениях продолжать вести открытую внешнюю политику, укреплять сбалансированные отношения с Россией и Китаем, развивать партнерство с США, Японией, Германией и другими державами, участвовать в интеграционных процессах АТР, в том числе в Юго-Восточной Азии, сотрудничать с международными организациями и т. д.

К работе в 2000 г. монгольское правительство приступило, опираясь на такие свои решения экономического характера, как Национальная программа развития монгольской науки и технологии до 2010 года, проект прокладки шоссейной дороги («Дорога тысячелетия»), объявление 2001 года «Годом поддержки национального производства». Вступил в силу Меморандум о поддержке частного сектора и создании благоприятных условий для бизнеса, подписанный премьер-министром Н. Энхбаяром и руководителем Промышленно-торговой палаты С. Дэмбэрэлом. Одним из первых мероприятий, направленных на поддержку частного сектора в экономике Монголии, явилась также разработка проекта концепции развития частного сектора — документа, содержащего рекомендации для компаний, работающих на финансовом рынке, и нормы, регламентирующие взаимоотношения между правительством и частным сектором. В октябре 2001 г. правительство приступило к выполнению программы «Продовольственная обеспеченность и безопасность продуктов питания».

Все вышеперечисленные и многие другие программы и проекты выражают конкретные направления экономической политики Монголии в начале нового века, при помощи которых страна решает не только конкретные внутренние проблемы, но и увязывает их с задачей эффективнее включиться в процессы глобализации мировой экономики. Так, считается, что новая шоссейная трасса — «Дорога тысячелетия» свяжет Монголию с евроазиатской инфраструктурой, обеспечит доступ к морю, выход к трансазиатской железной дороге. Развитие частного сектора приведет к преобразованию его деятельности на принципах глобального рынка.

Поддержка национального производства в стране рассчитана на помощь Международного валютного фонда, который рекомендовал Монголии снизить импортные тарифы (на два пункта) и повысить качество выпускаемой продукции, чтобы придать ей конкурентоспособность на внешних рынках. Если такая цель будет достигнута, промышленность Монголии начнет увереннее приобретать экспортоориентированный характер. Этому способствует рост валютных резервов, объем которых достиг к началу 2000 года 162,2 млн долл. США. В 2001 г. 117 зарегистрированных в стране золотодобывающих компаний продали Центральному банку Монголии 13,7 тонн золота. Правительственная программа «Золото» (реализуется с 1991 г.) предусматривает доведение добычи золота в 2003 г. до 25–30 тонн.

Новым важным элементом монгольской экономической политики в начале первого десятилетия XXI века стал реальный поворот в сторону развития сельского хозяйства. Нельзя отрицать, что в 1990-е гг. внимание к вопросам состояния и развития этой важнейшей отрасли страны уделялось, но его было явно недостаточно. После массовой приватизации скота, принадлежавшего прежде сельскохозяйственным кооперативам социалистического типа, и государственных сельскохозяйственных хозяйств, аграрный сектор оказался, не будучи готовым к этому, во власти рыночной стихии. Резко упало производство зерна, и страна стала зависеть от импорта пшеницы. Чтобы выправить положение, ВГХ одобрил предложение правительства об освобождении от налога с добавочной стоимости импорта семенной пшеницы для засева зяби, под которую осенью прошлого года было распахано около 300 тыс. га земельной пло-

щадя. поголовье скота возросло, но технология его защиты от неблагоприятных явлений природы осталась без изменений. В итоге численность скота, превысившая было в 1999 г. 33,5 млн. голов, сократилось в 2000 г до 32,2 млн. голов и до 26,5 млн. — в 2001 г. Это привело к сокращению производства животноводческой продукции, примерно, на 16%. (2000 г.)¹⁴. Поэтому правительство сочло необходимым, в первую очередь, принять необходимые меры по защите животноводства в случаях экологических бедствий. 13 марта 2001 г. оно утвердило Национальную программу помощи в защите скота от засухи и зимней бескормицы. Было принято решение о создании Фонда защиты скота, средства которого будут формироваться за счет отчислений от налогов на использование пастбищ и от подоходного налога граждан, имеющих в собственности скот¹⁵.

В стране при участии представителя ПРООН прошла национальная конференция по вопросам предупреждения последствий стихийных бедствий, на которой были приведены такие статистические данные: за неполные пять лет в Монголии произошло более 1000 степных и лесных пожаров и 29 снежных метелей и пылевых бурянов, повлекших за собой не только материальный ущерб, но и человеческие жертвы.

В целом программные задачи МНРП стоят в центре деятельности нового монгольского парламента и правительства. В стране активизировался поиск новых средств управления экономическим развитием. Так, наметился новый подход к использованию средств государственного бюджета на 2002 год, 63% которого направлено на развитие топливно-энергетической отрасли. Если прежде при составлении госбюджета обычно учитывались предложения по расходам, то в бюджете 2002 г. основной упор был сделан на разумное распределение финансов, поддерживающее экономическую стабильность. В бюджете отражен курс на решение социальных проблем, предусмотрены конкретные меры по снижению налогового бремени. Сокращение таможенных пошлин с 7 до 5% должно сберечь гражданам 7 млрд. тугриков. Предусматривалось, что подоходный налог будет взимается теперь не с 35 тыс. тугриков, как прежде, а с 48 тыс. тугриков, что должно привести к увеличению реальных доходов налогоплательщиков на 4,3 млрд. тугриков¹⁶.

Дальнейшее совершенствование бюджета связано с активизацией проведения экономической реформы по следующим направлениям:

- повышение роста ВВП к 2004 г. с 1,5% (2001) до 6% в год;
- укрепление банковско-финансовой системы;
- поддержка национального производства, особенно его экспортных отраслей;
- ускорение приватизации государственной собственности.

Проблемы в ходе приватизации

Подъем промышленного производства и рост доходов в стране увязывают с новым этапом приватизации крупной государственной собственности. По положению на 2000 г., в частный сектор было передано свыше 70% государственной собственности. В начале 2000 г. в Монголии функционировало свыше 23 тыс. хозяйственных единиц, 35% которых составляли разного рода акционерные компании, более 11% — кооперативы и товарищества, 36% — мелкие частные предприятия, работающие главным образом в сфере розничной торговли, мелкого гостиничного бизнеса, туризма, швейного дела и т.п. Но более половины приватизированных предприятий обанкротились, оставшаяся часть работает не на полную мощность. Результатами являются сокращение выпуска

продукции, уменьшение прибыли по сравнению с тем временем, когда предприятия находились в собственности государства.

В начале 2001 г. парламент вновь вернулся к вопросу о продолжении приватизации крупнейших предприятий стратегического значения, утвердив «Основные направления приватизации на 2001-2004 гг.». Документом предусмотрено переход на второй этап «большой» приватизации, когда должны быть денационализированы Банк торговли и развития, акционерная компания НИК (основной импортер нефтепродуктов), акционерная компания «Гоби» (главный производитель кашемировых изделий), авиационная компания МИАТ, акционерная компания АПУ (основной производитель алкогольных напитков), биокombинат в Сонгино, столичные теплоэлектростанции. Намечена также приватизация энергетического комплекса и отраслей связи с привлечением иностранных инвесторов. Совет безопасности Монголии в июле 1999 г. выработал, опираясь на результаты экспертизы, свои рекомендации по вопросам приватизации предприятий энергетического сектора. Согласно рекомендациям, отдельные компоненты электростанций и электrorаспределительные сети могут быть приватизированы в соответствии с законом. В рекомендациях подчеркивается, что линии электропередачи должны оставаться в государственной собственности. Следует отметить, что подобный подход не расходится с мировой практикой, особенно стран с приватизированной энергетической системой. В 2001 г. была подготовлена к приватизации компания НИК, занимающаяся импортом нефтепродуктов. Это — крупная торговая организация, обладающая необходимым числом профессиональных кадров, разветвленной сетью розничной торговли, резервуарами для хранения нефти. Правительство рассматривает, что компания будет приватизирована стратегическим инвестором, который сохранит профиль предприятия.

В настоящее время приватизация распространяется на объекты социального сектора. В качестве пилотных проектов будет проводиться приватизация нескольких школ и больниц. Решением парламента приватизированы две центральные газеты — «Ардын эрх» («Право народа») и «Засгийн газрын мэдээ» («Правительственный вестник»).

В целом в Монголии признается, что приватизационный процесс происходит высокими темпами и правильным путем, но политика приватизации все еще подвергается острой критике. «Следовательно, — считает, например, монгольский профессор Б. Батхишиг, — впредь приватизации требуются транспарентность, гласность, соревновательность, уважение общественного мнения, различных точек зрения. Надо всегда иметь в виду, что приватизация проводится не ради приватизации самой, а ради эффективности и качества производства».¹⁷ Главной причиной, по нашему мнению, неудач в сфере приватизации являются: неразвитая предпринимательская среда, недостаток отечественных и иностранных капиталов, дефицит управленческого опыта, несовершенство банковской системы и других рыночных механизмов, существующих пока очень короткий срок для того, чтобы предприятия, сменив форму собственности, могли полностью усвоить правила новой игры. Значительно сократившийся государственный сектор по-прежнему остается, хотя и не монополистом, но весьма значимым сектором национальной экономики. Государственная собственность сконцентрирована в тех отраслях производства, где решаются важные стратегические задачи — оборона, фундаментальная наука, капиталоемкие производства, отдельные отрасли инфраструктуры.

Социальная политика

Особенностью политики современного монгольского руководства является усиление ее социального аспекта. Проводить такую политику приходится в

сложной социальной обстановке. В стране растет безработица, связанная с притоком в города части разорившегося сельского населения, медленным созданием рабочих мест, низкими темпами роста потребления и развития внутреннего рынка. В 2000 г. население Монголии составляло 2 млн. 446 тыс. человек, из которых 1,2 млн. человек были людьми трудоспособного возраста, но обеспечено работой было только 830 тыс. человек. Затрудняло трудоустройство и то обстоятельство, что 57% не имели никакой трудовой квалификации. В 2001 г. в стране только официально зарегистрированных безработных насчитывалось 170 тыс. человек. В ряде аймаков обстановка оказалась еще более тяжелой. Так, из Казахстана в Баян-Ульгийский аймак вернулась прежде эмигрировавшая за границу тысяча казахских семей, которые пока не имеют жилья и работы. Это привело к росту и без того высокого уровня безработицы в аймаке¹⁸.

С немалыми трудностями происходит реализация программы борьбы с бедностью, передаваемой от правительства к правительству как эстафета, на протяжении последних десяти лет. Реализация этой программы приобрела еще большую остроту, тем более что в 2000 г. производство национального дохода в расчете на душу населения снижалось¹⁹. МНРП в своей предвыборной платформе приняла на себя обязательство понизить уровень бедности на 50% и, как утверждают официальные источники, это стало основанием для продвижения проекта «Дорога тысячелетия», у которого было много оппонентов. Как считает партия, бедность нельзя преодолеть без экономического роста, а экономический рост невозможно обеспечить, не преодолев бедность. Однако одновременно обе проблемы решаются крайне медленно, тем более, что продолжается перелив населения из регионов в города. Быстрым темпом начинает расти население страны и в итоге усиливается демографическое давление на каждого работающего. Одновременно появляются настроения иждивенчества, нежелание работать, вызванное длительным бездействием безработных. До 90-х гг. страна постоянно готовила квалифицированные кадры инженеров и других специалистов, но предприниматели предпочитают сотрудничать с иностранцами, и существенная часть научно-технического потенциала страны остается невостребованной.

Тем не менее, нельзя не отметить, что за сравнительно короткий срок правительству удалось достичь некоторых успехов в улучшении социальной сферы и оказании помощи населению. В конце 2001 г. в стране началось изучение вопроса о предоставлении льготных кредитов малоимущим семьям. В государственном бюджете на 2001г. статья расходов на социальные программы была увеличена на 7% или на 2,1 млрд. тугриков. В том же году правительство приступило к выполнению жилищной программы, первый этап которой завершится в 2005 г. Часть готового жилья должна вступить в строй уже в конце этого года. Строительство, благодаря которому создается 2,3 тыс. рабочих мест, будет продолжено на базе заемных средств, а готовые квартиры будут продаваться населению. Интерес к участию в реализации проекта на контрактной основе проявили примерно два десятка компаний. В их числе — российские строительные компании, выразившие готовность оказать содействие в создании целого жилого квартала в Улан-Баторе, который, предположительно, будет назван Московским кварталом.

Внешняя помощь и инвестиции

В 1991-2000 гг. международная группа доноров передала стране 1,9 млрд. долл. США, из которых на долю безвозмездной помощи пришлось 52,4%²⁰. Министр финансов и экономики в правительстве Энхбаяра, член ВГХ Ч. Улаан подчеркивает преимущество политики своей страны на постоянное использование внешней помощи, к которой новая Монголия широко прибегает

после 1990 г. Как и все его предшественники, министр финансов увязывает задачу экономического роста страны с донорской помощью²¹. Так, в мае 2001 г. монгольское правительство обратилось к участникам Парижской встречи международных организаций и стран-доноров с просьбой субсидировать выполнение его социальных программ и проектов развития инфраструктуры в значительном размере — 1,5 млрд. долл. на период 2001–2004 гг. Однако доноры утвердили гораздо меньшую сумму — 330 млн. долл. сроком на один год²². Это свидетельствует о том, что спонсоры начинают выражать сомнения по поводу эффективного использования Монголией выделяемых ей средств. Но есть и другие мнения. Представители политической оппозиции считают, что таким образом спонсоры «выражают недоверие коммунистическому правительству». Тем не менее расчеты страны на регулярное получение льготных кредитов и гуманитарной помощи могут не оправдаться, если спонсоры пересмотрят свою политику и ужесточат условия предоставления средств Монголии в виду слабой отдачей. Дальнейшие намерения спонсоров прояснятся, видимо, на их очередной встрече, намеченной на июль 2002 г. Пока же они объявили о согласии включить в повестку дня вопросы, касающиеся оказания помощи Монголии в деле реализации Программы стабильного развития (составление таких программ рекомендовано ООН странам с переходной экономикой). Предполагается вновь вернуться к проблеме бедности и нищеты в Монголии. Доноры обсудят также вопросы о необходимости увеличения объема прямых иностранных инвестиций. Условиями их продуктивного использования должны будут стать более решительное проведение приватизации государственной собственности, улучшение организации сотрудничества стран-доноров с Монголией в области развития частного сектора. Но внешняя помощь, к которой страна прибегает длительное время, может обернуться и своей негативной стороной. Рост внешней задолженности вызывает обеспокоенность монгольской общественности. Так, ученые страны, основываясь на том, что совокупная внешняя задолженность одного только отечественного производства достигает 70% стоимости его продукции, утверждают, что Монголия теряет свою независимость, а господство китайских инвесторов на сырьевом рынке «может оказать негативное влияние на экономическую безопасность страны»²³.

Продолжение курса на получение льготных кредитов и гуманитарной (безвозмездной) помощи ставит Монголию перед риском оказаться в еще более трудном положении, тем более что в отличие от других азиатских стран, прямые иностранные инвестиции в структуре совокупной внешней помощи этой стране, по нашим расчетам, составляют не более 5–6%. Неготовность иностранных инвесторов вкладывать капиталы в монгольскую экономику, особенно в перерабатывающую промышленность, скорее всего, обусловлена замедлением реформы банковского сектора, слабой работой монгольской фондовой биржи, несоблюдением сроков приватизации предприятий госсектора, а также слабо развитой производственной и социальной инфраструктурой. Следовательно, можно ожидать, что реформа банковско-финансовой системы вскоре не замедлит выдвинуться на повестку дня работы правительства среди самых неотложных вопросов модернизации монгольской экономики.

Острой проблемой реализации экономического курса правительства Энхбаяра, впрочем, как и предыдущих правительств, остается дефицит инвестиций. Внешние займы и иностранная помощь на кредитной и безвозмездной основе являются важным источником формирования государственного бюджета и финансирования капиталовложений в экономику страны. В структуре доходной части государственного бюджета страны внешняя помощь составляла в 2000 г. 21,1%²⁴. За счет внешней помощи Монголия по-прежнему финансирует значительную часть своих капиталовложений в экономику. Поэтому в области

инвестиционной политики правительство предусматривает действенные меры по привлечению в страну иностранных капиталов, в том числе:

- поддерживает равенство условий для отечественных и иностранных инвесторов при помощи совершенствования соответствующего законодательства и организационных мероприятий;

- считает приоритетными отраслями для инвестирования инфраструктуру (энергетика, коммуникации, дороги, транспорт) и отрасль производства экспортного направления. В этих целях проводится поощрительная налоговая политика.

В настоящее время наиболее крупными проектами, реализация которых осуществляется при использовании иностранных инвестиций, стали поисковые и разведочные работы по урану и сопутствующих полезных ископаемых в Восточно-Гобийском аймаке Монголии; поисковые работы по золоту; геологическая разведка нефтяных месторождений и др. В 2000 г. геологическими работами по урану занимались монгольско-французское совместное предприятие «Кобигео», в уставном капитале которого 70% принадлежало французской компании «Кожема» и 30% — монгольскому участнику «Говьгео». Лицензией на геологические работы разрешается бурение в общей сложности до 15 км. Политика партнера из Франции основана на принципе «присутствия в перспективном азиатском регионе» без стремления форсировать разведку и сооружение добывающих мощностей²⁵. По состоянию на июль 2001 г. в Монголии были зарегистрированы 274 предприятия и организации с российскими инвестициями²⁶.

Политическая оппозиция

Результаты работы правительства в области реализации программных задач пока еще сравнительно невелики, что способствует усилению активности политической оппозиции, которую составляют, прежде всего, проигравшие парламентские выборы демократические партии. Оппозиция продолжает тщательно анализировать ошибки, которые привели ее к почти тотальному поражению на последних парламентских выборах. Это относится, прежде всего, к Монгольскому демократическому союзу. Сейчас Демсоюз и другие демократические образования стремятся укрепить свое влияние в аймаках, где проводят встречи с общественностью, организуют конференции и семинары. Большинство партий декларировало о намерении провести съезды, обновить руководство, разработать тактику дальнейших шагов.

Политическая оппозиция заблаговременно вырабатывает стратегию подготовки к очередным парламентским выборам. Частью ее стали шаги к слиянию нескольких партий. В начале 2002 г. была создана новая партия «Гражданская воля — Республиканская партия» на базе двух партий. Избран политический совет и национальный комитет партии. Она собирается проводить центристскую политику. По мнению Н. Энхбаяра, появление новой партии может стать источником нестабильности в политической структуре Монголии.²⁷ Сама МНРП продолжает расти. В одном только 2001 г. в нее было принято 5,7 тыс. человек. По положению на март 2002 г. в ее рядах насчитывалось более 120 тыс. членов.²⁸

Оппозиция критикует недостатки деятельности правительства Н. Энхбаяра и руководимой им МНРП прежде всего по тем ее направлениям, где они проявляются более наглядно, — в области экономики и социальной политики. При этом оппозиция в очередной раз стремится сыграть на том, что МНРП в течение 70-ти лет возглавляла авторитарный политический режим в стране. Это, пожалуй, одно из самых уязвимых мест в позиции современной

МНРП (она считает себя национально-демократической партией левого толка²⁹), неоднократно обсуждавшей вопрос о смене названия.

Что касается конкретных критических высказываний в адрес правительства, то чаще всего они связаны с продвижением правительством дорогостоящих проектов, в частности, уже упомянутого выше проекта строительства шоссейной «Дороги тысячелетия», возобновление замороженного в 1991 г. строительства в Улан-Баторе Дворца искусства, культуры и спорта стоимостью 3,5 млрд. тугриков, нерациональное использование внешних займов. По положению на сентябрь месяц 2001 г., на дорожное строительство в целом (ремонт и прокладка) было израсходована одна треть всех иностранных займов страны.

Оппозиция ссылается на то, что проект «Дороги тысячелетия» осуществляется в то время, когда государство не хватает средств на выплату пенсий и пособий по безработице. Например, для того, чтобы увеличить размер пенсий на 20% в период с октября 2002 г. по октябрь 2003 г., и на 27% — к апрелю 2004 г., правительству понадобится 72 млрд. тугриков. Источник столь крупных средств пока не найден.

Правительство упрекают также в том, что в стране выросли безработица и бедность, а методы руководства развитием хозяйства начинают постепенно приобретать явное сходство со старой централизованной плановой экономикой. По словам М. Энхсайхана (экс-премьер правительства демократической коалиции), призвавшего к формированию теневого правительства, МНРП нуждается в мощной политической оппозиции. Свои идеи Демократическая партия стремится донести до рядовых членов. В настоящее время она акцентирует внимание на работе своих местных подразделений. Были проведены встречи и консультации на местах в центральных и западных аймаках³⁰. На заседании Уланбаторского городского совета оппозиционной МНРП Демократической партии бывшие премьер-министры — М. Энхсайхан и Р.Амаржаргал, а также и бывший министр финансов Б. Батбаяр в начале сентября 2001 г. выступили с резкой критикой в адрес собственной партии. Объектом критики служил стиль партийной работы — инертность и отсутствие инициативы. Что касается самой оппозиции, ее главная слабость, по нашему мнению, состоит в том, что ни одна из представляющих ее политических партий пока так и не выдвинула конструктивную программу решения внутренних проблем Монголии, хотя критика оппозиции в адрес МНРП во многом представляется полезной. Особенно, если учесть, что с ней выступают известные политические деятели, многие из которых совсем еще недавно занимали высокие руководящие посты в структуре власти и, следовательно, обладают достаточным знанием болевых точек монгольской экономики и опытом их анализа. Со своей стороны, МНРП, видимо, прислушивается к критике, так как продолжает декларировать готовность сотрудничать со всеми политическими партиями и общественными движениями в стране. О стремлении к консенсусу еще раз свидетельствует, например, обращение Н. Энхбаяра во время работы XXIII съезда МНРП (конец февраля — начало марта 2001 г.) к остальным политическим партиям с призывом о сотрудничестве.

Отмечая справедливость многих критических замечаний в адрес правящей партии, считаем, однако, что главной причиной, затрудняющей реализацию ее предвыборной программы, является неизменный курс Монголии на получение внешней помощи, в отношении которого особых разногласий между МНРП и оппозицией как раз и не наблюдается. Причины этого ясны.

Развивающиеся страны, позже других ставшие на путь демократизации всех сторон общественной жизни, испытывают особо острую потребность в самых разнообразных видах внешней помощи, предпочтительно на долгосрочной основе. Монголия в этом плане не является исключением. Несмотря на то,

что она в течение 70 лет пользовалась советской помощью, и у нее имеются значительная территория и природные богатства, она все еще представляет собой слаборазвитую страну.

Внешняя политика и международные отношения

Единственной областью, в которой между МНРП и оппозиций не возникает существенных расхождений, остается внешняя политика страны, в основе которой заложена многовекторность. За истекшие после революции 1921 г. 80 лет Монголия достигла значительного прогресса в своем развитии, укрепляя шаг за шагом свои позиции в мировом сообществе. «Наша страна преодолела трудный, ухабистый путь, — говорит резидент страны Н. Багабанди, — нам есть чем гордиться, и есть о чем сожалеть. Однако мы не были только «подопытным кроликом» Мы прислушивались к своей истории, хранили традиции, трудились»³¹. Вот с таким прошлым страна подошла к началу радикальных перемен, в ходе которых она претерпела огромные перемены в политической и социально-экономической системе, позволившие ей стать страной, широко открытой навстречу внешнему миру. Взаимоотношения же Монголии с этим миром отражают стремление и усилия небольшого государства, долгое время следовавшего в фарватере внешней политики СССР, присоединиться к глобальной системе всемирных связей в новом качестве — демократического обновленного государства. Вместе с тем они показывают определенную готовность внешней среды принять Монголию в зону демократии и оказать ей необходимое содействие в продвижении к демократическим идеалам.

Однако становление новых отношений со странами Запада и Востока происходит в нелегких для Монголии условиях. Недостаточно только объявить себя свободной страной с либеральной, открытой внешней политикой — необходимо еще и претворять эти принципы в жизнь, постоянно имея в виду собственные национальные интересы и задачи национальной безопасности в самых широких ее аспектах. Одной из главных целей на этом пути стало формирование новых взаимовыгодных прагматичных отношений монгольского государства с ее двумя великими соседями — Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Им отдается первенство в комплексе приоритетов внешней политики, строящейся на принципах, свободных от идеологических пристрастий и ориентирующих страну на прагматические подходы. Это было нелегкое решение, которое отвергало экономическое покровительство и спонсорство в той форме, в какой их осуществлял Советский Союз, и определенные издержки нового курса такой внешней политики Монголия в полной мере испытала на себе в начале 1990-х гг.

Отношения с Россией

Важным внешним фактором развития Монголии всегда были и остаются ее взаимоотношения с соседней Россией, которые в начале 2000-х гг. опирались на солидную договорно-правовую базу, которую составили общеполитический договор 1993 года и свыше 100 межправительственных и межведомственных соглашений, на заинтересованность РФ в независимом статусе Монголии, на ее геостратегическом положении, отдаляющем российские государственные границы от другого гораздо более крупного и мощного государства — Китая; на наличие традиций добрососедства и сотрудничества и, наконец, на определенный менталитет россиян, побуждающий их приходить на помощь другим странам, оказавшимся в трудной ситуации. Улучшение экономической ситуации в России, переговоры на высшем уровне в Улан-Баторе в ноябре 2000 г. (визит президента В. Путина) и в марте 2002 г. (визит премьер-министра РФ

М. Касьянова) создают новые стимулы и открывают благоприятные перспективы дальнейшего улучшения российско-монгольских и, соответственно, монгольско-российских отношений. Свидетельством более высокого уровня, на который поднялись отношения между Россией и Монголией в начале нового столетия, стал визит Президента Российской Федерации В.В. Путина в Монголию в ноябре 2000 г. и его итоги, которые еще раз подтвердили, что «Россия, как евразийская держава, стремится поддерживать сбалансированные отношения и с Западом, и с Востоком»³². В Улан-Баторе состоялись переговоры с Президентом Монголии Н. Багабанди, встречи В.В. Путина с Председателем Великого государственного хурала Л. Энзбишем, Премьер-министром Н. Энхбаяром. Президент Российской Федерации выступил с речью в монгольском парламенте.

Президенту Монголии Н. Багабанди был вручен орден Дружбы, которым он был награжден за «большой личный вклад в развитие российско-монгольского сотрудничества».

В ходе визита были заключены межправительственные соглашения о принципах сотрудничества между органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и местными администрациями Монголии, о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии, о совместных комиссиях по розыску и возвращению угнанного через государственную границу скота (в форме обмена нотами), о статусе российских воинских и гражданских захоронений на территории Монголии и монгольских гражданских захоронений на территории Российской Федерации.

Выступая перед монгольскими парламентариями, В.В. Путин наметил пути дальнейшего развития российско-монгольских отношений, признав, что «последнее десятилетие, к сожалению, было отмечено некоторым ослаблением наших двусторонних отношений. Нам много предстоит восстановить в области экономического партнерства, научного, культурного, гуманитарного и военно-технического сотрудничества»³³. При этом президентом было подчеркнуто, что Монголия — наш традиционный, испытанный временем надежный сосед и друг. «Дружба и добрососедство российского и монгольского народов прошли суровое испытание временем, — сказал президент. — ...Хочу отметить — сегодня у нас нет проблем, которые бы нас разъединяли. Мы накопили уникальный опыт тесного сотрудничества в самых разных областях»³⁴.

Основные направления дальнейшего российско-монгольского, равно как и монгольско-российского сотрудничества, отражены в Улан-Баторской декларации, которую президенты Российской Федерации и Монголии подписали 14 ноября 2000 г. В декларации очерчены широкий круг вопросов двусторонних отношений и представляющие взаимный интерес международные проблемы. Россия и Монголия подтвердили приверженность Договору о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией от 20 января 1993 года и проявили единство взглядов в том, что поступательное «продвижение российско-монгольского сотрудничества в начинающемся столетии в различных сферах должно строиться в соответствии с положениями Устава ООН, нормами международного права и справедливости, на принципах уважения суверенитета, равноправия, взаимной выгоды, территориальной целостности, а также на основе сформировавшихся в течение многих десятилетий традиций дружбы и добрососедства»³⁵.

Визит российского президента происходил в непростой международной обстановке, складывающейся в АТР. Сохранялась напряженность на Корейском полуострове. Набирало обороты японско-американское сотрудничество, обозначилась перспектива создания США региональной системы противоракетной обороны (ПРО). Поэтому важно отметить, что политическая тематика российско-монгольских переговоров затрагивала те же вопросы глобальной и

региональной безопасности, вокруг которых Россия и Монголия ведут диалог с другими странами региона, прежде всего, с Китаем.

Россия и Монголия констатировали общность или близость подходов к ключевым проблемам современности и высказались за наращивание взаимодействия в мировых делах. Президент РФ подтвердил приверженность России совместному Заявлению ядерной «пятерки» о гарантиях безопасности Монголии в связи с ее безъядерным статусом. Монгольская сторона выразила признательность российской стороне за усилия по утверждению безъядерного статуса Монголии и расширению международного признания такого статуса³⁶. В духе времени было также сформулировано отношение сторон к проблемам глобализации. Россия и Монголия считают процесс глобализации объективным явлением, имеющим положительные стороны, предоставляющим дополнительные возможности социально-экономического прогресса, расширения человеческих контактов. «Вместе с тем, — отмечают они, — необходимы серьезные усилия мирового сообщества для преодоления порождаемых глобализацией новых опасностей, нередко проявляющихся в дальнейшем разрыве в уровне благосостояния между богатыми и развивающимися странами». Согласившись также в том, что важным направлением их сотрудничества в контексте современного мирового развития является охрана природы и экологическая безопасность, стороны договорились о взаимодействии в борьбе против лесных и степных пожаров, стихийных бедствий и возможных техногенных катастроф³⁷. В декларации раскрываются основные направления экономического сотрудничества, в соответствии с интересами двух государств.

Декларация отразила широкий подход к участию России и Монголии в региональных делах и наметила программу дальнейшего взаимодействия в обеспечении взаимных интересов.

28 июня 2000 г. в России была принята новая Концепция внешней политики Российской Федерации. Ее положения имеют значение для всех государств, сотрудничающих с Россией, включая Монголию. В Концепции декларируется, что Российская Федерация проводит самостоятельную и конструктивную внешнюю политику, которая основывается на последовательности и предсказуемости, взаимовыгодном прагматизме. «Отличительная черта российской внешней политики — сбалансированность. Это обусловлено геополитическим положением России как крупнейшей евразийской державы, требующим оптимального сочетания усилий по всем направлениям»³⁸. Такой подход предопределяет ответственность России за поддержание безопасности в мире, как на глобальном, так и на региональном уровне, предполагает развитие и взаимодополнение внешнеполитической деятельности на двусторонней и многосторонней основе. Одной из основных целей внешнеполитического курса России признается **«формирование пояса добрососедства по периметру российских границ** (выделено автором статьи), содействие устранению имеющихся и предотвращению возникновения потенциальных очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к Российской Федерации регионах»³⁹. Это значит, что Россия намерена активизировать азиатское направление своей внешней политики, а Монголия, граница с которой является значительным участком периметра российской границы на Дальнем Востоке, действительно входит в число внешнеполитических приоритетов РФ. Готовность России содействовать устранению и предотвращению конфликтов в прилегающих к ней территориях, Монголия, видимо, вправе расценивать как важную гарантию своей национальной безопасности.

Большим достижением внешней политики правительства Монголии стало решение проблемы задолженности Российской Федерации, как правопреемнице Советского Союза. Напомним, что после перехода России и Монго-

лии на новую модель взаимоотношений вопрос об урегулировании задолженности Монголии по ранее предоставленным бывшим СССР государственным кредитам на возведение объектов и военные поставки обострился. Монгольский долг России составил 10 млрд переводных рублей, пересчитанных в 10 млрд долл. К 2002 г. набравшие проценты на монгольский долг составили еще 1 млрд долл. Переговоры по данной проблеме между полномочными представителями двух сторон официально начались еще в 1988 г. У сторон были разногласия относительно пересчета переводного рубля в долл. США, окончательного установления общего объема задолженности и в сроках выплаты. Кроме того, по текущим операциям Монголия должна РФ 10 млн долл. Визит М. Касьянова в Улан-Батор 26-27 марта 2002 г., призванный решить возникшие за последние годы вопросы о путях преодоления многолетнего застоя в сфере торговли и экономического сотрудничества, сдвинул вопрос о задолженности с мертвой точки. По сообщениям российской прессы, стороны в принципе договорились о том, что ближайшие 40 лет Монголия будет платить России по 30 млн. в год — это в 10 раз больше, чем предлагал должник, но в 20 раз меньше, чем теоретически могла бы потребовать Москва. Это означает, что Россия спишет Монголии 70% долга и расписывает остальную сумму на 40 лет с начислением на нее 0,5% годовых. Главы правительств условились, что при выработке окончательной договоренности будут учтены специфика образования долга, реальные возможности монгольской экономики и международная практика.⁴⁰

В ходе переговоров между главами двух правительств выяснилось, что российские предприниматели могут заинтересоваться объектами, которые будут предложены для приватизации монгольской стороной. Россия, учитывая потребности Монголии в газификации, решила развивать сотрудничество с нею в этой области и выказала намерение поручить разработку проекта дочернему предприятию Газпрома — Востокгазпрому.

По итогам двусторонней встречи стороны подписали ряд новых соглашений, в том числе Протокол о сотрудничестве в области газификации, Консульскую конвенцию, Соглашение (в форме обмена нотами между правительствами Монголии и Российской Федерации) об утверждении документов, составленных по результатам проверки российско-монгольской границы, выполненной в 1987- 2001 гг. и некоторые другие документы.

Отношения с Китаем, Японией и другими странами

По-новому Монголии пришлось строить свои отношения и с Китаем, поскольку обе стороны немало времени провели «по разную сторону идеологических баррикад».

Преодолеть синдром китайской опасности Монголии помогло развитие взаимного доверия, обновление и реструктуризация политических, экономических и культурных отношений с Китаем. Новые отношения этой страны с Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой стали важным фактором стабильно обстановки в Северо-Восточной Азии.

Активно развиваются монгольские связи с промышленно развитыми странами — Соединенными Штатами Америки, которых Монголия считает своим «третьим соседом», с Японией, играющей ведущую роль в международной донорской группе ее поддержки, с Республикой Корея. В орбите внешнеполитических интересов — страны Юго-Восточной и Южной Азии, государства Европы. Особенно можно отметить новый, более высокий уровень отношений с Индией, которая была первым несоциалистическим государством, установившим с Монгольской Народной Республикой дипломатические отношения (1955 г.). Ныне есть данные о том, что и торгово-экономические связи Монго-

лии и Индии будут расширяться. В Улан-Баторе функционирует Индийский культурный центр.

Расширились возможности участия Монголии в процессах глобализации с тем, чтобы использовать ее положительные стороны, а также в деятельности международных организаций, особенно в рамках Организации Объединенных Наций, в различных региональных форумах. Как член Международного валютного фонда и Всемирного банка, Азиатского банка развития и других валютно-финансовых организаций, Монголия получает от них разнообразную помощь, овладевает при их содействии механизмами монетарной политики. Последнее важно не только для стабилизации монгольской экономики на макроуровне, но и для того, чтобы разговаривать с внешним миром на одном с ним «рыночном языке».

Отношения Монголии с внешним миром носят прагматическую окраску, как и положено каждому самостоятельному суверенному государству. Анализ ее положения в окружающем мире показывает, что усиленной и динамичной диверсификацией своих международных отношений страна преследует цель не только получить помощь и поддержку мирового уровня своим демократическим реформам, но и в полной мере обратить себе на пользу свое геостратегическое положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе. При этом она, стремясь к установлению дипломатических отношений с как можно более широким кругом стран, прилагает, однако, наибольшие усилия к развитию и закреплению их с Японией, США, Германией и другими экономически мощными и политически влиятельными центрами мира.

С другой стороны, Монголия, добившаяся заметных успехов (хотя они и не камуфлируют наличия большого числа острых проблем переходного периода) в строительстве новой жизни, продолжает вызывать определенный интерес держав как символ победы демократии в стране, совсем еще недавно считавшейся форпостом социализма на Дальнем Востоке.

Оценивая современное положение Монголии, следует подчеркнуть быстро растущий международный авторитет этого государства, чему способствуют объявление им своей территории безъядерной зоной, отказ даже в самых отдаленных планах от намерений построить у себя хотя бы одну атомную электростанцию, от размещения в своих пределах иностранных войск⁴¹ и т.п. Данное обстоятельство в немалой степени способствует вхождению Монголии в интеграционные процессы, начинающие развиваться в Азии.

Но внешний мир Монголии состоит не только из великих держав и высокоразвитых стран. Он включает в себя и государства средние и малые с разными уровнями социально-экономического развития. С развивающимися странами, а также новыми государствами, возникшими после дезинтеграции СССР на его бывшем пространстве, а также в Центральной и Восточной Европе Монголия также налаживает политические связи и деловые контакты.

Представители Монголии принимали участие в работе региональных форумов АСЕАН (АРФ), а в 1999 г. — в совещательной встрече двух стран (Монголия и Вьетнам) в Ханое. В 2000 г. Монголия стала ассоциированным членом Совета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (СТЭС). Несмотря на еще не преодоленный финансовый кризис в Азии, страны, охваченные им, продолжают сохранять высокий производственный потенциал: они обладают богатыми природными и людскими ресурсами, крупными современными промышленными мощностями, новыми технологиями и передовой техникой. По заключению авторитетных экспертов, там начинается восстановление утраченных экономических позиций и по законам развития производительных сил, в XXI в., во всяком случае, в первые два-три десятилетия в Азии сформируются 4 самые крупные внешнеторговые силы в лице Китая, Япония, Индия и стран АСЕАН. Объем их внешней торговли может, по нашим расчетам,

превысить 1 трлн. долл. США, что в совокупности составит примерно половину всего объема мировой торговли. Поэтому рынок азиатских стран представляет для Монголии значительный интерес, и она загодя готовится к его освоению.

Политические и экономические связи Монголии со странами Восточной и Центральной Европы, которые существенно сузились в начале 1990-х гг., значительно оживились к концу уходящего десятилетия. Это свидетельствует о преодолении страной известного «синдрома социализма» в отношениях с бывшими партнерами по социалистическому блоку, с одной стороны, и о стабилизации социально-экономической ситуации в этих государствах, об общности целей движения к демократии и рыночной экономике, с другой.

Монгольская дипломатия предпринимает также шаги к укреплению отношений с Украиной, Беларусью, Казахстаном и другими странами — бывшими республиками СССР. С одним только Казахстаном Монголия заключила, по состоянию на 1998 г., более 20 договоров и соглашений. Работает также Межправительственная монгольско-казахстанская комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству.

В заключение отметим, что, на наш взгляд, Монголия в настоящее время располагает всеми необходимыми предпосылками к тому, чтобы превратиться в XXI веке в развитое демократическое государство, преодолевшее сырьевую направленность национальной экономики, имеющее значительный вес в региональных и глобальных делах мирового сообщества.

1. До этого у власти по итогам парламентских выборов 1996 г. находились правительства коалиции «Монгольский демократический союз», успевшие сменить свой состав несколько раз. Только за весну и лето 1998 г. в отставку было отправлено одно за другим два монгольских правительства // Российская газета. 1998. 1 августа.
2. Mongolian Statistical Yearbook - 2000. Ulaanbaator, 2001. P. 152.
3. Ibid. P. 81.
4. Ibid. P. 83.
5. Бямбасурэн Д. (экс-премьер Монголии). Теневая экономика занимает 60% всей экономики страны. Сообщение МОНЦАМЭ (Монгольское телеграфное агентство). 2000. 4 декабря.
6. Зууны мэдээ. 2001. 10 августа.
7. Монглын хандивлагч орнуудын VII уулзалтын явцын тухай товчхон (О ходе VII встречи стран-доноров Монголии - коротко) // Гадаад харилцаа. № 14 (64). 1999. С. 9.
8. Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке. (Доклад Генерального секретаря Кофи Аннана, представленный Юбилейной Сессии ООН в 2000 году). Издание ООН на русском языке. Нью-Йорк, 2000. С. 3.
9. УИХ-ын сонгуульд оролцох МАХН-ын морийн хотолбор (Программа участия МНРП в выборах в ВГХ). Унэн. 2000. 18 мая.
10. Унэн. 2000. 18 мая.
11. Оноодор. 2001. 11 декабря.
12. МОНЦАМЭ. Улан-Батор. 2002. 14 января.
13. МОНЦАМЭ. 2001. 11 декабря.
14. Mongolian Statistical Yearbook - 2000. Ulaanbaatar, 2001. P. 81.
15. 2000-2001 оны мал овожилт: дугнэлт - сургамж - зорилт (Зимовка скота 2000-2001: итоги - уроки - задачи). Сборник постановлений Правительства Монголии и других материалов. Улан-Батор, 2001.
16. МОНЦАМЭ. 2001. 29 октября.
17. Batkhisig B. Mongolian Economic Reform // Renovation of Mongolia on the Eve of the XXI Century and Future Development Patterns. Ulaanbaatar, 2000. P.35.
18. Монголын мэдээ. 2001. 21 сентября.
19. Mongolian Statistical Yearbook - 2000. P. 80.
20. Цэрэнбалжир Б. Реформирование валютно-финансовой системы Монголии: опыт 90-х годов. Автореферат кандидатской диссертации. М., 2001. С. 13.

21. Там же.
22. Очередная встреча стран-доноров и международных организаций должна состояться в июле 2002 г.
23. Новости Монголии. 1999. 23 января.
24. Mongolian Statistical Yearbook - 2000. P. 102.
25. Монголия – наш деловой партнер. Еженедельник внешнеэкономической информации. 2001. № 26. С. 9.
26. КОРИНФ. Еженедельник внешнеэкономической информации. Спецвыпуск. Улан-Батор. 2001. № 26. С. 23.
27. Пульс Планеты. Серия "АК-9". 2002. 27 февраля.
28. Пульс Планеты. Серия "АК-9". 2002. 1 марта.
29. В Программе МНРП, принятой XXII съездом партии в 1997 г., МНРП определена как национально-демократическая левоцентристская партия // Монгол ардын хувьсгалт намын туухэн товчоон (Краткая история Монгольской народно-революционной партии). Улан-Батор, 2001. С. 205 (на монг. яз.).
30. Одрийн сонин. 2001. 17 сентября.
31. Багабанди Нацагийн. Шинэ зууны омхон бодлого, зорилт (Новая политика и цели накануне нового века). Улан-Батор, 1998. С. 117.
32. Выступление В.В. Путина в Великом государственном хурале Монголии 14 ноября 2000 г. // Дипломатический вестник. 2000. № 12. С. 26.
33. Там же. С. 27.
34. Там же. С. 26-27.
35. Улан-Баторская декларация // Дипломатический вестник. 2000. № 12. С. 27.
36. Безъядерный статус Монголии был утвержден 10 ноября 1998 г. на Генеральной ассамблее Организации Объединенных Наций.
37. Дипломатический вестник. 2000. № 12. С. 29.
38. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 28 июня 2000 г. // Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 5.
39. Там же. С. 3.
40. Совместное коммюнике об итогах официального визита в Монголию Председателя Правительства Российской Федерации М.Касьянова // Пульс Планеты. Серия "АК"-9. 2002. 29 марта; Ведомости. 2002. 26 марта. См. также: Независимая газета. 2000. 27 марта.
41. Данное обязательство содержится в договоре, заключенном с Российской Федерацией в 1993 г., в договоре с Китайской Народной Республикой в 1994 г.

Российский Дальний Восток

Китайское присутствие на российском Дальнем Востоке: историко-экономический анализ

© 2002

В. Карлусов, А. Кудин

Проблема китайского трудового и предпринимательского присутствия в России и в особенности на российском Дальнем Востоке в последние 10-12 лет вызывает повышенный интерес общественности, причем как в РФ, так и за ее рубежами. Диапазон общих характеристик этой проблемы средствами массовой информации (СМИ) России достаточно широк, однако наиболее бросаются в глаза попытки оценить ее с помощью явно тревожащих общественное сознание, алармистских политических ярлыков типа "демографической экспансии" Китая, "желтой опасности", "китайской угрозы" России, "тихой оккупации" Китаем российского Дальнего Востока и т.п.¹

Строго научный анализ — непредвзятый и взвешенный миграционных потоков в Северо-Восточной Азии (СВА), включая исследования объема, динамики, структуры, причин, мотивов, последствий и других аспектов российско-китайского трансграничного (приграничного и межрегионального) взаимодействия — вот, на наш взгляд, один из наиболее радикальных способов вывести рассматриваемую проблему за рамки политических спекуляций, вполне типичных для переходных обществ с кризисной и пострецессионной экономикой, каковым является Россия в 90-е годы XX — начале XXI вв.

В общем контексте вызовов, порожденных глобализацией мировой экономики вполне закономерен и интерес к изучению трансграничных людских потоков в СВА, возрастающий в последние годы в наиболее экономически развитых странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), таких, как США и Япония.

Карлусов Вячеслав Всеволодович, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

Кудин Андрей Павлович, помощник директора ИДВ РАН по международным связям.

* Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 00-02-00160а.

В основу статьи положены доклады авторов на международных научных семинарах по проблемам миграции в СВА, состоявшихся в США соответственно в Институте международных исследований г. Монтерей, Калифорния, в ноябре 2001 г. и в Технологическом институте г. Атланта, Джорджия, в декабре 1994 г. Авторы выражают благодарность гл.н.с. ИДВ РАН д.и.н. Я.М.Бергеру за ряд любезно предоставленных им фактических материалов, использованных при подготовке статьи.

Общий подход к предмету исследования

Мы исходим из того, что критерии и особенности общего подхода к исследованию являются важнейшей предпосылкой получаемых в ходе исследования результатов и формулируемых на их основе заключений и выводов. Это обстоятельство тем более важно учитывать, когда одной из конечных целей исследования служит выработка конкретных рекомендаций для развития межгосударственного сотрудничества, идущего как по линии взаимодействия правительственных ведомств, так и по каналам общественных неправительственных организаций (НПО) и частных предпринимательских структур.

В свете этой основной посылки проблему активизации трансграничной миграции в СВА, в частности китайской иммиграции на Дальний Восток России, во-первых, следует рассматривать в общем контексте проблем современного этапа глобализации мирового общественного развития. Данный этап связан с многоуровневой трансформацией международных отношений, проявляющейся в информационно-коммуникационной революции, интенсификации межстранового движения факторов производства (товаров и услуг, капитала, труда, технологий), окончании периода "холодной войны", ускорении формирования единого мирового правового порядка, постепенном утверждении в мире модели безопасности, основанной на компромиссном мышлении национальных лидеров, расширяющем пределы их ответственности за границы своих стран.

Во-вторых, при анализе исследуемой проблемы необходимо учитывать, что экономическая глобализация в АТР протекает в форме интеграции стран, во многом разнородных по уровням развития производительных сил, демографическому и природно-ресурсному потенциалам, степени демократизации общественных отношений и политическому устройству. Вступая в этот процесс, Россия идентифицирует себя как евразийская держава, которая находится на стыке взаимодействия двух мировых региональных интеграционных центров — Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и стран АТР. Восстанавливая свое собственное единое экономическое пространство и усиливая присутствие в Азии, она получает уникальный исторический шанс стать субъектом и посредствующим звеном экономической, политической и цивилизационной интеграции Евразии.

В-третьих, изучая либерализацию и закономерности потоков товаров, трудовых ресурсов, капитала и технологий через границы стран АТР, нельзя оставлять без внимания того обстоятельства, что экономическая интеграция здесь опосредствуется как межправительственным сотрудничеством, так и прямым взаимодействием корпораций и иных национальных и транснациональных предпринимательских структур. При этом все большее влияние на интеграционные процессы в регионе оказывает становление и развитие в его странах гражданского общества и комплекса адекватных этому обществу демократических институтов, в частности различных общественных движений и неправительственных организаций. На рубеже XX-XXI вв. влияние таких организаций как фактора межстранового взаимодействия становится в той или иной степени и форме ощутимым и в странах АТР с переходными экономиками, таких, как Россия, Китай, Монголия.

Исходя из вышесказанного, проблема миграционных потоков в СВА и во многом производная от нее проблема китайского присутствия на российском Дальнем Востоке представляются нам проблемами комплексного характера, требующими системного, по ряду аспектов сравнительного и междисциплинарного анализа.

Китайская иммиграция на Дальний Восток России: исторические прецеденты и параллели

Во второй половине XIX — начале XX вв. китайское присутствие на российском Дальнем Востоке изменялось под влиянием как экономических, так и политико-правовых, социально-психологических и этнокультурных факторов, которые в ряде случаев противодействовали друг другу. В числе *экономических факторов* следует прежде всего выделить объективную заинтересованность России в привлечении иностранной рабочей силы для развития своей промышленности и экономики в целом в ходе освоения региона.

Первые китайские рабочие в количестве нескольких сотен человек появились на Дальнем Востоке в середине 70-х годов XIX в. в золотодобывающей промышленности. Примерно к этому же времени относится начало применения китайского труда в строительстве объектов военной и транспортной инфраструктуры, таких, как крепостные сооружения, казармы, военный порт во Владивостоке, Уссурийская железная дорога и др.²

На рубеже XIX-XX вв. импорт китайской рабочей силы получил новые импульсы развития, в частности благодаря обострению диспропорции между демографической ситуацией на российском Дальнем Востоке и в Северо-Восточном Китае. Так, несмотря на значительные расходы царского правительства по переселению в регион рабочих из внутренних губерний России, рынок труда здесь по-прежнему отличался дефицитом и относительно высокой стоимостью рабочей силы. С другой стороны, в приграничных провинциях Китая численность свободной рабочей силы возрастала за счет активизации внутреннего миграционного притока из Центрального, Восточного и Южного Китая³, развития процессов концентрации земель, разорения и обезземеливания крестьянства.

В 1893 г. численность населения юга российского Дальнего Востока — Амурской, Приморской и Забайкальской областей — составляла 908,4 тыс. человек, из них иностранных подданных — 35,5 тыс., в том числе китайцев — 28,9 тыс. (3,2%), корейцев — 5,5 тыс., японцев — более 700, европейцев — около 500 человек. В то же время количество населения пограничных с Россией провинций Китая уже тогда превышало 13 млн. человек (примерное соотношение 1:15)⁴.

С 1900 по 1910 г. поток китайцев, въезжающих на территорию Дальнего Востока (на сезонные работы и в других целях) колебался в пределах 75-200 тыс. человек ежегодно, причем в конце этого периода (1910 г.) около 150 тыс. китайцев уже считались осевшими на постоянное место жительства, составив не менее 12% общей численности населения региона (рост абсолютной численности по сравнению с 1893 г. в 5,2 раза)⁵.

Привлечение китайских трудовых ресурсов в развивающуюся экономику Дальнего Востока в период до 1917 г. приняло поистине широкие масштабы, затронув как добывающие, так и обрабатывающие отрасли промышленности, транспорт и связь, строительство, торговлю, сферу услуг и сельское хозяйство. Доля китайцев в общей численности рабочей силы золотодобывающей промышленности достигла в 1913 г. 87,6%, в силикатной промышленности Приморской области (1911 г.) — 92,5%, лесопромышленности — 67,1%, на портовых работах — 57,8%, на Уссурийской железной дороге — 53,3%, на судах Амурского бассейна — 32,8%⁶.

Потребителями труда китайских рабочих были как государственный, так и частный сектора экономики. Например, в 1911 г. для строительства военных объектов государством в приграничных районах Приморской и Амурской областей было разрешено на контрактной основе привлечь 24 тыс. китайских

рабочих. К началу Первой мировой войны (1914 г.) с помощью китайцев были построены мощные крепостные и оборонительные сооружения на о. Русский и во Владивостоке, база Амурской военной флотилии, стационарные военные городки с кирпичными строениями в гг. Благовещенске, Хабаровске, Раздольном, Новокиевске и других населенных пунктах края⁷.

Общая доля китайских и корейских рабочих в численности занятых на частных предприятиях региона в 1911 г. составляла более 75%. В числе основных мотивов использования китайского труда как частные предприниматели, так и администрация государственных предприятий, как правило, называли, помимо дефицита отечественных рабочих, дешевизну труда мигрантов (им платили в среднем в 1,5-2,5 раза меньше, чем россиянам), большую продолжительность рабочего дня (13 против 10 часов в среднем), меньшее количество используемых выходных дней, общую дисциплинированность, взаимозаменяемость, готовность к овладению смежными профессиями, большую физическую выносливость, неприхотливость в быту.

В качестве негативных проявлений привлечения китайцев в экономику исследователи обычно указывали на конкурирующее положение мигрантов по отношению к русским рабочим и торговцам, вовлечение их в "теневую" хозяйственную деятельность — незаконную переправку добытого золота за границу, торговлю наркотиками и фальсифицированной водкой, содержание притонов, подвергалась также осуждению криминогенная обстановка в местах компактного проживания мигрантов.

Наряду с трудом по найму заметной сферой хозяйственной активности китайской иммиграции в России в начале XX в. была торгово-предпринимательская деятельность. Предприниматели составляли наиболее активную часть формировавшейся китайской диаспоры. К 1910 г. численность предприятий с китайским капиталом на Дальнем Востоке была вполне сопоставима с численностью отечественных частных предприятий (соотношение их составляло 1:1,5).

Политико-административное и правовое регулирование китайской миграции на российский Дальний Восток в досоветский период было тесно связано с рассмотренными выше экономическими факторами и мотивами. Однако связь эта порой проявлялась в довольно противоречивой форме, отражавшей столкновение интересов местной администрации как основного субъекта сдерживающей миграционной политики, с одной стороны, и укреплявших свое положение торгово-промышленных кругов и руководителей государственных предприятий как потребителей китайского труда, — с другой.

В 1861 г. были приняты Правила, которые установили первую регламентацию переселенческого движения на Дальний Восток из Европейской России, а также подтвердили статьи Айгуньского и Пекинского договоров России с Китаем (1858-1860 гг.), согласно которым оседло живущим китайцам разрешалось временное проживание на российской территории.

В 1886 г. иностранные подданные, в том числе китайцы, в интересах безопасности и охраны границы были лишены права селиться на приграничных территориях, а в 1892 г. — и приобретать расположенную на этих территориях недвижимую собственность, включая земельные участки⁸.

В 1900 г. на Дальнем Востоке был де-юре ликвидирован режим порто-франко при пересечении границы и организована таможня.

В 1909 г. Государственный Совет России отклонил законопроект "О мерах против наплыва в Приамурский край китайцев и корейцев" с мотивацией того обстоятельства, что эти меры могут повлечь за собой значительное удорожание и замедление строительства важнейших стратегических объектов, в частности Амурской железной дороги и Владивостокской крепости⁹.

В 1910 г. был принят временный закон, формально ограничивший использование на казенных работах лиц иностранного подданства, но в то же время допускавший такое использование при невозможности осуществления этих работ только силами россиян. Накануне Первой мировой войны все попытки ужесточения ограничительных мер со стороны дальневосточной администрации в отношении китайских рабочих, не имевших российских паспортов, наталкивались на сопротивление и влекли за собой многочисленные ходатайства местных отечественных промышленников и купцов в адрес центральной власти России о разрешении продолжать использовать китайский труд. Все эти ходатайства, как правило, удовлетворялись¹⁰.

Ограничительные тенденции в миграционной политике России в отношении китайских рабочих сменились на поощрительные в период Первой мировой войны, что было связано с массовым призывом на фронт российского трудоспособного населения.

Свертывание рыночной экономики, утверждение режима политических репрессий в СССР имело одним из последствий массовую депортацию китайцев из страны в 1937 г., что практически "поставило точку" на проблеме китайской трудовой и предпринимательской иммиграции в Россию вплоть до окончания советского периода ее истории (1991 г.).

Новая волна китайской иммиграции в Россию: вызовы и ответы

Периодизация, масштабы и динамика процесса миграции. Распад СССР, политическая и экономическая либерализация в России послужили толчком к резкой активизации трансграничных людских потоков между РФ и КНР. Так, по подсчетам, выполненным на базе данных таможен г. Благовещенска (Амурская область) в период 1988-1993 гг. число пересечений иностранными гражданами российско-китайской границы (въезд-выезд) выросло с 6233 до 373930 ежегодно, или почти в 60 раз. Всего в 1993 г. Россию посетили 751 тыс. китайских граждан, из которых 410 тыс. со служебными целями, 237 тыс. — в качестве "туристов", 33,4 тыс. — по частным приглашениям и 57,1 тыс. человек — в качестве персонала транспортных средств¹¹.

Практически неконтролируемый поток иммигрантов в указанный период был обусловлен по крайней мере следующими факторами: открытием границ без соответствующей регламентации порядка их пересечения; несовершенством правовой базы, регуливающей различные формы предпринимательства в России и их налогообложение; ростом безработицы в приграничных районах сопредельных государств, в частности Китая; принятием Россией без достаточной проработки, социально-экономического и политического обоснования положения о безвизовом порядке пересечения границы гражданами КНР.

В ответ на столь резкий скачок в численности мигрантов и связанные с ним проблемы для местного населения и администрации в конце 1993 г. федеральной властью был принят ряд мер по усилению государственного контроля за иммиграцией в Россию. В соответствии с указом президента от 16 декабря 1993 г. № 2145 "О мерах по введению иммиграционного контроля" в пунктах пропуска через государственную границу был впервые введен иммиграционный контроль, осуществление которого возложено на подразделения Федеральной миграционной службы (ФМС) России. В сентябре 1994 г. были приняты постановления правительства "Об утверждении положения об иммиграционном контроле" и "О мерах по предупреждению неконтролируемой внешней миграции", в соответствии с которыми были созданы посты иммиграционного контроля. Иммиграционным органам был вменен в обязанность контроль за

въездом на территорию России иностранных граждан и лиц без гражданства, осуществление мер по предупреждению неконтролируемой миграции, депортация иностранцев и рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища.

С начала 1994 г. правительство России в одностороннем порядке прекратило политику "открытой границы" и в январе того же года ввело визовый режим въезда для китайских граждан. В январе 1994 г. было подписано консульское соглашение с КНР, по которому безвизовый въезд в Россию и Китай теперь осуществляется только по дипломатическим и служебным паспортам, а свободные поездки по общегражданским паспортам исключены. Одновременно с ужесточением правил перехода границы в марте 1994 г. были введены новые таможенные пошлины и акцизы, что уменьшило степень либерализации приграничных экономических отношений и привело к росту "челночной" торговли.

Вследствие этих мер по ужесточению контроля за иммиграцией в 1994 г. произошел заметный спад числа пересечений российской границы китайцами (более чем в 2,5 раза), а затем — в 1995 - первой половине 1998 г. — и относительная стабилизация интенсивности трансграничных людских потоков на среднем уровне пересечений российской границы гражданами КНР 300-400 тыс. человеко-раз в год.

После августовского валютно-финансового кризиса 1998 г., повлекшего за собой четырехкратную девальвацию российского рубля по отношению к доллару США, миграция вновь сократилась. Так, в первой половине 1999 г. граница РФ была пересечена китайцами 235 тыс. раз¹². В дальнейшем, однако, по мере преодоления последствий кризиса и с началом оживления экономики в России интенсивность миграционных потоков постепенно восстановилась и проявляет тенденцию к новому росту. В частности, по заявлению начальника Департамента пограничного контроля Федеральной пограничной службы (ФПС) России А. Шайкина, в период с января 1999 по июнь 2000 г. в РФ на официальных основаниях въехали 1,5 млн. китайцев, из которых лишь 237 тыс. легально зарегистрировались в территориальных органах Министерства внутренних дел (МВД) на Дальнем Востоке, а остальные, по его словам, "растворились" на территории России¹³.

Несмотря на предпринятое в России после 1993 г. ужесточение паспортно-визового режима, далеко не все граждане КНР, въехавшие на территорию РФ в качестве туристов или формально со служебными целями, возвращались обратно в Китай, предпочитая легальными и нелегальными способами осесть в России на постоянное жительство.

Каковы размеры этой "оседлой" части китайской иммиграции? Официальной статистики на этой счет нет, а диапазон предлагаемых СМИ оценок весьма широк — от китайского минимального варианта, согласно которому в России и других странах СНГ в середине 90-х годов китайская диаспора насчитывала не более 300 тыс. человек, или 1% от общемировой¹⁴, до 5 и даже 7 млн. человек. Максимальные из этих оценок, на наш взгляд, явно завышены, имеют характер пропагандистских спекуляций, отражающих интересы определенных политических групп. Более взвешенным и реалистичным нам представляется вариант, обоснованный некоторыми российскими демографами и китаеведами, в частности Г.С.Витковской и В.Г.Гельбрасом, согласно которому максимальная численность китайцев в России к 2000 г. составляла не более 500 тыс. человек¹⁵.

Что же касается российского Дальнего Востока, то численность постоянно проживающих здесь китайцев увеличилась, по имеющимся точным данным и оценкам, с 1742 человек в 1989 г. до 15 тыс. — в 1990, 100 тыс. — в 1993 и 237 тыс. человек в 2001 г.¹⁶. Некоторые источники называют и несколько отличающиеся оценочные величины — 80 тыс.; 200-300 тыс. человек (1996 г.)¹⁷.

Масштабы современной “демографической экспансии” Китая в России не следует переоценивать. Действительно, постоянное китайское присутствие на Дальнем Востоке ныне составляет лишь 3,3% от общей численности его жителей (включая китайцев — примерно 250 тыс. — и россиян — 7,2 млн. человек — по состоянию на 2000 г.). Между тем еще в начале XX в., как было показано выше, доля китайцев и корейцев на территориях Дальнего Востока доходила до 12 и более процентов численности населения, однако вопрос о какой-либо их “экспансии” на повестку дня не ставился.

Можно согласиться и с мнением некоторых зарубежных наблюдателей, специально изучавших вопрос динамики китайского присутствия на российском Дальнем Востоке, например М. Алексеева (Университет Сан-Диего, США), согласно которому численность китайцев во Владивостоке, Находке, Уссурийске и других городах Приморского края пока еще невелика и никак не сравнима с их численностью в отдельных штатах и городах США, например в Калифорнии, где только в одном Сан-Франциско проживает более 430 тыс. китайцев¹⁸. Наконец, при оценке масштабов китайского присутствия в России и на ее Дальнем Востоке нельзя не учитывать и такого применяемого в мировой практике сравнительного коэффициента, как количество мигрантов определенной национальности на 10 тыс. жителей. В частности, этот показатель, рассчитанный для России — 31,25, пока еще существенно меньше, чем в Канаде (259), Австралии (178,5), США (65,9) и большинстве стран Западной Европы¹⁹.

Основными официальными каналами современной китайской миграции на Дальний Восток России являются безвизовый туризм, привлечение иностранной рабочей силы и студенческий обмен.

Определение максимально разрешенного срока пребывания туристов на территории России — прерогатива местной администрации. В 1990-е - начале 2000-х годов этот срок по областям и краям Дальневосточного региона колебался от 3 дней (Амурская область) до 3 месяцев (Хабаровский край). В соответствии с этим подавляющее большинство въезжавших по данному каналу китайцев, как правило, представляли собой кратковременных иммигрантов, прибывающих в Россию на 1-2 месяца в целях ведения торговли товарами массового спроса.

Важнейший, с точки зрения перспектив и задач интеграции России в экономику АТР, *канал иммиграции* — это *привлечение рабочей силы из Китая*. В рассматриваемый период Россией был предпринят ряд мер по созданию института использования иностранных трудовых ресурсов на основе *квот и лицензий*.

Сотрудничество России с Китаем в этой области в 90-е годы сопровождалось подписанием ряда межправительственных соглашений. Так, в 1992 г. в соглашении между РФ и КНР “О принципах направления и приема граждан на предприятиях, в объединениях и организациях России” был определен порядок использования китайской рабочей силы в нашей стране. Общие основы государственной политики РФ по привлечению и использованию зарубежного труда заложены в “Положении о привлечении и использовании в РФ иностранной рабочей силы”, принятом в 1993 г. указом президента России. В 1996 г. Госдумой России был принят закон “О порядке выезда из РФ и въезда в РФ”. В своей совокупности эти документы сыграли важную роль в легитимизации и регулировании миграционных потоков между Россией и зарубежными странами, в частности Китаем.

Импорт рабочей силы Россией из Китая в рамках официально заключаемых контрактов на трудовые услуги в 90-е годы характеризовался следующими показателями. С 10 тыс. человек в 1990 г. он вырос до 17-18 тыс. в 1992-1993 гг. (по другим данным, до 30 тыс. человек), причем 46% рабочих бы-

ло занято в строительстве, 47% — на сезонных сельскохозяйственных работах. Наибольшие доли работников были сосредоточены в Читинской области (около 10 тыс. в 1993 г.), в Приморском крае и Амурской области (по 1-2 тыс. человек), а также в Хабаровском крае (707 человек в 1991 г., 1175 — в 1992 г. и 1560 человек в 1993 г.)²⁰.

Начиная с 1994 г. в соответствии с упомянутым выше указом президента России Федеральная миграционная служба приступила к практике выдачи разрешений на привлечение иностранной рабочей силы. К апрелю 1994 г. ей было, в частности, выдано 251 разрешение на привлечение 15 тыс. рабочих из Китая, в том числе 8,5 тыс. — на Дальний Восток, 4 тыс. — в Западную и Восточную Сибирь. По данным ФМС, общая численность рабочей силы, привлеченной в Россию из Китая на лицензионной основе, составила в 1994 г. 20301 человек (в том числе 9126 строителей и 6506 овощеводов), в 1995 г. — 26528, в 1996 г. — 24043, в 1997 г. — 22227 человек. В 2000-2001 гг., по данным Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политике, в Россию в качестве рабочей силы привлечено по 35 тыс. граждан Китая ежегодно, при этом максимальный срок работы на территории РФ для них установлен в 2 года²¹. В предшествующие же годы длительность контрактов китайских сельскохозяйственных рабочих в РФ в среднем не превышала 10 месяцев.

Краевые и областные администрации в целях контроля канала привлечения китайских рабочих применяли практику квотирования этого вида хозяйственной деятельности. Так, в 1997-1998 гг. администрацией Хабаровского края по инициативе ФМС были введены и применялись следующие ежегодные квоты привлечения иностранных рабочих по отраслям экономики: в сельское хозяйство — до 480 человек, в строительство — до 500, в золотодобычу — до 853, в лесозаготовку — до 950 рабочих.

Северо-Восток Китая в составе провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин является основным регионом-донором, снабжающим Дальний Восток РФ китайской рабочей силой. Уже в 1988-1993 гг., по китайским данным, из КНР в РФ было направлено в общей сложности 80 тыс. рабочих, в том числе из пров. Хэйлунцзян 65 тыс.²². В 1999 г. из этой провинции на Дальний Восток было командировано 1609 рабочих и специалистов только в сфере сельского хозяйства, силами которых в 2000 г. на 43 арендованных участках российских пахотных земель были посажены и выращены овощи (занявшие около 50% этих земель), арбузы, соя, картофель, а также рис, кукуруза и кормовые культуры. При этом российская сторона предоставляла землю, сельхозтехнику, транспорт и топливо, часть полученной продукции передавалась российскому арендодателю, часть продавалась китайской стороной на рынке.

За 10 месяцев 2000 г. пров. Хэйлунцзян были подписаны 51 контракт подряда на строительные работы в России и 81 контракт на поставку китайской рабочей силы. Валовая сумма этих контрактов составила 63,39 млн. долл. США — на 57% больше, чем за соответствующий период 1999 г.²³.

Доля китайской рабочей силы в общей массе привлекаемых на Дальний Восток иностранных рабочих возрастает. Так, в Амурской области в 1995-1998 гг. она выросла с 9,1 до 20,9%²⁴. Однако во второй половине 90-х годов привлечение рабочей силы из Китая во многом тормозилось вследствие как ужесточения иммиграционного законодательства, так и требований к работодателям со стороны различных местных контрольных служб.

В числе трудностей, связанных с экспортом рабочей силы в Россию, китайская сторона указывала на то, что установленная в РФ процедура оформления документации чрезмерно жестка и из-за этого практически ограничивает въезд китайских рабочих. В частности, оформлять лицензию на въезд нужно обязательно в Москве, что значительно увеличивает транспортные и на-

кладные расходы, причем для сельскохозяйственных рабочих максимальный срок действия лицензий — 3 месяца, что не соответствует сезонности полевых работ. Нарекания вызывало и то, что в 2000 г. плата за оформление въезда китайских сельхозрабочих в Приморском крае повысилась со 100 до 260 долл. США²⁵.

Импорт трудовых услуг из КНР постепенно превращает Россию в один из крупнейших в мире рынков сбыта этих услуг Китаем. В сентябре 1999 г. за рубежом по международным трудовым контрактам работало 302,6 тыс. рабочих и специалистов из Китая, в том числе около 12% — в России²⁶.

Перспективы дальнейшего увеличения импорта труда из КНР находятся ныне в центре внимания многих российских ученых, политиков, а также руководителей крупных корпораций, заинтересованных в активизации процесса освоения природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. В качестве иллюстрации приведем некоторые положения одного из докладов, подготовленного в июне 2001 г. Советом по внешней и оборонной политике (СВОП) в рамках начала реализации проекта “Сибирь и Дальний Восток в России XXI века. Новые оценки, новые приоритеты и новые решения” (руководитель рабочей группы по подготовке проекта — депутат Госдумы РФ В. Рыжков).

“Устойчивое и прогрессирующее соединение постарения населения с его механическим оттоком формируют условия, при которых огромные сибирско-дальневосточные пространства могут не обезлюдеть только за счет внешней миграции, которая к тому же одна только способна улучшить половозрастную структуру населения. Поскольку такая миграция реально возможна и уже началась из стран АТР, в первую очередь из Китая, ее надо оценивать как общественно значимую и государственно приветствуемую”.

“...Поскольку китайская (а в перспективе и иная восточная) миграция неотвратима, то должна быть организована целенаправленная разъяснительная пропагандистская работа по изменению общественного мнения в части снятия опасения “желтой угрозы” и формированию положительного образа восточных мигрантов”²⁷.

В качестве “спонсоров” подготовки цитируемого доклада в прессе называли такие “природоэксплуатационные” российские корпорации, как “Норильский никель”, “СИДАНКО”, “Альянс” и другие.

Показательно в этой связи и мнение председателя президиума СВОП, заместителя директора Института Европы РАН С. Караганова: “Иммиграция, как правило, огромное благо для страны. Германия, США — весьма наглядные тому примеры. И нам тоже надо думать о том, как стимулировать приток иностранной рабочей силы, а не бояться иммигрантов из азиатских стран, как чумы. Еще одна важнейшая задача государства — создать специальный инвестиционный климат для Сибири и Дальнего Востока, чтобы как можно быстрее привлечь капиталы из США, Японии, Кореи, Китая. Если мы этого не сделаем, очень скоро попадем в сложное геостратегическое положение. Подтверждение тому — в США уже пошла волна исследований о том, что будет с Россией, если от нее “отвалится” Сибирь и Дальний Восток”²⁸.

Примечательно, что один из оппонентов стимулирования китайской трудовой иммиграции в Россию, политолог А. Пионтковский в поддержку своей антикитайской позиции ссылается, в частности, на высказывание Томаса Грехема, известного американского аналитика, ответственного сотрудника Отдела стратегического планирования Госдепартамента США. Согласно этому процитированному им высказыванию, “одна вещь совершенно очевидна — стабильность в Тихоокеанском регионе окажется под угрозой, если присутствие России в Азии будет и далее ослабевать. Долгосрочные стратегические интересы США, да и большинства азиатских государств заключаются в присутствии сильной, экономически процветающей России в Восточной Азии. А если это

так, то почему бы нашим двум странам, исходя из наших очевидных общих интересов, не подумать вместе над тем, как России воссоздать свою экономику на Дальнем Востоке таким образом, чтобы укрепить свой суверенитет в этом регионе"²⁹.

Оставляя в стороне все перипетии и нюансы политической борьбы, которая разворачивается в России и мировом сообществе вокруг темы китайского присутствия на российском Дальнем Востоке, отметим лишь то очевидное обстоятельство, что в РФ в последние годы нарастает понимание невозможности решения всех проблем, связанных с нелегальной стороной китайской иммиграции, одними лишь запретительными административными мерами, как и невозможности решения одной лишь изоляционистской политикой всех проблем Сибири и Дальнего Востока как регионов, постепенно выходящих на первые роли в системе приоритетов существования российского государства.

Выводы

- Современная китайская миграция в Россию — отнюдь не уникальное и беспрецедентное явление в мировой практике и российско-китайских отношениях. Она имеет вполне сопоставимый прецедент и в какой-то степени аналог в не столь уж давней истории первичного хозяйственного освоения Россией своего Дальневосточного региона.

- Сопоставимость этого аналога связана по крайней мере с тремя общими обстоятельствами: во-первых, с однонаправленным развитием рыночных отношений в сравниваемые периоды (современный и период конца XIX - начала XX вв.); во-вторых, с относительной прозрачностью российско-китайской границы, и в-третьих, с большим этнодемографическим дисбалансом по обе ее стороны.

- В связи с этим изучение исторического опыта ответа России на вызов, который исходил для нее от китайской миграции на Дальний Восток столетие назад, является чрезвычайно актуальным и целесообразным с точки зрения проведения соответствующих исторических параллелей и возможного проецирования некоторых общих выводов на современную ситуацию.

- Проведенный анализ, в частности, дает основание полагать, что предшествующая нынешней волна китайской иммиграции в Россию имела ярко выраженный экономический характер, способствовала развитию рынков труда и капитала в динамично развивавшейся в тот период рыночной экономике России и в качестве таковой внесла существенный вклад в формирование хозяйственной инфраструктуры Дальнего Востока. Как справедливо подчеркивал один из современников, ответственный российский чиновник А.А. Панов, китайский труд имел "громадное значение" в экономической жизни региона³⁰.

- Исторический опыт России показал, что она вполне способна решать некоторые свои экономические проблемы с использованием китайского труда, включая проблемы развивающегося рынка потребительских товаров, строительства объектов военной и транспортной инфраструктуры, разработки природных ресурсов и т.д.

- Опыт России также доказал, что даже в условиях явно недостаточной законодательной базы иммиграционной политики, страна в принципе способна к достижению относительного баланса в этой политике, сочетающего сдерживание общих объемов неконтролируемой "оседлой" миграции и дозированное поощрение участия китайского труда и капитала в экономическом развитии Дальневосточного региона на контрактной основе.

- В то же время нельзя не подчеркнуть, что исследуемая проблема выявила как сильные, так и слабые стороны российской политики в отношении китайской миграции в конце XIX - начале XX вв. В частности, стремление к

стратегическому усилению позиций России на Дальнем Востоке, используя трудовые ресурсы Китая, с одной стороны, и неспособность местной, проевропейски настроенной, администрации обеспечить натурализацию и ассимиляцию "оседлой" части китайской миграции в России, найти адекватные формы сглаживания межэтнических противоречий, — с другой. Таким образом, рассматриваемая в более широком смысле проблема китайского присутствия на российском Дальнем Востоке еще столетие назад как бы сфокусировала в себе весь комплекс основных проблем и противоречий развития России как евразийской державы — экономических и военно-стратегических, правовых и социально-политических, этнокультурных и межцивилизационных.

- Новая волна китайской иммиграции, нахлынувшая в Россию в 1990-2000-е годы, так же, как и предшествующая, столетней давности, имеет по своим базовым характеристикам экономический характер. Россия пока только приступает к освоению конструктивного потенциала этой волны. Как потребитель китайского труда в XXI в. Россия, по-видимому, постепенно превратится в крупнейший сегмент мирового рынка сбыта иностранных трудовых услуг. И это вполне естественно, учитывая демографические проблемы РФ и соответствующий дисбаланс между трудовыми и природными ресурсами, личным и материально-вещественным факторами хозяйства.

- Несовершенство хозяйственного и иммиграционного законодательства является существенным сдерживающим фактором эффективного использования китайских трудовых ресурсов Россией. Политико-административное и нормативно-правовое регулирование китайской иммиграции как в прошлом, так и ныне порой испытывает на себе проявления столкновений интересов местных администраций как субъектов ограничительной миграционной политики и предприятий-потребителей китайского труда. Становление в России института использования иностранных трудовых ресурсов на основе квот и лицензий — несомненно позитивный шаг в сторону преодоления такого рода противоречий и — что не менее важно — в сторону все большей легитимизации китайской иммиграции, постепенного вывода ее из сферы теневой экономики.

- Привлечение рабочей силы из Китая на цивилизованной, легитимной основе — это канал иммиграции, важнейший с точки зрения перспектив и задач интеграции России в экономику АТР, постепенного выхода Сибири и Дальнего Востока на первые роли в системе приоритетов существования российского государства. Совместное освоение природно-ресурсного потенциала этих регионов дает России и Китаю реальные шансы для наполнения политических отношений стратегического партнерства конкретным экономическим содержанием. Естественно при этом, что освоение Сибири и Дальнего Востока должно идти на основе не только двусторонней российско-китайской ресурсной и хозяйственной интеграции, но и все возрастающей степени открытости и интернационализации развивающегося экономического пространства. Оно также должно сопровождаться активной политикой переселения россиян в эти регионы, особенно в пограничные с Китаем области.

- Российско-китайский этнодемографический дисбаланс на Дальнем Востоке и в СВА вполне справедливо и обоснованно рассматривается прогрессивно мыслящими мировыми политиками как уже действующий и перспективный фактор угрозы стабильности в Тихоокеанской регионе, фактор, уже в ближайшие годы требующий скоординированных действий не только России и Китая, но и всех заинтересованных стран региона и мирового сообщества. Эти действия будут иметь успех лишь при условии нацеленности их на экономическое развитие Сибири и российского Дальнего Востока, укрепление суверенитета России и усиление ее присутствия в Азии.

1. В частности, по подсчетам директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (РАН) В.Л. Ларина (г. Владивосток), только в 1993-1995 гг. о "желтой опасности" в российских СМИ появилось не менее 150 публикаций.
2. Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2001. Т. 2. С. 26.
3. В целях выравнивания демографической ситуации в Китае пекинское правительство, начиная с 1878 г., проводило политику активного переселения жителей из центральных провинций страны в Северную Маньчжурию.
4. Рассчитано по: Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского за 1892-1894 гг. СПб., 1895.
5. Россия и Китай... С. 4-5. По другим данным, численность китайцев на Дальнем Востоке в 1910-1914 гг. составляла 80 тыс. человек (см.: Рыбаковский Л.Л. Народонаселение Дальнего Востока за 100 лет. М., 1969. С. 75).
6. Там же. С. 30-34.
7. См.: Материалы по изучению рабочего вопроса в Приамурье. СПб., 1912. Вып. 2. С. 5.
8. См.: Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье: Отчет Уполномоченного МИД В.В. Граве. СПб., 1912. С. 45.
9. Россия и Китай... С. 31.
10. Там же. С. 32.
11. Российская Федерация в цифрах в 1993 г. М., 1994. С. 76-77.
12. Данные Посольства КНР в Москве.
13. Радиостанция "Эхо Москвы". 2000. 22 июля.
14. Тянь Чжан. Китайцы в эмиграции // Россия и АТР. 1994. № 2.
15. См., в частности: Миграция и безопасность в России / Московский Центр Карнеги. М., 2000. С. 208-209.
16. Захарова О.Д., Миндагулов В.В. Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность и последствия. М., 1994. С. 15-19; Известия. 2001. 16 февраля.
17. См., например: Витковская Г., Зайончковская Ж. Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России: надежды и реалии // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. М., 1999. С. 98.
18. См.: Русский журнал. 2001. 25 апреля.
19. Рассчитано по: Population and Development Review. 1994. Vol. 20. № 3. P. 636-638.
20. Деловая Сибирь. 1993. 28 мая - 3 июня.
21. См.: Тихоокеанская звезда. Хабаровск. 2001. 26 июля.
22. Дуньюо чжунъя яньцзю. Пекин, 1994. № 1. С. 19.
23. Россия и Китай... Т. 1. С. 436, 416.
24. Там же. С. 598.
25. Ли Чуаньсюн. О торгово-экономическом сотрудничестве провинции Хэйлуунцзян КНР с Россией // Россия и Китай... Т. 1. С. 417.
26. Рассчитано по: China Foreign Trade and Economic Cooperation Yearbook 1999/2000 Beijing, 2000.
27. Цит. по: Независимая газета. 2001. 14 августа.
28. Время МН. 2001. 16 мая.
29. См.: Независимая газета. 2001. 14 августа.
30. Материалы по изучению рабочего вопроса в Приамурье. СПб., 1912. Вып. 2. С. 63.

Газовый рынок Китая и перспективы российско-китайского сотрудничества

© 2002

М. Потапов

1. Особенности азиатского газового рынка

В последние два десятилетия XX века страны Азии превратились в один из наиболее динамично развивающихся газовых рынков. Финансово-экономический кризис, охвативший азиатские страны в 1997-1998 гг., оказал значительное влияние на потребление энергии как вследствие существенно снизившихся темпов производства, так и в результате девальвации национальных валют. Вызванное этим значительное удорожание поставок энергоресурсов привело к существенному спаду в потреблении энергии в странах Юго-Восточной Азии (ЮВА), а также в Японии и Республике Корея (РК). При этом Китаю, несмотря на негативное воздействие азиатского кризиса на его экономические и внешнеторговые показатели, удалось избежать значительного спада в экономике. Решающую роль в процессе достижения стабильного экономического роста в этой стране сыграли не внешние заемные источники, а умелое использование преимуществ государственного регулирования экономики и опора на внутренние ресурсы.

На долю Китая, Японии, Индии и РК приходится около 75% общего спроса на энергию в Азии. При этом в отношении природного газа по отдельным странам Азии существует ярко выраженный дисбаланс спроса и предложения. В целом потребление газа в регионе не соответствует добыче, что является причиной его импорта из США и стран Ближнего и Среднего Востока. Запасы природного газа в регионе составляют всего лишь около 7% от мировых. Однако, принимая во внимание растущий интерес Азии к использованию газа, что связано с обостряющимися проблемами обеспечения энергобезопасности и ухудшением состояния окружающей среды, в ближайшее время следует ожидать увеличения доказанных запасов природного газа в регионе и повышения его доли в потреблении энергии. К примеру, по оценкам ОЭСР, удель-

Потапов Максим Александрович, доктор экономических наук, начальник отдела координации внешнеэкономических связей и международных организаций Управления зарубежных связей ОАО «Газпром».

В статье использованы материалы доклада автора на XI Международном конгрессе «Новые высокие технологии для газовой, нефтяной промышленности, энергетики и связи (CITOGIC-2001)» (Салехард, 28 августа — 1 сентября 2001 г.).

Материал подготовлен при поддержке РГНФ, проект №01-02-00122а.

ный вес Азии в общем потреблении энергии в мире увеличится с нынешних 17 до 26% к 2010 г.

Во многих странах Восточной Азии увеличение потребления газа стимулируется следующими факторами:

возрастающим вниманием стран региона к экологически более чистым видам топлива в связи с ухудшением экологической обстановки;

стабилизацией или снижением уровня добычи нефти в ряде стран;

стремлением большинства стран диверсифицировать источники импорта и использовать альтернативные виды топлива в целях усиления энергобезопасности, а также для поддержания на определенном уровне бюджетных поступлений от экспорта нефти.

В структуре потребления энергии в регионе удельный вес природного газа (9%) в два с половиной раза ниже среднемирового (23%), в то же время значительна доля угля (соответственно, 46 против 27%). Это связано с уникальной ситуацией в Китае и Индии, где имеются значительные запасы твердого топлива, и доля которого в структуре энергопотребления этих стран в конце 90-х годов составляла, соответственно, 75% и 56%. При этом, по расчетам Азиатского банка развития, капиталовложения в газовую промышленность, включая строительство электростанций, использующих газ в качестве топлива, достигнут к 2010 г. 250 млрд долл. Это отразится на структуре энергобаланса: удельный вес природного газа в потреблении энергии в азиатских странах, как ожидается, вырастет к 2010 г. до 11%, а его добыча до 2010 г. будет ежегодно прирастать на 2,5-3,0% и достигнет 298-312 млрд куб. м в год¹. При этом сокращается удельный вес нефти, что в определенной мере связано со стабилизацией или же падением ее добычи в регионе.

В качестве важной особенности азиатского газового рынка необходимо выделить основной ресурсный и экспортный потенциал данного энергоносителя, который сконцентрирован в таких странах ЮВА, как Индонезия, Малайзия, Бруней и Таиланд, в структуре энергопотребления которых доля газа варьируется от 20 до 40%. С другой стороны, практически полностью зависят от импорта газа Япония, Республика Корея, Тайвань, Сингапур.

Газотранспортная структура и, в частности, трубопроводная сеть в Азии, за исключением экспортных магистралей из Малайзии в Сингапур и из Мьянмы в Таиланд, а также внутренней трубопроводной сети в странах ЮВА, развита недостаточно. Это связано с тем, что исторически преобладающая часть потребляемых и экспортируемых объемов газа приходилась на сжиженный природный газ (СПГ), в мировой торговле которым страны Восточной Азии играют доминирующую роль. Объем торговли СПГ в 2000 г. составил, по данным международного центра «Седигаз», 137 млрд куб. м. Ведущие позиции в этой области занимает Япония, являющаяся крупнейшим в мире импортером сжиженного газа (более половины объема его мировой торговли), и Индонезия — крупнейший экспортер СПГ. В целом на долю Японии, РК и Тайваня приходится около 75% мирового потребления сжиженного природного газа.

В перспективе в мировом импорте СПГ, по прогнозам Международного газового союза, ведущее место по-прежнему будут занимать азиатские страны, доля которых в нем к 2030 г. составит около 70%. По оценкам Института энергетических исследований (ИНЭИ) РАН, спрос на газ в Восточной Азии будет возрастать в среднем на 6,7% в год, в Южной Азии и Китае ожидаются более высокие темпы — до 8,3% в год. В целом по Восточной Азии среднегодовые темпы роста спроса на газ могут составить в период до 2010 г. 7,5%. В результате список традиционных импортеров, включающих Японию, Республику Корея и Тайвань, может пополниться такими государствами, как КНР, Сингапур и Таиланд. Потребность в газе в этих и ряде других стран региона будет расти

опережающими темпами по мере их экономического роста (см. Табл. 1). И, хотя на данный момент регион обладает возможностями удовлетворить внутренний спрос на газ за счет собственных ресурсов, однако в долгосрочной перспективе, как прогнозируется, до 40% потребляемого в регионе этого энергоносителя будет импортироваться из третьих стран.

Таблица 1

**Потребление природного газа в ряде стран и территорий Азии
в 1970-2010 гг. (млрд куб. м)**

	1970 г.	1980 г.	1990 г.	1999 г.	2010 г. (прогноз)
1. Япония	3,8	24,9	49,9	71,7	87-90
2. Индия	0,5	1,7	10,6	21,3	60-65
3. КНР	3,4	14,3	14,4	24,2	54-55
4. Индонезия	1,3	7,0	17,8	27,6	38-40
5. Таиланд	0,0	0,0	5,9	17,7	32-33
6. Пакистан	3,8	8,1	14,4	22,0	30-32
7. Республика Корея	0,0	...	3,1	17,5	29-30
8. Малайзия	0,1	1,1	9,9	19,0	27-30
9. Бангладеш	0,0	1,3	4,8	9,1	20-22
10. Тайвань	1,0	1,9	2,3	6,2	16-18

Примечание: составлено по оценкам экспертов ИНЭИ РАН и специалистов ООО «Газэкспорт»

Несмотря на тот факт, что структура конечных потребителей «голубого топлива» в Азии заметно отличается по странам, в целом основная доля используемого газа приходится на промышленность и электроэнергетику. В коммунально-бытовом и коммерческом секторах его потребление, за исключением некоторых стран, ограничено. Так, во второй половине 90-х годов структура потребления газа в азиатских странах была следующей: производство электроэнергии — 52%, промышленность — 32%, коммунально-бытовой и коммерческий секторы — 16%. Доминирование энергетики в качестве основной сферы потребления газообразного топлива в странах региона обусловлено, во-первых, значительными начальными затратами по созданию соответствующей инфраструктуры для использования газа (терминалы для приема СПГ и/или газопроводы), а для обеспечения экономики проекта необходим крупный начальный источник спроса (например топливная электростанция). Во-вторых, соображениями экологического характера: по сравнению с жидким и твердым топливом при сжигании газа выделяется значительно меньше окиси азота, отсутствует сера и на 20-40% меньше углекислого газа. И, наконец, в-третьих, более низкими капитальными затратами на строительство электростанций, что делает газ привлекательным энергоносителем. Ограниченное потребление газа в бытовом и коммерческом секторах в странах Азии вызвано как климатическими условиями, так и низкой степенью урбанизации. В ряде стран, например в Индонезии и Малайзии, разрабатываются программы по расширению использования газа на транспорте. Однако в целом удельный вес этого сектора невелик.

2. Газовый рынок Китая в преддверии бурного роста

Динамичное развитие экономики Китая на протяжении последних двух десятилетий вызывает неуклонное увеличение спроса на энергоносители. В настоящее время доля природного газа в структуре потребления первичных энергоносителей в КНР крайне незначительна: чуть больше 2% в сравнении с углем (около 75%) и нефтью (около 20%)². Хотя имеющихся запасов угля хва-

тит на поддержание существующего уровня добычи примерно в течение 100 лет, дальнейшее развитие энергетики Китая «по угольному сценарию», учитыва-ет и без того уже слишком высокую его долю в энергобалансе страны, по мнению китайских специалистов, представляется нецелесообразным. Это создает при прогнозируемых темпах роста экономики хорошие предпосылки для увеличения спроса на природный газ.

В перспективе, по различным прогнозам, удельный вес газа в энергопотреблении к 2020 г. может возрасти до 8-10%. В этих целях предполагается осуществить частичную либерализацию управления газовой отрасли и создать соответствующую инфраструктуру. В целом, в течение 2000-2010 гг. среднегодовые темпы роста газопотребления в Китае могут составить 20%. Ожидается, что в 2005 г. удельный вес газа в потреблении энергии в Китае составит 5%, в 2010 г. — 7%, а к 2020 г. — 10% по сравнению с 24% в США и 19% в Западной Европе³. Принимая во внимание климат Китая, вряд ли в ближайшие десять лет коммунально-бытовой сектор (в частности отопление помещений) достигнет показателей Европы и США, однако в целом ожидается удвоение потребления газа в этом секторе.

Газовая промышленность КНР при этом находится в стадии начального развития. Так, за последние десять лет потребление газа в Китае выросло менее чем на 50% и составило 24,2 млрд куб. м в 2000 г. Это весьма скромный рост, поскольку в целом по азиатским странам за этот период использование газа возросло на 80%. Экономическая программа правительства КНР в качестве приоритетного направления предусматривает расширение потребления газа в стране с 24,2 млрд куб. м в 2000 г. до 70-80 млрд куб. м к 2010 г. и увеличение доли газа в энергетическом балансе, соответственно, с 2,5 до 7%.

По оценкам китайских специалистов, потенциальные геологические ресурсы природного газа в Китае достигают 46,2 трлн куб.м, из которых 39,5 трлн куб.м приходится на материковые месторождения⁴. Запасы газа на территории страны располагаются неравномерно: около 80% всех запасов находятся в центральной и западной части страны, а также на морском шельфе. Главные месторождения сосредоточены в Таримском бассейне в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), провинциях Цинхай, Сычуань (Ордосский бассейн) и на стыке провинций Шэньси, Ганьсу и Нинся-Хуэйского автономного района, а также на шельфе Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. В начале 2001 г. в Автономном районе Внутренняя Монголия (АРВМ,) на севере страны, было открыто крупное газовое месторождение Сулигэ с прогнозируемыми запасами 700 млрд куб. м. В целом, по осторожным оценкам зарубежных специалистов, неоткрытые геологические ресурсы традиционного природного газа в Китае составляют от 22 до 37 трлн куб.м.

В связи с тем, что недра Китая недостаточно разведаны, текущие запасы свободного газа в стране (доказанные, возможные и вероятные), сосредоточенные примерно в 150 месторождениях, оцениваются в 1,7-2,0 трлн куб.м, что вполне достаточно для обеспечения потребностей страны в газообразном топливе при текущем уровне потребления в течение 74-120 лет. При этом обеспеченность добычи природного газа запасами по регионам весьма существенно различаются: например, северо-восток КНР — 30 лет, провинция Сычуань — 65 лет, запад Китая — 243 года⁵.

В ближайшие годы ведущая газодобывающая компания страны — *Китайская национальная нефтегазовая корпорация (КННК)* — намерена довести доказанные запасы до 2,8 трлн куб.м. Основной объем геологоразведочных работ будет проведен в провинции Шэньси, в северных районах центральной части страны, в провинции Сычуань, на которую приходится около половины совокупного спроса на газ, и провинции Цинхай, на северо-западе страны. По оценке китайских геологов, только в провинции Шэньси доказанные запасы могут возрасти до 1,4 трлн куб.м. Доказанные запасы на шельфе Китая составляют около 320 млрд куб. м.

В последние пять лет начиная с 1996 г. в Китае неуклонно возрастала добыча (производство) газа, достигнув к 2000 г. показателя 27,7 млрд куб. м (см. Табл. 2). Основными газодобывающими районами Китая являются провинция Сычуань, ряд северо-восточных провинций страны (попутный газ), шельф Южно-Китайского моря в районе о.Хайнань, а также провинция Шэньси на северо-западе страны. Крупнейшим производителем (около половины объема газа) является провинция Сычуань, в которой добывают более 10 млрд куб. м. В этой провинции сосредоточено примерно две трети имеющихся в стране газопроводов. Все большее значение приобретает разработка месторождений континентального шельфа Южно-Китайского моря, откуда газ поступает в Гонконг и провинцию Хайнань. Предполагается, что в ближайшие годы добыча газа на континентальном шельфе Китая будет доведена до 10 млрд куб. м, а в 2005 г. доля газа, добываемого на шельфе, составит 23% национальной добычи⁶.

Таблица 2

Производство природного газа в КНР (1978-2010)

	Абсолютный объем, млрд куб. м	Доля газа в произ- водстве энергии (%)	Доля газа в энерго- потреблении (%)
1978	13,73	2,9	3,2
1980	14,27	3,0	3,1
1985	12,93	2,0	2,2
1990	15,30	2,0	2,1
1991	16,07	2,0	2,0
1992	15,79	2,0	1,9
1993	16,77	2,0	1,9
1994	17,56	1,9	1,9
1995	17,95	1,9	1,8
1996	20,11	2,0	1,8
1997	22,70	2,1	1,7
1998	23,28	2,5	2,2
1999	25,20	3,1	2,2
2000	27,73	3,4	2,5
2005 (прогноз)	30,00-40,00	3,7	5,0
2010 (прогноз)	50,00-70,00	6,2	7,0

Источники: Чжунго тунци чжайяо-2001 (Краткий статистический справочник Китая). Пекин, 2001. С.118,130; Чжунго тунци няньцзянь-1990 (Статистический ежегодник Китая). Пекин, 1990. С.455-456, 487; БИКИ, №123, 25.10.2001 г.; ИБАС, 2.11.1998 г.; Чжунго синьсибао, 22 октября 1997; оценки экспертов КННК и НИИ нефтяного планирования КНР, представленные на Международной конференции «Нефть и газ в Китае» (Шанхай, 16-17 марта 2000 г.).

Десятый пятилетний план социально-экономического развития КНР (2001-2005) предусматривает рост добычи газа с 27,7 млрд куб. м в 2000 г. до 40 млрд куб. м в 2005 г. По оценкам специалистов ИНЭИ РАН, ресурсные возможности позволят Китаю добывать 70 млрд куб. м в 2010 г. и 100 млрд куб. м в 2020 г. В то же время добыча газа из нетрадиционных источников (прежде всего угольного метана) может достигнуть к 2010 г. 10 млрд куб. м, а к 2015 г. — 15-20 млрд куб. м.

Газовая промышленность в Китае является вертикально интегрированной и сбыт газа находится под жестким государственным управлением. На КННК приходится около 67% всего производства газа. На долю *Китайской национальной корпорации по добыче нефти на шельфе (КНООК)* — около 18%, а остальные 15% осваивает *Китайская национальная нефтехимическая компания «Синопек»*. Продажа добываемого газа потребителям осуществляется в соответствии с предписаниями местного и центрального руководства.

Главной задачей Китая на нынешнем этапе является расширение спроса на газ. Вплоть до настоящего времени газовая отрасль китайской экономики находилась на вторых ролях и была призвана главным образом обеспечивать сырьем производство удобрений и нефтехимию. Незначительные объемы производимого газа поступали в коммунально-бытовой сектор, сосредоточенный в крупных городах, к использованию газа на электростанциях приступили лишь в последние годы. Правительство КНР устраняет ограничения на использование газа в качестве сырья для производства удобрений, а также в других секторах, включая коммунально-бытовой и коммерческий. Во многих городах Китая в целях улучшения экологической обстановки и состояния воздушного бассейна, а также повышения уровня жизни природный газ находит все более широкое применение. Такие крупные города, как Пекин, Тяньцзинь, Шэньян, Шанхай и Сиань уже приступили к использованию этого экологически чистого энергоносителя.

Нынешнее использование природного газа в экономике КНР определяется относительно небольшими объемами его добычи. В ходе формирования рынка потребления газа в Китае доля используемого природного газа в коммерческо-бытовом секторе, по прогнозам экспертов КННК, существенно увеличится: с 10% в 1998 г. до 25-30% в 2010 г. В области электроэнергетики доля газа повысится за тот же период с 15 до 30%, в химической промышленности — снизится с 35 до 15-17%, в качестве промышленного топлива в нефтегазодобыче — уменьшится с 28 до 25%⁷.

По оценке же Международного энергетического агентства, спрос на газ в Китае к 2010 г. возрастет до 100 млрд куб. м (внутренний дефицит газа составит при этом 50 млрд куб. м), а в 2020 г. достигнет 140 млрд куб. м (см. Табл. 3). По подсчетам, для того чтобы добиться роста потребления газа в 2010 г. до 100 млрд куб. м, потребуются капиталовложения в размере 50 млрд долл. В принципе, расчеты экспертов свидетельствуют о том, что запасы природного газа в Китае позволяют полностью удовлетворить растущий внутренний спрос на газ в ближайшие 10 лет за счет собственной добычи.

Таблица 3

Рост дефицита производства газа в КНР (млрд куб. м в год)

	Спрос на газ	Внутреннее производство	Дефицит производства газа
2000	28,3	27,7	0,6
2005 (прогноз)	50,0	30,0-40,0	10,0-20,0
2010 (прогноз)	100,0	50,0-70,0	30,0-50,0

Источники: *Китайская Народная Республика в 2000 г.: политика, экономика, культура. М., 2000 г. С.113; оценки экспертов КННК и Международного энергетического агентства.*

В целях опережающего развития газовой отрасли национальной экономики правительство КНР определило три приоритетных направления удовлетворения растущего спроса на газ на внутреннем рынке:

- увеличение собственной добычи газа;

- строительство газовой инфраструктуры для формирования рынка потребления газа, в первую очередь в восточных районах страны;

- импорт природного газа в объемах, необходимых для восполнения его дефицита как за счет поставок по газопроводам из соседних стран, так и импорта СПГ.

Основным фактором, сдерживающим начало освоения новых газовых месторождений Китая и увеличение потребления газа, является отсутствие необходимой инфраструктуры и, в первую очередь, — газотранспортной. В Китае отсутствует общенациональная система газопроводов, а потребление сосредоточено в районах добычи, при этом газодобывающие районы географически не совпадают с наиболее индустриально развитыми районами страны. Так на юг и восток Китая (около 70% ВВП) приходится лишь 30% национальной добычи, в то время как на запад и юго-запад — 47% (доля этих районов в ВВП страны — 12%). В силу этого в настоящее время невозможна транспортировка газа из северных и западных регионов КНР в промышленно-развитые районы Восточного Китая.

Действующие газотранспортные системы в Китае регионально сегментированы и связывают разрабатываемые месторождения с близлежащими потребителями (химическими предприятиями). По состоянию на конец 90-х годов общая протяженность газопроводов в Китае составила около 12 тыс.км, включая 5,7 тыс.км магистральных газопроводов диаметром 426 мм и ежегодным объемом транспортировки 10,3 млрд куб. м⁸. Первый газопровод в провинции Сычуань был построен в 1958 г., в последующие годы были введены в эксплуатацию две линии (южный отрезок — в 1966 г. и северный отрезок — в 1988 г.), что позволило довести его протяженность до 5 тыс.км.

Второй по протяженности газопровод в Китае длиной 913 км и ежегодным объемом транспортировки 2 млрд куб. м соединяет Ордосский бассейн (пров.Сычуань) и г.Сиань (пров.Шэньси) с Пекином. Подключение этого газопровода к другим веткам положит начало формированию газопроводной сети в Северо-Западном и Северном Китае, предназначенной для транспортировки газа с этих месторождений в Пекин, Тяньцзинь, Сиань и соседние с ними регионы⁹. В 1996 г. был сдан в эксплуатацию газопровод протяженностью 778 км и начальным объемом потребления 2,9 млрд куб. м газа в год, соединяющий месторождение Я13-1 (Я Чэн) в Южно-Китайском море с ТЭЦ в Гонконге и с потребителями газа в провинции Хайнань (520 млн куб.м газа в год).

В перспективе Китай планирует сооружение национальной газотранспортной сети с пропускной способностью до 150 млрд куб. м в год, газосборных центров и хранилищ. Национальная транспортная система, как предполагается, будет включать ветви, пересекающие территорию страны по направлениям Север-Юг и Запад-Восток, с возможностью подключения к намечаемым экспортным трубопроводам из России и государств Центральной Азии. Тем самым будет создана основа газотранспортной системы КНР, которая позволит не только подавать необходимое количество сырья в промышленные районы Китая, но и обеспечит импорт и транзит газа по территории страны.

Импорт природного газа позволит Китаю при наличии внутренних ресурсов и выбора из нескольких источников импортных поставок, во-первых, создать конкурентную среду на национальном газовом рынке, во-вторых, увеличить в среднесрочной перспективе (2005-2010) объемы поставок газа на внутренний рынок, ускорив тем самым процесс окупаемости строительства газопроводов на территории КНР и, в-третьих, заложить основу газоснабжения страны на долгосрочную перспективу, задействовать национальный газотранспортный потенциал в целях транзита газа в соседние страны.

Крупнейший из проектов в рамках создания национальной газотранспортной системы, известный под названием «Запад-Восток» (*Синьцзян-Шанхай*), предусматривает строительство транснационального магистрального газопровода пропускной способностью до 20 млрд куб. м в год, протяженностью 4167 км и диаметром 914 мм от Синьцзян-Уйгурского автономного района, на западе, через всю страну в район г.Шанхай и дельты р.Янцзы. Ожидается, что данный газопровод сформирует энергетический коридор и в последующем, пройдя через 15 крупных городов в провинциях СУАР, Ганьсу, Хэнань, Аньхой и Цзянсу, станет основой Единой системы газоснабжения (ЕСГ) Китая, соединив ресурсную базу в западной части страны с промышленно-развитыми регионами на востоке. Заложенные китайскими разработчиками технико-экономические показатели газопровода: стоимость — около 18 млрд долл., гарантированный период стабильной подачи газа — 13 лет, внутренняя норма доходности — 12%, срок возврата инвестиций — 9 лет, — показали достаточно низкую его рентабельность. Ввод этого газопровода в эксплуатацию намечен на 2004 год, строительство намечено на период 2002-2010 гг.¹⁰

Скорейшее освоение Таримского бассейна и начало эксплуатации магистрального газопровода «Запад-Восток» вызвано необходимостью решения стратегической задачи ускорения развития западных районов КНР, что, помимо роста промышленности, улучшения экологии, должно гарантировать стабильность на западных границах Китая и снижение накала сепаратистских настроений в СУАР. По самым приблизительным оценкам, для реализации всего проекта потребуется минимум 50-60 млрд юаней (6-7 млрд долл.), а срок окупаемости проекта составит около 10 лет. Для реализации проекта будут использованы месторождения Таримского бассейна (извлекаемые запасы — 724,4 млрд куб. м, из которых 68% являются доказанными), где продолжаются крупные открытия. Подтвержденные запасы газа в Таримском бассейне уже сейчас гарантируют добычу 12 млрд куб. м природного газа в год в течение 30 лет. Вместе с тем, по мнению экспертов КННК, нельзя в полной мере гарантировать обеспечение за счет ныне имеющихся подтвержденных запасов сырья рентабельность и проектную мощность газопровода по транспортировке 20 млрд куб. м при ежегодном снабжении городов дельты р.Янцзы на уровне 10-15 млрд куб. м газа.

В этом проекте, реализация которого пройдет в три этапа, участвуют крупнейшие нефтегазовые компании страны — компании «Петро Чайна» (дочерняя компания КННК) и Синопек. На первом этапе (2002 г.) намечено построить систему, способную транспортировать природный газ из месторождений на юго-западе провинции Сычуань и северо-западе провинции Шэньси до потребителей в центрально-южном районе провинций Хубэй и Хунань и г.Шанхай на востоке. Будет также проложен газопровод из северо-западных районов провинции Цинхай до потребителей в г.Ланьчжоу (пров.Ганьсу). Второй этап (до 2005 г.) предусматривает рост газоснабжения Шанхая за счет продления газопровода от г.Ланьчжоу до г.Сиань (пров.Шэньси) для поставок в восточные районы страны. В ходе реализации третьего этапа (в период до 2010 гг.) предусматривается строительство газопровода от Таримской впадины в СУАР до г.Ланьчжоу, в результате чего магистральный газопровод пройдет из Тарима в Шанхай. В рамках этой системы будут построены четыре центра для распределения природного газа в Пекине, Шанхае, Сиане и Ухане, а также пять подземных хранилищ газа — в Дацине, Пекине, Шанхае, Наньяне и в провинции Шаньдун. Основным потребителем газа будет Шанхай, где, по оценкам «Газ де Франс», потребление газа к 2010 г. может составить 6-10 млрд куб. м.

Одновременно следует отметить, что в Китае рассматривают сжиженный природный газ в качестве одного из источников возмещения дефицита

энергии, прежде всего в южных приморских провинциях. Так, СПГ был включен в IX-й пятилетний план социально-экономического развития КНР (1996-2000 г.) как альтернативный энергоноситель для южных провинций, а КНООК совместно с Министерством электроэнергетической промышленности КНР разработала политику его внедрения. Исходя из того, что к 2010 г. в стране сформируется дефицит природного газа в размере 30-50 млрд куб. м, импорт СПГ к 2010 г. составит 10 млрд куб. м (около 7 млн т) в год.

В первую очередь речь идет об импорте СПГ в южные приморские районы Китая из стран Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока. В этих целях в течение ближайшего десятилетия предполагается построить по меньшей мере два терминала — в г.Шэньчжэнь (пров.Гуандун) и в дельте р.Янцзы. В январе 2000 г. Государственный комитет КНР по планированию развития одобрил проект строительства первого терминала по импорту 3 млн т СПГ в год в провинции Гуандун¹¹. Проект рассчитан на 20 лет, его стоимость составит 10 млрд долл. Гуандунский проект включает сооружение терминала по приемке СПГ около Шэньчжэня и газопровода высокого давления протяженностью 300 км до Гуанчжоу и далее до промышленного центра Фошань и устья р.Жемчужной. В будущем пропускная способность этого терминала может быть увеличена до 5 млн т СПГ в год, а протяженность газопровода — на 240 км. К 2010 г. пропускная способность газопровода должна достигнуть 7,7 млрд куб. м в год¹². В консорциум, созданный для реализации данного проекта входят КНООК, гонконгские и местные компании, 30% участия отданы компании “Бритиш Петролеум”. Среди возможных поставщиков газа называют Малайзию, Австралию, Индонезию.

В настоящее время число центров добычи природного газа в Китае ограничено, а нехватка инвестиций в строительство газотранспортной и распределительной сети создает значительные трудности в ускорении развития газовой индустрии. В результате относительно небольшой круг потребителей в Китае имеет возможность пользоваться ограниченными поставками газа. Это преимущественно предприятия по производству удобрений и других химикатов. В ряде городов газ потребляется в коммунально-бытовом секторе, в небольших объемах этот энергоноситель применяется для выработки электроэнергии. В целом, текущий спрос заметно отстает от объема добычи. В то время как поставками будут пользоваться преимущественно уже достаточно развитые провинции восточного побережья, газотранспортная сеть позволит значительно расширить использование газа и в других, особенно внутренних районах, пока отстающих в своем развитии.

Таким образом, в целях максимально возможного сокращения протяженности газопроводов и увеличения экономической отдачи от них в Китае принято решение ограничить рынок сбыта газа, добываемого во внутренних районах страны, регионами дельты р. Янцзы и Северо-Восточного Китая. Потребности южных районов будут удовлетворяться в основном за счет импорта СПГ и природного газа с морских месторождений.

Для реализации в полном объеме задач, намеченных в газовой области, потребуется в первую очередь решить вопросы ценообразования. Дело в том, что производители газа высказывают недовольство низкими ценами на него при высоком уровне издержек добычи, а многие потребители пока не в состоянии оплачивать дорогостоящий, по их мнению, газ. Идеальным решением, на наш взгляд, могло бы быть постепенное повышение цен на газ, что позволило бы минимизировать нагрузку на потребителей и одновременно создать стимулы для расширения добычи.

Следует отметить, что действующие в Китае внутренние цены на газ не стимулируют развитие проектов. В настоящее время в газовой промышленно-

сти Китая используется двойная система ценообразования — плановая и рыночная. Рыночная цена на газ колеблется в зависимости от изменений спроса в основных секторах его использования. Правительство устанавливает верхнюю планку цены для производителя, величину тарифа на прокачку газа и потребительские цены. Самый низкий уровень цен установлен для предприятий по производству удобрений, которые являются основными потребителями газа в стране.

В последнее время иностранные инвесторы неоднократно пытались убедить китайские власти в необходимости снижения контроля над рынком, отмены системы квот в распределении газа, создания эффективной системы ценообразования и стимулирования конкурентной среды, допуска к участию в управлении трубопроводной инфраструктурой. В мае 2000 г. правительство Китая пошло навстречу зарубежным инвесторам и обнародовало свои намерения относительно новой политики в области природного газа. В целях развития отрасли предполагается реформировать механизм ценообразования на газ. В частности, будет сокращен разрыв между устанавливаемыми государством и действующими в рыночном пространстве ценами. Уже в 2000 г. китайское правительство повысило цену за очистку газа и цену франко-скважина (последняя составила 0,12 долл. за куб.м газа). В перспективе предполагается объединить цену франко-скважина и цену очистки газа в единый «послезаводской» тариф, который будет дифференцироваться под контролем правительства в зависимости от сектора его потребления. Цена будет корректироваться чаще, чем в настоящее время, и учитывать спрос на рынке. Кроме того, транспортные тарифы будут устанавливаться индивидуально для каждого маршрута.

В последнее время активизировали газовую деятельность в Китае крупнейшие нефтяные компании. Итальянский концерн «ЭНИ» расширил свое участие в газовых проектах Китая, подписав с компанией «Петро Чайна» соглашение о разделе продукции (СРП), охватывающее территорию площадью 7 тыс. кв. км в центральной части страны. По оценкам итальянских специалистов, на этой площади находится до 250 млрд куб. м газа. ЭНИ уже ведет активные поисково-разведочные работы на нефть на шельфе Южно-Китайского моря и в Таримском бассейне.

По информации КННК, англо-голландская компания «Ройал-датч Шелл» (далее — Шелл) станет первым зарубежным дистрибьютером природного газа в Китае. В сентябре 1999 г. был подписан контракт на сумму 3 млрд долл. на совместную разработку месторождений газа в Ордосском бассейне на северо-западе КНР. Контракт на основе СРП позволит Шелл поставлять потребителям в Пекине, Тяньцзине, провинциях Хэбэй и Шаньдун до 3 млрд куб. м газа в год. Ожидается, что освоение месторождений начнется в 2002 г.

Развитие газовой промышленности КНР и прогнозируемое увеличение доли газа в общем потреблении первичных энергоносителей (до 10% к 2020 г.) а также широкомасштабное применение газа для выработки электроэнергии поможет ослабить доминирующую роль угля в энергетике страны и будет способствовать снижению уровня загрязнения окружающей среды. В перспективе предполагается использовать новейшие технологии в области угля и газа и принимать меры по экономии и более эффективному использованию энергии. Можно сделать вывод о том, что меняющееся отношение к газу в Китае будет стимулировать динамичное развитие энергетике и всей экономики страны в целом.

Потенциальный вклад иностранного капитала в развитие газовой индустрии в Китае может быть весьма ощутимым, при условии его привлечения во все сферы — от добычи до переработки. Общие капиталовложения в газовую индустрию КНР оцениваются как весьма значительные, особенно с учетом соз-

дания распределительных сетей и объектов перерабатывающего сектора. Такие финансовые затраты не по силам одному Китаю. Руководство страны надеется на помощь международных финансовых организаций и на привлечение иностранного предпринимательского и ссудного капитала. Для реализации поставленных перед отраслью задач необходимо будет осуществить крупномасштабные работы по разведке и освоению газовых месторождений.

В настоящее время уровень добычи газа в Китае не удовлетворяет запросы быстро развивающейся индустрии, что делает неизбежным импорт значительных объемов как газа, поставляемого по трубопроводам, так и СПГ. По различным оценкам, в 2010 г. импорт может составить 30-50 млрд куб. м, а в 2020 г. — не менее 60 млрд куб. м (см. табл. 3)¹³. В 1995 г. компания Шелл провела исследование потенциального спроса на СПГ в прибрежных провинциях Китая, где альтернативным энергоносителем для производства электроэнергии является импортируемый уголь. Анализ показал, что цена на электроэнергию, полученную при применении СПГ в качестве топлива, вполне конкурентоспособна по сравнению с угольной альтернативой. Наряду с электростанциями, газ мог бы использоваться в системах городского газа и заменять местный уголь, а также СНГ и искусственный газ, получаемый из угля или нефти. Источником для расширения потребления газа может стать помимо местных запасов, импорт сетевого газа по трубопроводам из России и стран Центральной Азии и в виде СПГ. Потенциальный спрос на газ в Китае настолько велик, что сбыт без труда найдут оба вида газа. Прогнозируемое увеличение импорта газа вполне реально, если будут выдержаны сроки реализации намечаемых грандиозных проектов строительства трубопроводов.

3. Перспективы российско-китайского газового сотрудничества в свете расширения Единой системы газоснабжения России на Восток

Итак, Китай — одна из самых быстроразвивающихся стран азиатского региона, сосед и давний торговый партнер России, обладает весьма перспективным рынком природного газа. В КНР разработана и готовится к реализации концепция существенного увеличения потребления природного газа. Стремительно растущий спрос на природный газ в Китае будет обгонять уровень его добычи. По расчетам китайской стороны, разведанных запасов их собственной ресурсной базы хватит лишь на ближайшие десять-пятнадцать лет. Отсутствие в Китае общенациональной системы газопроводов и разрыв между местами добычи и потребления газа создают реальную основу для нашего взаимного сотрудничества в газовой области, в частности в сооружении национальной газотранспортной сети, газосборных центров и хранилищ. Необходимо подчеркнуть, что Россия и Китай имеют много общего с точки зрения масштабы задач формирования системы газоснабжения, а именно — обширную территорию и удаленность основных районов потребления от ресурсной базы. Россия создала эффективную, не имеющую аналогов Единую систему газоснабжения, и имеет исключительный опыт решения задач, аналогичных стоящим перед Китаем в этой сфере в ближайшие десятилетия.

Сотрудничество ведущей российской газовой компании ОАО «Газпром» с китайскими партнерами — КННК и «Петро Чайной» — осуществляется на основе Соглашения между Правительством РФ и Правительством КНР от 18 июля 2000 г. о продолжении сотрудничества в энергетической сфере. Основными объектами этого сотрудничества в настоящее время являются:

— участие в строительстве на территории Китая магистрального газопровода «Запад-Восток»;

- составление проекта разработки газового месторождения Кэла-2 Таримского бассейна в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР;
- выполнение технико-экономических соображений (ТЭС) по созданию системы подземных хранилищ газа (ПХГ) в Северо-Восточном Китае.

В декабре 2000 года от компании «Петро Чайна» ОАО «Газпром» было получено приглашение принять участие в тендере на строительство на территории Китая *магистрального газопровода «Запад-Восток»*, включенного в X-й пятилетний план социально-экономического развития КНР (2001-2005 гг.) в качестве одного из приоритетных проектов. Проведенный экспертами Газпрома анализ предоставленных китайской стороной материалов позволил сделать вывод о том, что в случае подачи российского газа через западный участок российско-китайской границы (Республику Алтай) и увеличения срока поставки газа до 30 лет, газопровод становится экономически рентабельным.

В январе 2001 г. Газпром подал заявку на участие в первом квалификационном этапе тендера по проекту «Запад-Восток». Подавая заявку на участие в тендере, Газпром преследовал следующие основные цели:

- внедрение на быстроразвивающийся газовый рынок Китая и создание базы для развития разностороннего сотрудничества;
- создание необходимых условий для обеспечения поставок российского газа в Китай с выходом на конечного потребителя;
- газификация российских регионов в случае решения вопроса поставок российского газа и строительства перемычки Новокузнецк-Шаньшань;
- оказание экономического давления на европейских покупателей российского газа.

Для участия в тендере был сформирован консорциум: ОАО «Газпром» вместе с ОАО «Стройтрансгаз», который успешно прошел первые два тура тендера, выкупил информационный пакет и подготовил инвестиционное предложение, в котором был сделан упор на получении консорциумом подрядов на проектирование и поставку оборудования в объеме не менее доли участия консорциума в компании по транспортировке газа, что составляло бы 25% плюс одна акция.

В сентябре 2001 г. было получено официальное приглашение китайской стороны, и в начале октября того же года в Пекине начались переговоры ОАО «Газпром» в консорциуме с также прошедшей предварительные этапы тендера компанией Шелл, с одной стороны, и компанией «Петро Чайна», — с другой, по согласованию *Рамочного Соглашения о создании Совместного Предприятия (СП)*, а также других проектных соглашений по всей технологической цепочке — Соглашения СП на месторождениях Кэла-2 и Инмай-7, Янтэке, Юйдун-2 и др.; Соглашения о продаже добываемого природного газа производителями; Соглашения о создании совместной компании по трубопроводу; Соглашения об оказании услуг по транспортировке газа; Соглашения по продаже природного газа из газопровода по каждому потребителю; Соглашения о создании единой торговой компании по продажам природного газа; Соглашения по мерам по обеспечению выполнения стандартов и др.

В конце декабря 2001 г. консорциум Газпром/Шелл подписал в Пекине с «Петро Чайной» промежуточное соглашение по основным принципам завершения Рамочного соглашения по совместному строительству транскитайского газопровода «Запад-Восток». По этому соглашению иностранные участники в лице Газпрома и Шелл получают в проекте 45%, «Петро Чайна» — 55%. Заключение Рамочного Соглашения, которое ожидается в первой половине 2002 г., завершит тендерный процесс и создаст основу для учреждения совместной компании, которая будет осуществлять добычу, транспортировку газа и эксплуатацию газопровода.

Реализация проекта строительства магистрального газопровода «Запад-Восток» и рост потребления природного газа в КНР при ожидаемом в стране к 2010 г. дефиците в 30-50 млрд куб. м. заставят Китай рассмотреть вопрос об увеличении поставок газа, прежде всего посредством его закупок в России, что отвечает стратегическим интересам ОАО «Газпром». Появляется реальная возможность для продвижения на китайский рынок российского оборудования, материалов, технологий для данного газового проекта. Крупной проблемой, стоящей в настоящее время перед газовой промышленностью КНР, является создание и развитие рынка природного газа в приморских районах, а затем в центральном и западном регионах страны.

В настоящее время прорабатывается несколько проектов по экспорту российского газа в Китай. Основные среди них — ковыктинский проект (прокладка газопровода из Иркутской области в северо-восточные провинции КНР пропускной мощностью 30 млрд куб. м. в год, в т.ч. 10 млрд куб. м. — в Республику Корея)¹⁴; якутский проект (строительство экспортного газопровода в Китай от Чаяндинского и Талаканского месторождений) и т.н. западный проект, предусматривающий прокладку газопровода из Томской области в СУАР через западный участок границы между Россией и КНР. Изучаются также возможности поставок российского сжиженного газа с о.Сахалин.

До последнего времени по указанным проектам переговоры велись с китайской стороны — КННК, а с российской стороны — различными компаниями («Россия Петролеум», «Саханефтегаз», ОАО «Газпром»). Это позволяло китайцам создавать конкуренцию между российскими проектами с целью выхода на наиболее выгодные для себя ценовые параметры на российский углеводороды. По нашему мнению, переговоры с азиатскими странами о поставках газа из России должны вестись без привязки к какому-либо региональному проекту и при этом в первую очередь должны учитываться интересы российских потребителей. Такой подход позволит избежать снижения цен и обеспечить газификацию регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока России. Концепция, разработанная специалистами ОАО «Газпром», предусматривает объединение ресурсных баз Западной и Восточной Сибири России и ее Дальнего Востока для обеспечения приоритетного газоснабжения российских потребителей и подачи российского газа в КНР и другие азиатские страны. Фактически речь идет о расширении Единой системы газоснабжения России на Восток, в отличие от других проектов, ориентированных на создание региональных экспортных газопроводов.

В июне 2001 г. в протоколе 3-го заседания российско-китайской подкомиссии по энергетике было зафиксировано, что координатором всех экспортных проектов по поставкам российского газа в Китай будет выступать ОАО «Газпром». После этого КННК вынуждена была приступить к пересмотру всего комплекса отношений с ведущей российской газовой корпорацией в плане ее привлечения к обустройству инфраструктуры газопотребления Китая в рамках участия в строительстве транскитайского газопровода «Запад-Восток», а также высказаться за разработку и принятие концепции стратегического партнерства между Газпромом и КННК.

В настоящее время с целью обеспечения единого подхода к сотрудничеству с Китаем и другими странами азиатского региона ОАО «Газпром» в сотрудничестве с заинтересованными российскими министерствами и ведомствами участвует в разработке концепции освоения газовых ресурсов Восточной Сибири и Дальнего Востока, строительства газопроводов в структуре единой системы газоснабжения с учетом возможности поставок газа через единый экспортный канал на рынки Китая и других стран АТР. Предполагает-

ся, что Газпрому будет предоставлен статус координатора работ по реализации данной концепции.

Что касается участия России в *разработке газовых месторождений в Китае*, то в сентябре 2000 г. ОАО «Зарубежнефтегаз» подписало контракт с КННК на выполнение силами ВНИИГАЗа (ведущего научно-исследовательского института Газпрома) исследовательских работ по месторождению Кела-2 — основной сырьевой базы проекта «Запад-Восток». Стоимость контракта составила 430 тыс.долл. В мае 2001 г. группа специалистов Газпрома и ВНИИГАЗа выполнила работы по контракту на проведение исследований месторождения Кела-2, а в августе-сентябре 2001 года китайские специалисты провели в Москве совместные исследования по этому месторождению. В ближайшее время ожидается передача результатов исследований китайской стороне.

В развитие Протокола между ОАО «Газпром» и КННК «О совместных исследованиях в области ПХГ» от 29 октября 1999 г. ОАО «Зарубежнефтегаз» и его субподрядчик ВНИИГАЗ в июле 2000 г. подписали с КННК контракт на выполнение ТЭС по созданию системы ПХГ в Северо-Восточном Китае стоимостью 110 тыс.долл. В ноябре 2000 г. проведена первая рабочая встреча по контракту, на которой были определены потребности в активной емкости ПХГ и был выполнен первичный анализ геолого-промысловых данных по нефтяному месторождению Шуантайчжи. В январе 2001 г. ВНИИГАЗ передал в КННК оценочные расчеты по технологическим параметрам ПХГ, а также запрос о предоставлении дополнительных данных по этому и другим нефтяным месторождениям, оцениваемыми как перспективные под создание ПХГ. В ближайшее время предполагается, что на аналогичной основе китайской стороной будет предложена разработка ТЭО по созданию системы ПХГ в Северо-Восточном Китае. В целом в Китае планируется создать около семи ПХГ с общей активной емкостью до 10 млрд куб.м.

4. Некоторые выводы

1. Принимая во внимание текущее положение на рынке и долгосрочные перспективы развития, страны Азии, по всей видимости, будут играть ключевую роль в подъеме мировой экономики в начале XXI века и останутся наиболее перспективными в отношении экономического роста и увеличения потребления энергии. В нынешнем столетии Восточная Азия, соответственно, станет крупнейшим потребителем первичных энергоресурсов, и в целом спрос на газ в Азии будет расти более быстрыми темпами по сравнению с другими энергоносителями. Ресурсная база региона достаточна для обеспечения спроса, однако покрытие потребностей в импорте из стран Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии, а также Сибири и Дальнего Востока России может быть обеспечено лишь при условии соответствующих инвестиций в развитие инфраструктуры.

Доминирующее положение в импорте газа в страны Азии занимают поставки СПГ. Хотя Япония останется ведущим импортером СПГ, темпы роста ее потребностей будут замедляться вследствие высокой насыщенности внутреннего рынка. В то же время будет расти доля РК, Тайваня и ряда других новых покупателей СПГ в регионе. Развитие новых рынков для сбыта СПГ опять же будет зависеть в первую очередь от возможностей осуществления крупных инвестиций, необходимых для строительства терминалов по приемке газа в сжиженном виде и сооружения инфраструктуры по сбыту и потреблению газа. Кроме того, новые импортеры должны будут представить поставщикам убедительные гарантии долгосрочной стабильности своих рынков, чтобы заинтересовать последних в крупных капиталовложениях в добычу газа, производство СПГ и его транспортировку.

Ожидается, что развитие газовых рынков азиатских стран будет происходить следующим образом:

— развитие и расширение местных транспортных и распределительных сетей (Китай, Индия, Пакистан, Индонезия, Малайзия, Таиланд, Филиппины);

— появление внутрирегиональных транспортных сетей (Иран-Пакистан-Индия, Оман-Индия, Мьянма-Таиланд, Малайзия-Сингапур);

— строительство трансконтинентальных газопроводов (из Центральной Азии, Сибири, Дальнего Востока России в Пакистан, Индию, Китай, Республике Корея);

— расширение инфраструктуры для торговли СПГ (строительство новых предприятий по сжижению газа в Иране, Папуа-Новой Гвинее, Индонезии, Малайзии; расширение действующих мощностей в Брунее, Индонезии, Малайзии; строительство новых терминалов по регазификации в РК, Тайване, Китае, Индии и Таиланде).

Сочетание трубопроводного транспорта газа с поставками СПГ позволит повысить надежность газоснабжения стран АТР, поскольку трубопроводный газ может обеспечить базовые поставки в районы повышенного спроса, а СПГ — снимать пиковый спрос и удовлетворять спрос на газ в изолированных прибрежных районах. Речь идет о формировании новой энергетической стратегии развития стран региона, заключающейся не в количественном уровне потребления газа, а в разработке и реализации единой, консолидированной идеологии энергетики. Эта идеология предусматривает разработку согласованного правового пространства, инвестиционного блока для проведения взаимовыгодной политики энергоснабжения, обеспечивающей экологическую безопасность стран региона.

2. В настоящее время газовый сектор КНР вступает в новую фазу развития, что обусловлено ключевыми изменениями в политике руководства КНР и пересмотром своей стратегической линии китайскими газовыми компаниями. Побудительными мотивами развития газового сектора КНР является ухудшение экологической ситуации из-за увеличившегося потребления угля, рост ценовой конкуренции газа по отношению к углю, активизация проведения реформ в газовой промышленности, поощрение правительства рыночной конъюнктуры. Кроме того, экономическая ситуация в стране характеризуется относительной нехваткой конкурентоспособных отечественных нефтепродуктов, а также повышением жизненного уровня населения, что приводит к увеличению потребления газа для бытовых целей.

Возможность развития газового сектора китайское руководство тесно увязывает с привлечением иностранных инвестиций. Значительным изменением в политике Пекина стало открытие доступа для зарубежных инвесторов по цепочке операций, связанных с природным газом (до недавнего времени возможности иностранного участия в проектах, связанных с развитием и добычей газа, ограничивались операциями на прибрежном шельфе). В Китае полагают, что конкуренция на внутреннем газовом рынке будет выгодна как с точки зрения динамичного развития отрасли, так и с точки зрения сдерживания цен в интересах потребителей газа.

В Китае существует потенциально высокий спрос на газ, который будет диктовать быстрое развитие рынка этого сырья в стране в среднесрочной перспективе. Однако китайское правительство будет осуществлять жесткий контроль над этим процессом с тем, чтобы гарантировать как энергетическую безопасность государства, так и интересы национальных производителей.

В настоящее время в правительстве КНР в целом преобладает осторожный подход к импорту газа, в том числе из России и государств Центральной Азии. Китайская сторона на всех уровнях отмечает, что в настоящее время

мя в реализации газовых проектов опирается только на свою сырьевую базу, так как последние открытия в этой области (в Ордосском и Таримском бассейнах до 1 трлн.куб.м газа в каждом) позволяют спрогнозировать стабильные поставки природного газа в запланированных объемах в течение 15-20 лет. Емкость китайского газового рынка будет определяться как государственной политикой КНР, так и сложившейся на нем ценой на газ. В связи с этим долгосрочные прогнозы потребления природного газа в основных отраслях китайской экономики неизбежно будут подвергаться существенным корректировкам. Развитие китайской газовой промышленности будет напрямую зависеть от потребления газа на электростанциях для создания достаточного спроса для рентабельной эксплуатации газопроводной сети.

Наконец, несмотря на быстрорастущие потребности в газе, следует иметь в виду, что реализация существующих проектов в условиях неразвитости рынка потребления (отсутствии единой общегосударственной системы газопроводов, широкой газификации населенных пунктов, слабое развитие системы газораспределения в крупных промышленных центрах) может привести к перенасыщению рынка потребления газа и значительным экономическим потерям для поставщиков. В этой связи особую важность приобретает тщательное и комплексное изучение крупных проектов, включая вопросы гарантий потребления и возможного участия поставщиков в системе распределения через создание совместных предприятий или других форм сотрудничества.

В целом можно сделать вывод о следующих приоритетах в развитии газовой промышленности Китая за последние годы:

- развитие газовой индустрии в Китае будет ускорено, особое внимание будет уделено поисково-разведочным работам на газовых месторождениях в СУАР и некоторых других крупных бассейнах;

- получит дальнейшее развитие газовая инфраструктура, включая строительство магистральных трубопроводов, распределительной сети, крупных подземных хранилищ газа;

- параллельно с развитием добычи газа будут создаваться мощности по переработке газа, включая крупные комплексы по производству удобрений и другой химической продукции на базе природного газа;

- в целях улучшения энергоснабжения и оздоровления экологической обстановки произойдет рост удельного веса природного газа в общем потреблении первичных энергоносителей в таких крупных городах как Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, Шэньян, Нанкин, Сиань, Чжэнчжоу, Ланьчжоу, Урумчи;

- по экологическим соображениям, а также для устранения нехватки в ряде районов нефтепродуктов будет развиваться ускоренными темпами производство транспортных средств на газе;

- будут формироваться благоприятные условия для иностранных инвестиций в целях разведки и добычи природного газа;

- будет усилена инженерная проработка проектов утилизации природного газа;

- сотрудничество с Россией и другими странами региона в области импорта природного газа и СПГ будет укрепляться.

3. Географическое положение России предопределяет ее особую роль в создании единого Евразийского газового рынка. На основе трансконтинентальной газотранспортной системы, сооружение которой прогнозируется в первой четверти XXI века, начнется формирование единого Евразийского энергетического пространства.

Нефтегазовые ресурсы восточных регионов России являются весьма масштабными и стратегически важными не только для этих территорий и России, но и для стран Азии. В целом суммарная годовая добыча газа в Восточной

Сибири и Республике Саха (Якутия), по оценкам Сибирского отделения РАН, может быть доведена к 2025 г. до 80 млрд куб. м в год. Геополитическое положение и значительный ресурсный потенциал России уже предопределили разработку целого ряда ориентированных на экспорт в страны Азии проектов добычи и транспортировки нефти и газа.

Новыми перспективными рынками сбыта российского газа могут стать такие азиатские страны, как КНР, Республика Корея, Япония. Россия заинтересована в сотрудничестве с Китаем в области обеспечения ресурсной базы. Речь идет о проектах, связанных с поставками газа в Китай, в случае недостаточности его собственной ресурсной базы. ОАО «Газпром» сегодня прорабатывает возможность участия в китайских проектах. Одновременно следует позитивно рассматривать участие китайских организаций в проектах в России, ориентированных на китайский рынок. Задача организации российских поставок газа может быть решена за счет освоения сырьевой базы Западной и Восточной Сибири, Республики Саха (Якутия), шельфа Охотского моря. В настоящее время существует более десяти проектов и предварительных проработок поставок газа из России в Китай и другие азиатские страны, среди которых стратегическое значение, на наш взгляд, с учетом реализации китайского проекта «Запад-Восток» имеет западно-сибирский вариант.

Китайский газовый рынок для России — новый, перспективный, но достаточно сложный, требующий немалых усилий по его развитию. Можно сказать, что в каком-то смысле он конкурирует с традиционными для Газпрома европейскими рынками. Приглашение Газпрому участвовать в проекте строительства транскитайского газопровода «Запад-Восток» стало первым важным шагом в деле закрепления на этом перспективном рынке. Решение этой задачи создаст экономические предпосылки для будущего экспорта российского газа в КНР. Что особенно важно, инвестиции в строительство газопровода и добычу являются «входным билетом» для получения доступа к распределению и маркетингу газа, то есть в тех секторах, где формируется основная норма прибыли в газовом бизнесе.

Реализация этого проекта, а также связанное с ним развитие рынка природного газа на востоке Китая откроет возможности для поставок российского газа в будущем на уже сформированный рынок. Но следует подчеркнуть, что трассы в Китай через Красноярский край и Иркутскую область позволят обеспечить газом и российских потребителей, ранее не имевших возможности использовать этот энергетический источник. Это будет способствовать оживлению экономической ситуации и улучшению экологической обстановки в регионе. Кроме того, строительство магистралей от Единой системы газоснабжения России до соединения с китайской сетью может рассматриваться как стержень будущей Азиатской газопроводной системы. Иными словами, интегрированный проект «Западная Сибирь — Тарим — Шанхай», а также реализация проекта поставки российского газа с Ковыктинского газоконденсатного месторождения в Иркутской области в Северо-Восточный Китай могут стать основой для создания ЕСГ КНР, и в перспективе — евроазиатской системы газопроводов.

Участие в проекте «Запад-Восток» открывает перспективы для поставок российского газоперерабатывающего оборудования и передовых технологий. Тем самым у Газпрома появляется реальная возможность сократить свое отставание от ведущих западных ТНК и не позволить им захватить наиболее привлекательные сегменты китайского рынка. Говоря об освоении рынка газопотребления в Китае, нельзя не отметить, что оно потребует колоссальных инвестиций. Объем таких инвестиций, связанных с газификацией КНР в пределах пропускной способности газопровода «Запад-Восток», оценивается в настоящее время примерно в 15-18 млрд долл. и включает инвестиции в строи-

тельство газопровода, а также затраты на разведку, добычу и газификацию. Это вопрос многих лет, и в решении данных вопросов не обойтись без государственной поддержки. Инвестиционный фактор вызывает необходимость поиска стратегических партнеров в целях решения комплекса проблем, связанных с финансированием данного проекта. Не исключено в этой связи подключение в какой-либо форме стран, граничащих с Китаем и объективно заинтересованных в поставках газа, например Республики Корея и Японии.

Итак, Китай не собирается в ближайшие 10-20 лет прибегать к внешним источникам поставок газа. Эта политика отвечает и нашим интересам. Выйти на нынешний «неподготовленный» китайский рынок с большими объемами газа и транспортировать его на большие расстояния экономически невыгодно. С развитием внутреннего газового рынка КНР реально встанет вопрос и о его поставках из России. Для этого, правда, необходимо создать плацдарм (освоить газовые ресурсы Сибири и Дальнего Востока), а также получить экономически приемлемые условия для инвестиций в китайские проекты. Кроме того, необходимо учитывать интересы развития регионов Сибири и Дальнего Востока. В настоящее время Газпромом серьезно прорабатывается вопрос создания Единой системы газоснабжения Дальнего Востока России, и этот процесс вполне может быть синхронизирован с решением аналогичной задачи в Китае. Это служит дополнительным фактором совместного успеха нашего взаимодействия с КНР.

Государственный подход к новому геостратегическому направлению экспортной газовой политики на Восток — в Китай и другие страны Восточной Азии — подразумевает четкую координацию проектов, необходимость координации деятельности российских компаний по экспортным поставкам газа, включая регулирование ценовой политики с тем, чтобы исключить конкуренцию наших компаний между собой посредством демпинговых цен. По нашему мнению, в роли координатора данной деятельности на газовом направлении в рамках единого экспортного канала при поставках газовых энергоносителей на азиатский рынок должен выступать Газпром.

Вместе с тем, принимая во внимание ожидаемый рост цен на СПГ и прогнозируемое расширение потребления этого энергоносителя в азиатских странах, российские месторождения могут стать вполне конкурентоспособным для этого региона источником получения крупных объемов газа, при разработке конкретных проектов экспорта российского газа в страны Азии необходимо принять во внимание то, что инфраструктура азиатских стран ориентирована на импорт СПГ, и в настоящее время имеется большое число проектов и предложений по поставкам СПГ, что значительно осложняет выход новых продавцов на азиатский рынок. К тому же необходимо проявлять осторожность при оценке конкурентоспособности природного газа, учитывая, что при больших расстояниях сжиженный природный газ дешевле газа, поставляемого по трубопроводам.

4. Безусловно, экспорт российского газа в азиатские страны не может и не должен быть самоцелью. Обладающие значительным ресурсным потенциалом регионы Восточной Сибири и Дальнего Востока России нуждаются в собственной развитой топливно-энергетической базе. Однако ориентация исключительно на отечественные финансовые и производственные возможности не позволяет осуществлять более или менее серьезные проекты разработки месторождений углеводородного сырья, газификации промышленности и населенных пунктов.

Динамично развивающийся энергетический рынок Азии имеет стратегически важное значение для России не только по геополитическим и внешнеэкономическим мотивам. Международная энергетическая интеграция на этом

направлении позволит эффективно решать внутренние проблемы Восточной Сибири и Дальнего Востока России. Это не только мощный импульс для промышленного развития богатых природными ресурсами российских регионов, но и уникальная возможность привлечь многомиллиардные инвестиции для надежного обеспечения восточных регионов России.

1. Комаров Ю.А. Возможные направления партнерства «Газпрома» со странами АТР. Россия в АТЭС и в АТР. Под ред. И.Д.Иванова, М.Л. Титаренко. М., 2001. С. 106.
2. Там же. С. 107.
3. Там же.
4. Жэньминь жибао. 1999. 18 апреля.
5. ИБАС. 1998. 2 ноября.
6. China Daily. Business Weekly. September 6 1997.
7. Прогнозные данные базируются на материалах экспертов КННК, представленных на международной конференции «Нефть и газ в Китае» (Шанхай, 16-17 марта 2000 г.). См. также БИКИ, №123. 2001. 25 октября.
8. Китайская Народная Республика в 2000 г.: политика, экономика, культура. М., 2000. С.114.
9. Чжунго шиюбао. 1997. 27 ноября.
10. ИБАС. 1999. 8 февраля.
11. Одна тонна СПГ, в зависимости от химического состава газа, составляет 1350-1450 куб.м природного газа.
12. БИКИ. №123. 2001. 25 октября.
13. Китайская Народная Республика в 2000 г.: политика, экономика, культура. М., 2000. С.113.
14. Разработка ТЭО проекта специалистами России, КНР и РК предполагается завершить в марте 2002 г.

Развитие городов и оптимизация экономической структуры Китая в XXI веке

© 2002

З. Муромцева

Развитие городов и их экономики, наметившееся в Китае со второй половины 80-х гг. прошлого века, представляет важную общественно-политическую тенденцию, оказывающую всестороннее воздействие на жизнь китайского общества.

В стратегии экономического развития страны в последние годы оно занимает особое место. Необходимость оптимизации экономической структуры в условиях роста и углубления глобальных процессов в мире предопределяет настоятельность перехода от пассивных мер по урегулированию не соответствующей стратегии развития экономики к более активным действиям. Одно из направлений оптимизации экономической структуры — городское развитие. Оно приобретает важное значение по целому ряду причин. Прежде всего необходимость концентрации внимания на интенсивных факторах роста экономики заставляет избавляться от излишней рабочей силы в существующих городах и приостанавливать приток неквалифицированного труда из деревни, что усиливает и без того тяжелый пресс демографического давления. Скрытая перенаселенность деревни, рост избыточного населения в условиях необходимости повышения эффективности сельского хозяйства, диктуемых и внутренними, и внешними (присоединение к ВТО) факторами развития, осложняет рост производительности сельскохозяйственного труда и развитие сельской экономики. Прогрессивные тенденции рационального землепользования все более подталкивают к укрупнению земельных владений в деревне и более эффективному использованию городской земли. Медленный рост доходов сельского населения и формирования новых точек роста экономики в условиях падения вклада экспортноориентированной экономики в рост ВВП затрудняет восполнение этого ущерба за счет роста потребительского спроса внутри страны. Все перечисленные проблемы должны решаться, в том числе и на пути ускоренного процесса урбанизации, так как уровень урбанизации в Китае на 10 процентных пунктов ниже по сравнению со странами, имеющими аналогичный показатель уровня ВВП на душу населения.

Урегулирование и оптимизация экономической структуры посредством развития новых городов и поселков отмечены в программе социального и экономического развития КНР в 10-й пятилетке (2001–2005) как одно из главных направлений. Они были отмечены и в таком документе, как “Девятый пятилетний план экономического и социального развития КНР и перспективная программа на период до 2010 г.”, утвержденном в марте 1996 г., но там не ставился вопрос об ускорении этого процесса.

Оптимизация использования земли в деревне наряду с необходимостью рачительного землепользования в городах, проблема трудоустройства населения и повышения жизненного уровня в условиях перехода к преимущественно интенсивным факторам роста определяют усилившийся интерес китайских ученых к исследованиям городского развития внутри страны и к теории и практике экономического развития городов за рубежом.

Если в научных зарубежных изданиях процесс развития городов определяется одним термином "урбанизация", то в китайских исследованиях наряду с термином "чэншихуа" (также означающим урбанизацию), в настоящее время большое внимание обращается на термин "чэнчжэньхуа", где "чэнчжэнь" — малые города и поселки городского типа. Таким образом, процесс урбанизации в Китае приобретает специфические формы, заключающиеся в том, что крестьяне превращаются в городских жителей не прямо, а опосредованно — в результате строительства малых городов и поселков городского типа, в которых имеются некоторые городские формы и условия жизни. Такое приобщение к городской жизни при гипернаселенности Китая позволяет, с одной стороны, предотвратить в определенной степени рост избыточного населения в деревне, а, с другой, — сдерживать натиск крестьян, рвущихся в крупные и средние города в поисках средств к существованию.

На протяжении второй половины XX в. в Китае население было разделено на сельскохозяйственное и несельскохозяйственное, действовал целый комплекс административных мер, препятствовавших бесконтрольному перемещению жителей деревни в города. До начала экономической реформы, по мнению китайских ученых, процессы развития промышленности в городах и сельской экономики не имели органичной связи. Город отбирал у деревни материальные и финансовые ресурсы. Преимущественное развитие тяжелой промышленности не учитывало естественного средоточения населенных пунктов в сельской местности, объединенных по принципу интенсивных хозяйственных, трудовых и культурно-бытовых связей, называемых в научной литературе "агломерацией", которые подготавливают условия для зарождения новых городов. Стратегия ускоренной индустриализации вела к обнищанию деревни, разрыву в уровне цен на продукцию промышленности и сельского хозяйства. Если в период осуществления первого пятилетнего плана КНР (1953–1957) уровень индустриализации и урбанизации соответственно увеличился с 34,4 и 12,5% в 1952 г. до 43,8 и 15,4%, то в последующие более чем два десятилетия вышеуказанные показатели возросли в 1978 г. до 61,9 и 17,9%¹. Отсутствие роста урбанизации в 60–70-е гг. обеспечивалось жестким административным контролем миграции в города. Процесс развития городов и их экономики непосредственно решался правительственными указаниями, землепользование в городах не приносило больших выгод и зачастую было связано с убытками.

Воссоздание рыночного механизма с началом экономической реформы оказало значительное влияние на развитие городов и их экономики. Было признано, что урбанизация неизбежна и что она представляет необходимый процесс развития. Однако гипернаселенность китайской деревни обусловила двухуровневый процесс урбанизации. Помимо "чэншихуа", т.е. роста городов и их населения по мере экономического развития, формируется и расширяется сельская урбанизация ("нунцунь чэнхуа"), или "чэнчжэньхуа" — рост и развитие экономики и населения в малых городах и поселках городского типа. Первый тип урбанизации считается расширительным, второй — собирательным.

Впервые свободное перемещение рабочей силы из деревни, в том числе и на предприятия городов и поселков, было зафиксировано в 1983 г. в документе № 1 "Некоторые вопросы экономической политики в деревне в настоящее время". В 1984 г. было принято "Временное положение об использовании

крестьян по договору для работы в городских строительных отрядах, а также привлечения сельских строительных отрядов". По неполным данным, число работников-выходцев из деревни ("миньгун") в 1979–1983 гг. ежегодно составляло 850 тыс., в 1984–1988 гг. оно увеличилось до 1 млн 530 тыс. в среднем в год, а в 1992–1994 гг. достигло 1 млн 800 тыс.². Перетекание рабочей силы на работу на сельских предприятиях составило главный источник создания малых городов и поселков городского типа. Основой этих поселений стали декретные поселки ("цзяньчжи чжэнь"). Статус поселка им был присвоен в соответствии с нормами Госсовета КНР, утвержденными в октябре 1984 г. В 1985 г. численность таких поселков составляла 7956³. Во второй половине 80-х годов высокие темпы развития сельских предприятий превышали скорость образования декретных поселков. Сельская урбанизация отставала от потребностей быстро развившихся сельских предприятий.

С 1978 г. удельный вес зарегистрированных городских жителей в общей численности населения увеличился с 17,9 до 28,6% в 1994 г. В 1978–200 гг. число городов ("чэнши") возросло со 192 до 663. Количество декретных поселков в 2000 г. составило 19692. В 1995 г. число различного рода малых городов и поселков достигло 56 тыс.⁴. Население собственно городов ("чэнши") возросло с 210 млн человек в 1985 г. до 380 млн человек в 1995 г. в 2000 г. — 390 млн.

Несмотря на то что в ходе экономической реформы правительственный контроль по отношению к миграции населения был ослаблен, свобода передвижения официального городского населения и жителей деревни до последнего времени была ограничена. Городские власти и правительство обладают большими полномочиями в вопросах размещения труда, материально-финансовых средств и землепользования. В середине 90-х гг. только 8% сельских предприятий были расположены в малых городах и поселках, а также в малых промышленных районах ("гунъе сяоцзюй"), 12% — в малых торговых поселках ("сяо цзичжэнь"), а 80% продолжали работать в деревнях⁵.

Таблица 1.

**Динамика среднедушевого дохода городского
и сельского населения в 1978–2000 гг.**

Годы	В среднем на душу сельского населения, юаней	В среднем на душу городского населения, юаней	Отношение среднедушевого дохода городского населения к сельскому
1978	133,6	343,4	2,57
1980	191,3	477,6	2,50
1985	397,6	739,1	1,86
1990	686,3	1510,2	2,20
1995	1577,7	4283,0	2,71
1996	1926,1	4838,9	2,51
1997	2090,1	5160,3	2,47
1998	2162,0	5425,1	2,51
1999	2210,3	5854,0	2,65
2000	2253,4	6280,0	2,79

Источники: Чжунго шэцзхуэй тунцзи цзыляо. 2000. Пекин. 2000. С. 57; Чжунго тунцзи чжайяо. 2001. Пекин, 2001. С. 92, 97.

Несмотря на то, что уровень чистых доходов крестьян с 1978 по 2000 г. увеличился более чем в 4,7 раза, а уровень доходов в малых городах и поселках городского типа ("чэнчжэнь") примерно в 3,7 раза, разница в уровнях доходов сельского и городского населения в пользу крестьян изменилась очень незначительно. Правительство Китая, придавая особое значение расширению внутреннего спроса на фоне глобального замедления экономического роста в мире и снижения китайского экспорта, отмечает, что отставание процесса урбанизации затрудняет перелив излишней рабочей силы из деревни в город, развитие сферы услуг и, в конечном счете, тормозит расширение внутреннего спроса в стране. В начале XXI века эти проблемы усугубляют структурные противоречия в развитии экономики.

Категория "город" имеет больше прав в финансовой области, чем категория "поселок". В поселки дополнительно включаются сельские районы. Предоставление городского статуса не означает расширение границ зарегистрированного городского населения. Таким образом, реальные проблемы городского развития разрешаются лишь частично. Развитие малых городов и поселков городского типа и в 90-е гг. продолжалось административным путем в отрыве от естественных агломераций, не было общего перспективного плана, который учитывал бы необходимость рационального использования земли и охрану окружающей среды сельскими предприятиями, создание соответствующей инфраструктуры и недопущение дублирования производства.

Урбанизация в годы реформы привела к тому, что в 1995 г. по сравнению с 1981 г. в городах под строительство в среднем на одного человека использование негородской земли увеличилось на 35%.

Таблица 2.

Рост используемой под строительство земли в городах Китая в 1981–1995 гг.

		В целом по городам	Крупнейшие города	Крупные города	Средние города	Малые города
Используемая под строительство земли в городах в среднем на 1 человека, кв.м/на человека	1981 г.	74,10	68,86	62,21	76,48	102,51
	1991 г.	87,08	65,32	85,45	99,62	126,76
	1995 г.	101,20	74,64	87,97	107,94	142,67
Увеличение в среднем в год в период 1981–1995 гг., %		2,25	0,58	2,51	2,49	2,39

Источник: Люй Юйинь. *Экономический анализ развития городов*. С. 279.

Таблица показывает, что в крупнейших и крупных городах Китая земля под строительство использовалась более экономно, чем в среднем по стране. В 1995 г. размеры земельной площади, используемой под строительство, в среднем на душу населения в крупнейших городах были на 68 кв. м меньше, чем в малых городах. Это свидетельствует о том, что урегулирование и оптимизация экономического развития городов имеют перспективы более эффективно использовать городскую землю.

Как рационализацию городского землепользования можно рассматривать следующие изменения в структуре использования городской земли, происшедшие с 1991 по 1995 г.: если в 1991 г. жилые строения занимали 34,2%, общественные постройки — 8,8%, промышленность — 25,1%, складское хозяйство — 5,9%, внешний транспорт ("дуйвай цзяотун") — 6,2%, дороги и площади — 5,7%, коммунальное хозяйство — 2,75%, зеленые насаждения — 5,6%,

объекты особого назначения — 5,5%, то в 1995 г. они соответственно составили — 32,5%, 10,8%, 23,3%, 5,4%, 5,8%, 7,4%, 3,35%, 7,3% и 3,55%⁶

Система инвестирования строительства городов, до реформы сосредоточенная в руках центрального правительства, была диверсифицирована. В 1999 г. источники инвестиций из госбюджета составляли 8,6%, государственные кредиты — 17,3%, использование иностранного капитала — 6,6%, собственные средства предприятий и местных правительств — 56,9%, другие источники — 10,9%.

При создании малых городов и поселков городского типа в роли инвесторов выступают государство и крупные города, местные власти и сами крестьяне. В первом случае государство и крупный город совместно определяют расположение ключевых строительных объектов и доли инвестиций. Местные власти (в лице руководства уездных городов и волостей) выделяют средства на создание малых городов и поселков из своих доходов и налога на содержание городов и деревень (в 90-е гг. эти средства умножились вследствие возможности передачи права пользования землей через аренду и благодаря нормативам сборов на сделки по обороту земли). Сами крестьяне, выступающие в роли инвесторов сельской урбанизации, создают новый источник инвестиций городского строительства, появившийся в ходе реформы в результате аккумуляции средств у населения. По неполным данным, в первой половине 90-х гг. сумма таких инвестиций составила примерно 130 юаней. Крестьяне арендуют или покупают в городах и поселках участки земли для строительства торговых точек, магазинов, предприятий, оплачивают сборы за получение статуса жителя города или поселка.

С началом реформы расширились возможности для крестьян стать горожанами. Но новые горожане, как правило, не являются зарегистрированными. Зарегистрированное население городов до недавнего времени получало продовольственные талоны, дешевое жилье, бесплатное образование и ряд других льгот. В настоящее время для зарегистрированных горожан (которые рассматриваются как основные группы городского населения) вводится система социального страхования, включающая пособия по безработице, пенсии по старости, медицинское обслуживание и другие страховые случаи. В начале 90-х гг. от трети до половины городского населения, будучи не зарегистрированными, не могли рассчитывать на получение такой поддержки. Несмотря на смягчение и размывание границ между городом и деревней, сохраняются значительные различия между городами различных категорий. Как показывают обследования, жизненный уровень повысился во всех категориях городов, но по уровню организации здравоохранения и образования крупные города существенно опережают все остальные. Кроме того, развитие малых городов и поселков обусловило эволюцию китайского города в полугородское полудеревенское образование, следствием чего становятся растущие различия в жизни населения городов различных категорий.

Таблица 3.

Структура городов (“чэиши”) Китая в 2000 г. по количеству населения

Всего городов, ед.	В том числе с населением				
	свыше 2 млн человек	от 1 до 2 млн человек	от 0,5 до 1 млн человек	от 0,2 до 0,5 м. человек	от 0,2 млн человек и менее
663	13	27	53	218	352

Источник: Чжунго тунци няньцзянь. 2001. Пекин. 2001. С. 339.

Реформа, предусматривающая систему регистрации в крупных и средних городах, не может абсорбировать всех сельских мигрантов. Крестьяне получают

возможность поселиться в малых городах и поселках городского типа, поскольку в крупных и средних городах их низкая квалификация препятствует получению ими рабочих мест и, кроме того, местные власти не в состоянии предоставить им соответствующую социальную защиту, не говоря уже о жилье, образовании и т.д. Так, например, в таком огромном мегаполисе как Шанхай, к началу 2001 г. лишь 5,8 млн взрослого населения получило карты медицинского обслуживания и социального страхования. В дальнейшем еще 3,8 млн шанхайцев (в том числе студентов и городских занятых из числа приехавших из других провинций) также получат такие же карты. И лишь в 2003 г. большинство зарегистрированных жителей Шанхая будет обеспечено социальной защитой.

Темпы развития городов и городских агломераций в ходе реформы особенно ускорились в восточных и южных приморских провинциях Китая. Эти районы получили преимущества по сравнению со старыми промышленными базами, имея возможность благодаря иностранным инвестициям, главным образом предпринимателей Сянгана, Тайваня и Аомэня, воспользоваться результатами научно-технических достижений. По уровню ВВП на душу населения вновь созданные промышленные районы превысили в своем развитии старые промышленные базы.

Если в 1978 г. по уровню ВВП на душу населения вновь созданные промышленные районы в пров. Гуандун занимали 9-е место, в пров. Цзянсу — 6-е, в пров. Чжэцзян — 15-е, то в 1993 г. они соответственно поднялись на 4-е, 5-е и 7-е место. В то же время старые промышленные базы в пров. Ляонин и Хэйлуцзян, находившиеся в 1978 г. на 4-м и 5-м месте, спустились на 6-е и 20-е в общекитайском рейтинге.

В 90-е гг. почти 70 млн сельских жителей стали горожанами. 140 млн крестьян были переселены в малые города и поселки городского типа⁷.

Процессы урбанизации отражают продвижение индустриального хозяйствования в сельской местности, перемещение рабочей силы из деревни в промышленность, строительство, сферу обслуживания. Повышение научно-технического уровня традиционных отраслей промышленности и сельского хозяйства в условиях глобального экономического развития непосредственно связывается с расширением информационных технологий, базой которых в глубинке могут стать новые точки роста в виде возникающих новых городов и поселков городского типа. Новые города и поселки содействуют улучшению структуры города и деревни. Осознание того факта, что сдерживание процесса урбанизации усугубляет накопление избыточной рабочей силы в деревне, препятствует росту производительности труда и расширению внутреннего спроса в стране, поставило задачу ускорения строительства городов, выборочного развития поселков городского типа в местах агломераций и относительно сосредоточенного размещения поселково-волостных предприятий. Решение этой задачи, считают в Китае, должно опираться на технический прогресс, охрану окружающей среды, экономию используемых ресурсов, повышение качества продукции и рост эффективности производства⁸. Исходя из реальных условий в 90-е гг. частичную миграцию крестьян в города и экономически развитые районы стали рассматривать как потребность экономического развития. Фактически подверглась пересмотру антигородская политика с традиционным взглядом на более высокую значимость крестьянского труда. Было признано, что создание малых городов и поселков городского типа, особенно в результате концентрации в них модернизированных сельских предприятий, приносит пользу развитию промышленности, строительства, инфраструктуры, бытовых и социальных услуг, содействует укреплению рыночной системы в городе и деревне, постепенно формируя рациональное демографическое размещение и оптимизируя экономическую структуру. В этой связи предусматривается по-

этапно отказаться от препон на пути формирования поселков городского типа, реформировать право на местожительство, ликвидировать аномальные ограничения в миграции рабочей силы из деревни в поселки, рационально решая вопросы землепользования в городах и поселках. Что касается различных категорий городов, то предстоит активное развитие малых и средних городов, совершенствование функций городов центрального подчинения, расширение радиальной и ведущей роли крупных городов. Новые малые города и поселки ("чэнчжэнь") должны абсорбировать избыточных работников из деревни, дать им несельскохозяйственное занятие, снять демографический пресс с пахотных земель, способствуя тем самым индустриализации сельской экономики, повышению производительности труда и жизненного уровня, углублению и совершенствованию рационального землепользования в деревне и городе. В настоящее время почти 60 млн. крестьянских дворов вовлечены в процесс индустриализации сельскохозяйственного производства.

В период 1996–2000 гг. при ежегодном приросте населения в КНР в 0,9%, в деревне население уменьшалось за год на 1,2%, в то же время в городах и поселках городского типа ("ши чжэнь") оно ежегодно увеличивалось на 5,4%. Население городов и поселков городского типа ("шичжэнь жэнькоу") в 1985 г. составляло 250 млн 940 тыс. человек, в 2000 г. оно возросло до 458 млн 440 тыс. человек. За тот же период число крестьян в деревне уменьшилось на 180 тыс. человек⁹.

В марте 2001 г. Госсовет КНР одобрил в основном реформирование права на жительство ("хукоу"), по которому крестьяне могут постоянно жить в городе. Система постоянной прописки в течение последующих пяти лет должна постепенно быть заменена на систему регистрации занятости. Планируется построить более 10 тыс. малых городов и поселков городского типа, которые к концу 10-й пятилетки абсорбируют более 40 млн жителей деревни. На 2001 г. удельный вес населения городов и поселков городского типа приблизился к 36%, в то время, как городское население в мире в среднем составляет 50%. Избыточное население в китайской деревне в настоящее время превышает 150 млн человек и с каждым годом увеличивается на 5–6 млн человек.

В течение 10-й пятилетки (2001–2010 гг.) горожанами в малых городах и поселках пров. Хэбэй станут более 10 млн крестьян, в пров. Хэнань — от 15 до 18 млн человек. По данным газеты China Daily (January 11, 2002), в пров. Гуандун решено отбросить практику деления населения на сельскохозяйственное и несельскохозяйственное. По оценкам экспертов, мигрирующее население в настоящее время составляет в Китае 200 млн человек.

Предполагается, что в ближайшие 10 лет, т.е. в 2010 г., миграция сельского населения в города и поселки городского типа достигнет 176 . человек. Уровень урбанизации повысится с 36% в 2000 г. до 60% в 2020 г.¹⁰. Необходимость охраны окружающей среды в связи с грандиозными проектами урбанизации и стратегией масштабного освоения западного Китая обуславливает меры по постепенному переходу на платные услуги в природоохранной деятельности и превращении этой отрасли в новый источник экономического роста.

В настоящее время, когда китайский город подвергается процессу институционального реформирования, исследования экономического развития городов приобретают все большее значение. Ряд китайских ученых, исследуя естественные процессы городской агломерации (основой такого изучения послужили работы американских, западноевропейских и японских ученых), пытается теоретически обосновать воздействие эффекта агломерации (первоначальное скопление людей и их хозяйств на определенном пространстве, становящееся впоследствии базой будущего города) на структуру возникающих городов, рациональное распределение капитала, земли и труда. Они отмечают, что хотя в последнее время роль рынка значительно повысилась и увеличился удельный вес городской земли, находящейся-

ся в рыночном обращении, однако административные методы в этой области по-прежнему имеют важное значение. Во многих городах эффективность использования земли остается низкой. Между тем городские агломерации, образовавшиеся в ходе реформы, имеют несомненные преимущества по сравнению со старыми промышленными базами. С ускорением технического прогресса, в условиях глобализации старые городские агломераты и их пространственное расширение перестают соответствовать новым требованиям развития. В связи с этим китайские ученые предлагают в городском развитии решить две задачи: во-первых, устранить нерациональность концептуального развития городов традиционной системы, заключающуюся в административных решениях, и обратить внимание на преимущества естественного размещения городских агломераций, поскольку экономика агломератов своего рода произвольно возникающее общественное богатство, и, во-вторых, использовать научно-технические достижения для формирования городских фондов, выявления преимуществ структуры на основе естественно сложившейся городской агломерации. В развитии городов и агломераций появляются новые движущие силы. Исследование закономерностей городского развития с точки зрения единства хозяйственных и пространственных систем базируется на естественной связи между последствиями агломерации и использованием земли. Становление правительственной политики городского развития в новых условиях должно соответствовать тенденциям и процессам, учитывающим эффект агломерации. Рациональное размещение агломераций и возникающих на их базе городов может стать источником огромной общественной пользы, расширить научно-техническое развитие, снизить затраты и повысить благосостояние населения. Экономическое развитие и технический прогресс неизбежно влекут за собой индустриализацию и урбанизацию. Китайские ученые утверждают, что изучение проблем городской агломерации и эффективного использования земли является не только настоятельной потребностью при реформировании и развитии городов, но и объективно необходимо при решении проблемы оптимизации экономической структуры.

Следует, однако, отметить, что несмотря на большие усилия, предпринимаемые в Китае на разработку и совершенствование комплексной программы по контролю и регулированию миграционных процессов, в особенности перемещения сельского населения в город, стихийный характер миграции продолжается. Как показывает практика, миграция в условиях рыночной экономики — один из наиболее трудно управляемых процессов.

1. Люй Юйинь. Чэнши фацжань цзинцзисюэ фэнъси (Экономический анализ развития городов). Шанхай, 2000. С. 231.
2. Чжоу Шупэн, Го Кэша. Чжунго чэнсян цзинцзи цзи шэкуэй сетяо фацжань яньцзю (Проблемы экономики китайских городов и волостей и их согласованного социального развития). Пекин, 1996. С. 13.
3. Чжунго тунцзи няньцзянь 2001. Пекин. С. 363.
4. Чжоу Шупэн, Го Кэша. Указ. соч. С. 17.
5. Дили сюэбао. Пекин, 1999. № 2. С. 108.
6. Люй Юйинь. Указ. соч. С. 281.
7. Китайские вести. № 28. 2001.15 ноября.
8. Жэньминь жибао. 1997. 16 марта.
9. Чжунго тунцзи чжайяо 2001. Пекин, 2001. С. 5, 7.
10. Люй Юйинь. Указ. соч. С. 298.

Документы, архивы

Финал в Китае

(К истории создания книги о русской эмиграции)

Почти не публиковавшийся на Родине, Петр Петрович Балакшин считается самым известным русским писателем из восточной эмиграции. 11 томов Собрания сочинений Балакшина стали подлинной энциклопедией жизни русской эмиграции в Азии и в Сан-Франциско.

Петр Балакшин родился 22 сентября 1898 г. в семье заведующего почтовой конторой в Барабаше. Его мать Эйлис Фриман была дочерью финских переселенцев, живших около Владивостока в Кангаузе. Хабаровск, где Петр Балакшин провел свое детство, он вспоминал с особой теплотой. Перед его глазами стоял на высоком обрыве памятник Н.Н.Муравьеву-Амурскому. Он помнил свои юношеские мечты, которым предавался, стоя с барышнями на берегу Амура. Запомнились торговцы-китайцы, гольды на городских улицах. В Гродековском музее гимназист Балакшин познакомился с В.К.Арсеньевым. Он запомнил его рассказы о приключениях в тайге. Позднее в эмиграции запоем читал книги известного путешественника. Многие дал будущему писателю и его отец, который привез свои впечатления с русско-японской войны — он тогда заведовал военной почтой в Мукдене (Шэньяне). У отца были частые поездки по краю и он брал с собой Петра. Глава семьи скончался в 1911 г. в 51 год, мальчику было всего 13 лет.

Все лето 1916 г. Петр Балакшин провел в районе Бикина и Сихотэ-Алиня. Ему запомнились встречи с ссыльнокаторжанами. Эта была жизнь полная приключений. У юноши, как он сам отмечал, появился свой Дерсу Узала — старый одинокий бурят, пришедший из Даурии. Спустя многие десятилетия Балакшину снились картины чудесной жизни в тайге. Те летние каникулы были прощанием не только с детством, но и с мирной жизнью. Старший брат Всеволод, студент Московского университета, уже ушел добровольцем на Первую мировую войну, и Петр стал тяготиться учебой. Он не мог допустить, чтобы война окончилась без его участия. Сдав досрочно экзамены за школьный курс, он отправился на призывной пункт Хабаровска. Но ему дали направление не в действующую армию, а в военное училище.

С февраля по май 1917 г. Балакшин-младший учился в Александровском военном училище в Москве. Вместе с другими курсантами кричал "ура" Февральской революции, а в июне 1917 г. на его плечи при напутствии А.Ф.Керенского легли погоны прапорщика. Спустя четверть века Балакшин встретился с бывшим премьер-министром в библиотеке Гувера и напомнил о том далеком событии. У Керенского выступили на глазах слезы.

После училища юный прапорщик еще горячее стал рваться в бой. Голова по-прежнему была полна романтической дури, и только кровь и вши румынского фронта немного отрезвили его. Октябрь 1917-го поставил точку на будущей карьере защитника Отечества. Но возвращение домой не сулило отдыха. С февраля по август 1919 г. прапорщик Балакшин участвовал в боях против красных и даже получил "Анну" с надписью "За храбрость". Однако перспектива отличиться в борьбе со своими же земляками не особенно прельщала офицера. Немного пожив в солдатских казармах в Никольско-Уссурийском и Раздольном, он пришел к мысли, что пора прощаться с родиной, и в конце 1921 г. покинул Владивосток.

Помыкавшись в Китае по разным углам, летом 1923 г. Балакшин отправился на пароходе из Шанхая в Сан-Франциско. Этот город стал с тех пор для него второй родиной. Как и все эмигранты, первые несколько лет он боролся за выживание. Три года проучился на архитектурном факультете. Он был прекрасным художником и оставил после себя сотни акварелей, но новое увлечение — журналистика захватила его. Сначала он выпускал русскоязычную газету, а потом основал журнал "Земля Колумба". Вскоре вышли в свет и его первые рассказы.

Все было бы хорошо, но судьба вновь совершила неожиданный зигзаг: летом 1946 г. Балакшин ушел добровольцем в американскую армию. Он стал служить в должности историка при штабе Макартура в Корее, где написал фундаментальный труд о суде над военными японскими преступниками. Тогда же начало выходить собрание его сочинений из жизни русских эмигрантов в Маньчжурии, Китае и Америке. Тема русской эмиграции волновала Балакшина до конца его жизни. О том, как Петр Петрович работал над своей двухтомной эпопеей "Финал в Китае"¹, можно было бы написать отдельный большой роман. Предварительная его работа, насчитывающая тысячи страниц выписок, заняла десять лет, но можно сказать, что он писал свой роман всю жизнь, на себе почувствовав все страдания эмигрантской жизни. После "Финала в Китае", описывающего судьбу русских эмигрантов в Азии, он планировал издать новую книгу — о тех соотечественниках, кто нашел пристанище в Европе. К сожалению, писатель успел только систематизировать богатый документальный материал. Но и без того Балакшин оставил бесценное творческое наследие, в котором отразил и юношеские воспоминания о Приморье, и опыт эмиграции, и тонкие наблюдения за бытом и нравами русских людей на чужбине. П.П.Балакшин прожил долгую жизнь и скончался 29 июля 1990 г. в Ричмонде.

Из переписки П.П.Балакшина по поводу издания его книги "Финал в Китае"

Глубокоуважаемый Вениамин Васильевич!²

Виктор Петрович Камкин³ любезно дал мне Ваш адрес, предложил написать Вам относительно важного для меня вопроса. Дело в том, что я готовлю к печати книгу о русской белой эмиграции в Китае, охватывая период примерно с 1920 по 1949-1950, т.е. до момента ее окончания. Работа будет состоять из двух томов, первый из которых скоро пойдет в печать в Мюнхене. Этой работой я занят около пяти лет. Среди моих сотрудников-корреспондентов — Мартынов Н.А., Казнов И.П.⁴, Черемшанский Ю.А., Карнаух⁵ и другие. Начал я ее еще в Корее и Японии, где служил при американской армии в качестве военного историка.

Теперь по поводу моего обращения к Вам. В своих записках (написанных им по моей просьбе) Казнов касается дела Воронина⁶. Некоторые стороны этого дела я знаю из других источников. Понятно, что Казнов отводит себе особое место в этой истории. Кстати, считаю нужным заметить самое главное в моей работе: я не являюсь ни судьей, ни прокурором, ни обличителем, ни человеком, сводящим какие-то личные счеты. Я в Сан-Франциско с 1923 г. и за исключением десяти лет на правительственной службе на Дальнем Востоке, прожил все эти годы здесь, вдали от китайских событий. Мой подход в этой работе — беспристрастного, поскольку может им быть современник — историка, старающегося разобраться в причинах и следствиях исключительно важного по значительности вопроса возникновения, развития и распада русской эмиграции в Китае.

В главе о Тяньцзине я касаюсь того периода, когда Вы заменили Пастухина⁷, как глава эмиграции, и отвожу Вам достойное по Вашим заслугам место. Но в описаниях воронинских событий Казновым я чувствую, что чего-то не достаёт, что он не совсем верно освещает в них роль других лиц. Не будете ли Вы так любезны осветить эти события, как они были на самом деле, припомнив, кстати, и Неверовского⁸. Меня интересует техника и тактика арестов японскими жандармами и их русскими приспешниками. Имена японских жандармов, особенно отличавшихся жестокостью при допросах, имена их русских помощников, пытки и т.д...

* * *

3 августа 1956 г. Вашингтон

Дорогой Юрий Аполлонович!⁹

Только что получил Ваше интересное письмо от 23 июля. По возвращении из командировки в конце мая я получил от Вас материал, свернутый трубкой, затем в воскресенье одно встретил и познакомился с Полковниковым, который сказал мне, что Вы едете сюда и будете здесь в ближайшее время. Это отчасти и было причиной моего длительного молчания. Затем были кое-какие осложнения здесь личного характера. Мартынов писал мне, что Вы не довольны моим молчанием. Этим письмом я хочу убить сразу два зайца: ответить Вам и рассеять те сомнения, которые тревожат Вас по поводу материала о Китае.

Из книги о Китае я подготовил к печати только первую часть, озаглавленную "Смутное время", которая является фоном всей вещи и описанием условий, в которых пришлось жить русским эмигрантам. В первой части три отдела: "Московская вотчина", хозяйничанье советских агентов в Китае; "Десять лет" — попытка националистического правительства Китая стабилизировать страну; и "Крыша о восьми углах" — период японского продвижения в Китай. Это материал, основанный на официальных китайских, японских и советских данных, в котором не участвует ни один из моих сотрудников. С маленькой шлифовкой этот материал будет готов к печати в октябре.

Вторая часть — "Эмигрантская империя" сейчас в работе. Она разбита на города: Харбин, Тяньцзинь и Шанхай. В данное время я работаю над Харбином, свожу вместе все, что собрал по этому поводу. Тяньцзинь вчерне почти готов, но большую работу, как и Харбин, возьмет Шанхай. До сих пор все, что у меня есть о нем, это, главным образом, Ваш материал, из которого я еще в Токио сделал выборки и выдержки. Тон этой вещи, как я всегда говорил, останется беспристрастным — поскольку нам, современникам, можно оставаться беспристрастными. В разговоре здесь с Камкиным, успешным русским книго-

продавцем, книга будет иметь успех. Но это еще в будущем, писать об этом рано. Когда я приготовлю Шанхай, я пошлю Вам копию. Мартынов верит, что с его материалом я ничего не сделаю во вред ему (да и как бы я мог это сделать?). Сейчас он описывает дело Каспе и свое участие в нем, включая суд и приговор. Картина довольно зловещая...

* * *

23 августа 1956 г. Вашингтон

Дорогой Николай Андреевич!¹⁰

Вчера получил Ваши очередные записки, конец дела Каспе¹¹. Я искренне жалею, что невольно заставил Вас снова пережить эту тяжелую историю, которая, безусловно, как я могу судить, оставила у Вас глубокий след. Я повторяю то, что говорил много раньше: Я не судья и не прокурор, но в свою беспристрастность — поскольку это возможно в наших условиях я невольно вношу элемент человечности, одинаково в отношении одних и других, т.е. в данном случае — молодого человека, неповинного ни в чем, и участников этого дела, т.е. Вас. Вы описываете это очень сильно и выпукло. Есть некоторое нагромождение (как, например, причины, побудившие пойти на это дело), но при моем чтении Ваших записок они не мешали мне...

* * *

Из письма П.П.Балакшина Ю.А.Черемшанскому

27 мая 1958 г. Афины

[...] Теперь по поводу книги о Китае. Я долго думал о Вашем предпоследнем письме и обдумывал ответ Вам относительно Вашего наставления мне держаться правды. Не зная еще о содержании ее, Вы как-то уже составили о ней свое мнение и отсюда Ваш наказ — держаться правды. Правда в наши дни выражение затасканное, уже не говоря о том, что ею названа одна из самых лживых газет в мире. Не в каждом представлении правда — понятие универсальное. Думается, что так и в Вашем представлении. Если под правдой Вы разумеете дух книги, то я боюсь, что Вы на самом деле будете разочарованы. В ней нет “гром победы раздавайся”, пышных описаний “белых рыцарей”, утверждения своей правоты и навязывания политической воли.

Ваш материал, как материал Богунского¹², Мартынова и др., с убийственной ясностью доказывает, как эти пресловутые “белые рыцари” “бескомпромиссные борцы против коммунизма”, “стойкие антикоммунисты”, “национальномыслящие” и т.п. были одними из первых метнувшихся в советские объятия. Большинство из них до этого легко переходило из одной разведки в другую и лезли из кожи вон, чтобы топить своих сослуживцев и заручиться поддержкой новых. Ваш материал, как материал и других дальневосточников, с не менее убийственной очевидностью обрисовал вождей дальневосточной эмиграции, Пастухиных, Караевых, Родзаевских¹³, Третьяковых¹⁴, Карповых, Косьминых¹⁵ и т.п. Ваш материал, как материал других, дал мне возможность сделать необыкновенный вывод, что дальневосточная эмиграция явилась сколком советской жизни, что в ней существовали те же тенденции и особенности, которые принесли так много вреда русскому народу. Как партийная элита в Советской России, так и эмигрантские прислужники существовавшей власти, преимущественно японской, могли делать все, что хотели в отношении масс и делали все это безнаказанно.

В этом отношении Вы правы, между нами нет никакого единомыслия. Для меня одинаково отвратительно насилие слева, как и справа, как бы это "насилие справа" не облекалось в белые ризы "стойких антикоммунистов". Боюсь, что на самом деле книга о Китае будет безрадостной, но правдивой в ином смысле, чем Вы хотели.

Не в защиту — я в ней не нуждаюсь! — а в объяснение своей позиции (кроме того, что я вырос в либеральном доме, где не существовали понятия о жидках, виселицах и нагайках) я хочу сказать, что, будучи связанным пуповиной с дальневосточной эмиграцией, я избежал заражения особенностями ее. Для меня Бологов¹⁶, Мартынов, Глебов¹⁷, Карпов и сотни других — всего лишь объекты изучения и распознавания их позиций в эмигрантской массе. У меня нет партизанства, нет и напаянных на себя "белых риз". Я могу довольно терпеливо, как врач, делающий вскрытие, копаться в подчас отвратительных внутренностях дальневосточной эмиграции. Иными словами, ничто не застилает мои глаза в попытке разглядеть как можно яснее особенности дальневосточной эмиграции. Много вреда шло от властей, в меньшей мере от китайских, в большой — японских и советских. Еще больше вреда шло от своих же собственных вождей, которые, как говно в мутной воде, всплыло на поверхность эмигрантской жизни. Я понятен лишен возможности отобразить, детально сфотографировать всю дальневосточную эмиграцию и ее жизнь. Многое я принужден выпустить, умышленно проглядеть или свести в одно, суммировать, придать обобщающий характер...

* * *

24 июня 1958 г. Афины

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!¹⁸

Подтверждаю с признательностью получение Вашей рукописи, а вчера пришло дополнительное письмо. Я прочел два раза, но, правда, бегло, и поэтому затрудняюсь, пока точно и определенно коснуться его. Я должен разобраться в связи с другими, имеющимися у меня материалами и попытаться уяснить себе абсолютно точное представление о шанхайских событиях 1939-1941 годов. Упоминание о ген. Клерже весьма кстати¹⁹. У меня есть о нем, когда придут корректуры, я включу, что Вы сообщили о нем. Я считаю, что он также жертва беззакония и несправия, в котором одинаково участвовали и японцы, и некоторые русские.

[...]

Некоторые вопросы я еще должен согласовать с другими корреспондентами и имеющимся у меня материалом. Был бы Вам признателен, если бы Вы могли осветить, восстановленные по памяти, дни перед убийством Мецлера²⁰. Например, если у Вас была связь с Мацуда²¹ в то время, то, возможно, что он мог рассказать о готовящейся судьбе Мецлера. Если Вы были связаны с другими группировками, включая Кань²² и Куроки²³, Вы также могли слышать о том, что готовилось Мецлеру. Такая обрисовка подготовки в физических конкретных образах была бы мне не только полезна, но и нужна. Вы упоминаете, что убийцей Мецлера был кореец. До сих пор считали, что это был китаец. Каким образом Вы могли об этом знать? Знаете ли Вы о двух других корейцах, которые были арестованы в гараже на <улице> Вэсайде и затем под давлением японских властей освобождены?...

* * *

Из письма П.П.Балакшина А.С.Лукашину²⁴

(Без даты)

Вы предостерегаете меня относительно моих сотрудников. У меня о них мнение хорошо установилось: при встрече и долгой беседе с Вами мы коснемся этого подробно. Но они дали мне много материала. Часть я принял, часть нет. Все то, что я принимал, я старался проверить, изучить, сделать свои выводы. В такой большой работе — а это большая работа одного человека, делавшего ее в часы досуга, часто после тяжелой работы на службе — есть ошибки и промахи. Они неизбежны к сожалению. Я зачитываюсь гигантской работой историка Вилл Дурант <Will Durant> — “История цивилизации”, в которой он просит читателя быть снисходительным к ошибкам, допущенным им. Он работает, окруженный большим штатом исследователей, секретарей, машинисток. Я — один. Только для второго тома я решил воспользоваться машинисткой, которая живет во Франкфурте, что не совсем удобно. [...]

В поисках материала я написал десятки и десятки писем во все концы света. Большинство даже не нашло нужным ответить. Другие отговорились отсутствием времени, включая Вас, хотя Ваши данные о харбинской деятельности, размером одного или двух писем, могли бы быть развиты с другим материалом в отдельную главу. Я просил Бологова представить мне материал об эвакуации из Шанхая в Тубабао, которого у него очень много. Он ответил, что “архив еще не пришел, а, если и пришел, то нет молотка вытащить гвозди из ящика и вынуть бумаги”. Я просил о. Давида Шевченко материал о Тубабао. В Токио он у меня останавливался, знает меня хорошо, слышал я его рассказы о Тубабао. Есть у него написанный материал. Я просил его еще четыре года, обещал, но “сперва владыка должен благословить”. Владыка до сих пор благославляет, а материала у меня нет. Я просил Вас одолжить мне материал, имеющийся у Вас в музее, о Тубабао. Вы ответили, что по уставу музея и т.д. нельзя выслать. Я получаю книги и другой материал из Библиотеки Конгресса, они высылают их мне сюда <в Грецию>, а из Сан-Франциско, из Музея, где есть важный — не для меня, а для будущего историка — материал, и где во главе стоит мой друг, нет, там ничего не могу получить. Правильно это или нет, скажите мне! То, что я получаю материал от других — это плохо, т.к. они люди гадкие. А то, что Музей не дает материала, — это хорошо. Пусть накапливается сто лет, если кто-нибудь доберется через сто лет, хорошо, а если нет — что нам горевать, от нас и праха не останется! Но останется “Финал в Китае”, готовый уже первый том, и второй том, который несмотря на многие трудности, препоны, мышиную возню вокруг него, выйдет в свое время.

Дорогой Анатолий Степанович, отбросим в сторону укоры относительно того, что я не осветил. В статье для “Русской мысли” я подробно остановился на том, что меня интересовало в работе о Китае. Пусть кто-нибудь другой возьмется за другую фазу дальневосточной эмиграции — конкуренции нет, рынок большой, материала непочатый край — если только его можно добыть у вас, людей, держащих его под спудом...

* * *

Многоуважаемый Петр Петрович!

По просьбе г.Лукашкина А.С. и под его и Музея <Русской культуры в Сан-Франциско> ручательство посылаю Вам мои “Заметки о Тубабао”. Приветствую Вашу работу, желаю успеха. Посылаемая рукопись для меня очень и очень дорога по воспоминаниям, и я надеюсь, что по использовании Вами, она

будет возвращена мне в ближайшем будущем в полной сохранности. Я не знаю, как велико место, которое Вы наметили предоставить в Вашей работе лагерю на Тубабао? Также не знаю, какие и чьи еще заметки или воспоминания о нашем лагере есть у Вас? А ведь очень многое зависит от того, кем и когда они написаны, так как каждый из нас всегда рассматривает явление, событие и даже лицо раньше всего под углом своих личных переживаний и восприятий и очень редко может быть беспристрастным.

У меня за спиной не стоял ни муж, ни отец, ни брат, ни сын, и поэтому нам, как "одиночкам", было очень тяжело. Но я, как писательница, всю жизнь привыкла глубоко входить в каждое заинтересовавшее меня явление и добираться до самой его сути, безотносительно того, касалось ли оно только лично меня одной, или кого другого, или, наконец, целого общества. Поэтому в моем Дневнике ("Записки о Тубабао") я касалась буквально всех сторон лагерной жизни — плохих и хороших, всех более или менее значительных событий, и всех начальствующих лиц. Словом, описывала всю Тубабавскую эпопею, начиная с расселения нас на необитаемом диком острове, отгороженного как бы железным занавесом или колючей проволокой от всего остального мира, и куда нас поместили вопреки предложению Филиппинского правительства дать нам другой более благоустроенный и более удобный во всех отношениях остров. И особенно подробно я старалась выявить наше бесправие, всю нашу незащитность и всевозможное над нами измывательство имущих, этих безответственных диктаторов, доведших многих лагерников до полной потери здоровья, до глухоты, слепоты и смерти²⁵. Ведь потребовался целый год, пока эта "колючая проволока" была, наконец, прорвана, когда приехали управлять лагерем другие люди, были убраны все эти приснопамятные Богены, Вилькоки, Хань, Прейсы, Кацы, Бляжи, Циги и пр. и пр. имена...

Если Вы, Петр Петрович, не были сами на Тубабао, то Вам будет очень трудно составить действительную картину лагеря, и, если для описания его Вы уделите только каких-нибудь пять-десять страниц, выхватив для них из имеющихся у Вас источников (в том числе и из моих записок) лишь кое-какие события, то это читателю ничего не скажет. Вот прочтут люди такую краткую заметку и изрекут:

— Ну, что ж, ничего особенного, лагерь, как лагерь, не чета Дахау, где людей убивали и сжигали десятками тысяч. А на Тубабао как никак люди жили по несколько лет и все-таки не все умерли.

Совершенно верно, жили и не все умерли. И еще верно то, что сравнивать Тубабао с Дахау нельзя: в Дахау немцы отправляли людей для уничтожения, а Тубабао принадлежал не немцам, а ИРО, т.е. Интернациональной беженской организации, которая содержалась и работала на средства нескольких стран, главным образом Америки, и в ее задание входило не убивать людей, а сохранять их жизнь и здоровье. Вот только из-за этой маленькой "разницы в целях" их и нельзя сравнивать между собой. И эту "маленькую разницу" очень бы хотелось выявить при описании Тубабао...

С совершенным почтением О.Морозова²⁶

* * *

Запоздалое приложение к "Финалу в Китае". Убийца²⁷

Убийцей Аргунова²⁸ был Мартынов, его товарищ по военной службе. По словам очевидцев, убийство произошло следующим образом. На одной из тихих улиц Харбина встретились два человека. Неизвестно, было ли это случай-

но или встреча обусловлена заранее. Позже можно было сделать обоснованное доказательство, что все было предусмотрено заранее, даже выбор уединенного места. Ведь их встреча могла произойти всюду: на службе Мартынова, в реальном училище и дома у каждого из них.

Объяснение убийства было таким. Во время разговора Мартынов полез в карман за сигаретой и нечаянно задел курок взведенного револьвера, который выстрелил, убив наповал Аргунова. Подобное объяснение могло исходить только от Накамура²⁹, инспирировавшего убийство — японский ум, притупленный годами изучения китайских иероглифов, а с другой стороны, отточенной изощренностью, будь она в делах, допросах и пытках. Поместить в карман револьвер со взведенным курком, полезть за сигаретой, когда это было нужно и убить наповал?! И это для военного, знающего, как обращаться с оружием. Все — слишком фантастично, чтобы принять подобную версию о несчастном случае. Тем не менее, Мартынов был освобожден от подозрения и вернулся на прежнюю службу в китайскую полицию. Знающие люди это понимали и говорили шепотом “распоряжение сверху”.

Какие же причины привели Мартынова к убийству друга? Бесспорно, оно было выполнением поручения Накамура, этого властителя эмигрантских душ и судеб. Тут могло сыграть роль и партизанское движение, ради которого Аргунов мог требовать часть получаемых средств для группы, которой он мог распоряжаться. Тут могло быть и стремление Аргунова быть осведомленным о той роли, которую принимали японские власти в партизанском движении. Пустышная стоимость человеческой жизни под японской властью, безнаказанность, прикрытие виновных давали возможность для совершения подобных дел. Слезы, падение Мартынова на грудь убитого подсказывают раскаяние убийцы. Но приказание было выполнено, как тяжело бы это не было.

...Десять лет в Азии, удручающая нищета испепеленного воздушными налетами Токио, остро подчеркнутая привилегированными условиями жизни оккупантов, настойчиво требовали перемен. Желанный отпуск пленял мыслью о длительном странствовании по городам Европы, вплоть до Парижа, и оттуда после месяца, наконец, в Вашингтон.

Первый том “Финала в Китае” уже вышел в свет, второй подходил к концу. Библиотека Конгресса в Вашингтоне сулила возможность добыть дополнительный материал. Из старческого дома, где жил Н.Мартынов, приходили письма с просьбой о присылке денег. В одном письме он писал, что у него есть еще материал, о котором он не сообщил мне ранее, он настойчиво хотел поведать его мне.

В Брюсселе, куда я попал до Парижа, я вспомнил о письме Мартынова и по совету брюссельских друзей послал ему деньги на проезд и приглашение приехать в отель, где я остановился. Наутро мне позвонили и сказали, что меня ждет визитер. Я попросил подняться его наверх и попутно заказал завтрак для него. Я никогда не видел этого человека.

Небольшого роста, худощавый, с узким темным лицом и странной походкой, казалось его ноги двигались от колен, показался в двери. “Как это было, — начал он, — я не писал Вам об этом, думал, что все кончено. Я полез в карман куртки за сигаретой и нечаянно задел курок револьвера... Он выстрелил, и Аргунов оказался смертельно раненным...”

Тут он забился в громком плаче и упал передо мной на колени, прося пощадить его и простить. Зрелище было омерзительным. “Я вам не священник, не судья... Это дело вашей совести”.

Он еще долго бился в слезах, припадая к полу головой. Расспрашивать его о подробностях было излишним, я думал только как освободиться от него. Поезд на Париж уже ушел. Омерзительное чувство нарастало при виде пла-

чущего в ногах человека, в муках раскаяния, угрызениях совести. Слезы и падение на грудь убитого в сентябрьский день четверть века тому назад на тихой улице Харбина. Слезы и биение головой об пол в октябрьский день в отеле на одной из шумных улиц Брюсселя.

* * *

Публикация, комментарии и примечания А.А.Хисамутдинова, который благодарит библиографа Patricia Polansky и племянницу П.П.Балакишина Helen Sommers за помощь в подготовке публикации.

Для публикации использованы авторские копии, отпечатанные на машинке, а также оригинал письма О.Морозовой, отпечатанный на машинке с правой от руки и подписанный автором, из Русской коллекции эмигрантской литературы и архива П.П.Балакишина, находящихся в Гавайском университете (The Bancroft Library. University of California, Berkeley. USA.)

Публикуются с любезного согласия The Bancroft Library. University of California, Berkeley. USA и Hamilton Library of Hawaii University, Honolulu. USA.

1. Балакшин П.П. Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение Белой Эмиграции на Дальнем Востоке. В 2 т. Сан-Франциско-Париж-Нью-Йорк: Сириус, 1958. Т. I. 430 с.; Т. II — 374 с.
2. Письмо адресовано Вениамину Васильевичу Сапелкину (1890-1957). Жил в Маньчжурии с 1905 г. Занимался общественной деятельностью (1919-1925). Являлся городским головой г.Маньчжурия. Издавал газету "Живое слово", затем был старшим агентом на КВЖД. Уволившись, занимался коммерческой деятельностью, печатал в собственной типографии газеты, издавал журналы. Жил в Тяньцзине, где занимался издательской и общественной деятельностью. В 1953 г. эмигрировал в Бразилию, где был редактором русской газеты "Вестник Бразилии". После ее закрытия открыл издательство "Луч" и типографию. В 1956 г. прочитал серию лекций в Сан-Пауло и Рио-де-Жанейро, которые вошли в итоговую книгу "Пушкин и Достоевский". Скончался в результате автомобильной катастрофы.
3. Виктор Петрович Камкин (1902-1974). Жил в Шанхае с 1929 г., был совладельцем библиотеки и книгоиздательства "В.П.Камкин и А.П.Малык" (1933-1935). В 1937 г. переехал в Тяньцзинь, заведовал библиотекой и книжным магазином "Знание", где имелась типография и на заказ издавались книги. С 1948 г. жил в Циндао, являлся председателем Циндаоской эмигрантской ассоциации (с 25 января 1948). Осуществил эвакуацию российских эмигрантов из города. Покинул Циндао 13 февраля 1949 г. Владел крупным книжным магазином и издательством в США (с 1953).
4. П.И.Казнов — журналист, работал в газете "Восток" (1930-1932), в просоветских газетах "Трибуна" и "Ангаста". В декабре 1935 г. арестован японскими властями, затем освобожден.
5. Иллиодор Григорьевич Карнаух. Активный деятель Бюро по делам Маньчжурской империи в Маньчжурии. Публиковал статьи в "Китайско-Русской газете" (Шанхай). Выехал на Тайвань (1949), затем в Японию (1950), где встретился с П.П.Балакшиным. Был редактором-издателем еженедельной газеты "Неделя" (Токио, 1954-1955). Затем жил в Сан-Франциско, занимался журналистской деятельностью.
6. Константин Воронин (он же Мельников, 1908-1938). После уголовного преступления бежал во Владивосток, где, якобы, был завербован ОГПУ. В 1934 г. вернулся в Харбин и с помощью друзей стал сотрудником особого отдела полиции. Неоднократно участвовал в пытках русских эмигрантов.
7. Е.Н.Пастухин. Участник гражданской войны, офицер. Председатель Центрального антикоммунистического комитета Северного Китая в Тяньцзине.
8. И.Н.Неверовский жил в Харбине, арестован как симпатизирующий СССР.

9. Юрий Аполлонович Черемшанский (?-1975). Участник Первой мировой и гражданской (на юге России) войн. Гвардии подъяесаул. Жил в Шанхае с 1925 г., был в контрразведывательной работе против Коминтерна и СССР.
10. Николай Андреевич Мартынов (?-около 1966) — участник гражданской войны и деятель Бюро по делам Российских эмигрантов в Маньчжурии. Офицер уголовного розыска в Харбине. Связан с японскими оккупационными властями, участвовал в фашистском движении. Подготовил для П.П.Балакшина свои воспоминания — более 500 стр., которые хранятся в Нью-Йорке в Бахметьевском архиве (The Bakhmeteff Archive, Columbia University. Ca. 100 items. 2 boxes).
11. Семен Иосифович Каспе (?-1933) — талантливый музыкант, получивший образование в Париже. Сын богатого предпринимателя в Харбине. В начале 1933 г. приехал в Харбин навестить отца и дать несколько концертов, включая и благотворительный для бедных и больных. Затем собирался на гастроли в Китай и Японию. Поздним вечером 24 августа был похищен с целью получения крупного выкупа, который, якобы, должен был быть потрачен на борьбу с СССР. Похитители — Мартынов, Шандарь, Киригченко и Глушко. Вначале ему отрезали пальцы, затем убили. Убийцы были оправданы японскими властями и китайским судом.
12. Николай Филиппович Богунский (Шиманский). Окончил Варшавский университет, врач. Участник Первой мировой и гражданской войн. Жил в Шанхае с 1930 г. Председатель и основатель Общества друзей русской школы.
13. Константин Владимирович Родзаевский (1907-1946). Глава Российской фашистской партии в Китае, основанной в 1931 г. на 1-м учредительном съезде. Деятельно работал в Бюро по делам Российских эмигрантов в Маньчжурии, сотрудничал с японцами. Добровольно сдался советским властям. Расстрелян в Москве.
14. Митрофан Никитич Третьяков (1882-после 1946). С 1918 г. служил у атамана Семёнова, участвовал в карательных операциях. Жил в Шанхае с 1931 г., автор нескольких политических памфлетов "Прошлое и будущее русской эмиграции" и др. Выступал против К.Э.Мецлера. "Политическая деятельность вскружила голову Третьякова. Он совершенно свободно начинал говорить от лица всего русского Шанхая и считал себя связующим звеном между ним и японскими властями. Его тон стал еще более заносчивым и бесцеремонным. За вымогательство он был арестован на территории Международного сэттльмента и приговорен к тюремному заключению, но через месяц под давлением японских властей, был освобожден. [...] С обострением политической жизни русской колонии Шанхая и усилением давления со стороны японских властей уточнилась и роль Третьякова как политического деятеля. К этому времени он близко сошелся с "русским отделом" при японской газете "Дальневосточное время" и его японскими и эмигрантскими руководителями по самому бесцеремонному вмешательству в жизнь тридцати с лишним тысячной русской колонии" (П.Балакшин. Финал в Китае. Т. 1. С. 373-374).
15. Владимир Дмитриевич Косьмин (1884-1950). Генерал-майор колчаковского производства (1918). Активный член Антикommунистического союза в Тяньцзине, был тесно связан с японскими властями в Шанхае, претендовал на роль главы Российского эмигрантского комитета. После окончания Второй мировой войны эмигрировал в Австралию.
16. Григорий Кириллович Бологов (1895-1976). После смерти Ф.Л.Глебова возглавил Российский эмигрантский комитет. Провел последнее годовое общее собрание Российской эмигрантской ассоциации в Шанхае (30 мая 1948). Организовал отъезд российских эмигрантов из Шанхая. Являлся председателем Русского центра в Сан-Франциско. В последние годы жил в небольшой комнате Казачьего Союза.
17. Федор Львович Глебов (1888-1945). Генерал-лейтенант семеновского производства, командир Гродековской группы войск (с июля 1921), командующий Дальневосточной казачьей группой (с июня 1922). В Шанхай прибыл 14 сентября 1923 г. Организатор Русского Волонтерского отряда (1927). Председатель Совета Общественных Российских организаций и Российского эмигрантского комитета (с 1936).
18. Владимир Иванович Карпов (1892-после 1960) — деятель эмиграции. Присвоил себе звание генерала. Участвовал в покушении на С.Каспе в Харбине. Переехав в Шанхай, сотрудничал с японскими властями. Его материалы в книге "Финал в Китае" использованы со ссылкой на В.И.К.

19. Георгий Иосифович Клерже (1883-1938). Секретный сотрудник и резидент России в Тегеране во время Первой мировой войны. В гражданскую войну находился в ставке А.В.Колчака. Генерал-лейтенант семеновского производства и начальник штаба атамана Г.М.Семенова. Военный советник маршала Чжан Цзолиня (с 1922 по 1927 годы). Жил в Шанхае с 1935 г. 22 января 1938 г. арестован японскими властями. После пыток расстрелян белыми эмигрантами в "Белом доме" в Тяньцзине.
20. Карл Эдуардович Мецлер (1886-1940). После окончания Санкт-Петербургского университета в 1911 г. стал дипломатом. Вице-консул генерального консульства в Шанхае (сентябрь 1917-1924). Секретарь Бюро по Русским делам. В 1935 г. избран председателем Российского эмигрантского комитета. Убит наемным убийцей.
21. К.Мацуда — советник по русским делам генерального консула Японии в Шанхае. Начальник В.И.Карпова.
22. Каньи — майор японской жандармерии в Шанхае.
23. К.Куроки (он же Тосио Курахаси) — капитан, подчиненный Каньи, организатор ряда политических убийств среди русских эмигрантов в Шанхае.
24. Анатолий Степанович Лукашкин (1902-1988). Окончил Читинскую гимназию и Институт ориентальных и коммерческих наук в Харбине. Был куратором Харбинского музея (1930-1941), затем жил в Сан-Франциско и работал морским биологом в Калифорнийской Академии наук. Председатель Музея Русской культуры в Сан-Франциско (1954-1965).
25. В частности, покончил жизнь самоубийством в лагере самый лучший военный историк гражданской войны в Сибири и автор многих книг Борис Борисович Филимонов (1901-1952). Эмигрантами была организована травля по причине его посещения в 1946 г. консульства СССР в Шанхае. На той встрече Филимонов выразил сожаление консулу об ошибках в советских изданиях, посвященных гражданской войне.
26. Ольга Александровна Морозова (1877-1968). Из автобиографии: "На литературное поприще вышла 20 лет назад, поместив в харьковской газете "Южный край" свой пасхальный фельетон "Березовая роща" под псевдонимом "М.Александров", так как тогдашний издатель и редактор газеты Юзефович относился к сотрудничеству у себя девиц более чем скептически. Так этот псевдоним и остался за мною на всю жизнь. Последние восемь лет своего проживания в Сибири я сотрудничала во всех западносибирских периодических изданиях, причем отрывки из романа "Судьба" были еще в 1919 году напечатаны в семипалатинской газете "За свободу". В эмиграции, будучи закинутой в глухой угол Китая и не имея возможности и средств к изданию уже законченного романа "Судьба", с прологом к нему "Невозвратное", я все-таки сумела связаться с кое-какими восточными газетами, и фельетоны мои, а также статьи на политические и другие темы под общим заголовком "Факты и мысли" были напечатаны в годы 1928-1934 в газетах "Слово", "Шанхайская заря" и журнале "Парус".
27. Последняя статья П.П.Балакшина, опубликованная за месяц до смерти писателя — Дело Аргунова. Убийца // Русская жизнь. 1990. 26 июня. С. 3.
28. Афиноген Гаврилович Аргунов (1886-1932). Командир стрелковой Сибирской бригады, полковник, награжден орденом Св. Георгия. Один из руководителей успешной обороны Спасска. Учитель географии и классный наставник в Харбинском реальном училище. После 1923 г. организовывал и отправлял белые партизанские отряды в Приморье.
29. Накамура — офицер японской жандармерии в Харбине.

Философия

Философия в рамках культуры, ориентированной на канон: схоластика европейского средневековья и «учение о принципе» эпохи Сун

© 2002

В. Курносова

В прошедшее столетие детальные антропологические и культурологические исследования, сопряженные с ними философские размышления и просто повседневность межкультурных контактов показали, что не так-то просто подвести под конкретные культуры несомненно существующие «общечеловеческие основания». Несмотря на декларируемую открытость современной культуры западного типа всем ветрам мира, интеллектуальный mainstream не спешит с освоением иных традиций в их полноте¹.

Одним из существенных препятствий на пути синтеза культур представляется неадекватность псевдоуниверсального понятийного аппарата, применяемого для их описания. Насколько, например, целесообразно применение в иных культурных контекстах такого широкоупотребительного термина, как «философия»? Это слово отсылает прежде всего к европейской традиции, но и в последней содержание термина претерпевало значительные изменения. Вплоть до Нового времени в круг философских дисциплин включались астрономия и физика, а в современной англоязычной аналитической философии многие традиционно философские вопросы выводятся за пределы собственно философского рассмотрения. Сам статус философии менялся не один раз: она провозглашалась и царицей наук, и служанкой богословия, и всего лишь методом. Таким образом, даже в пределах одной культуры встает вопрос о выборе угла зрения и перспективы изложения — по сути, вопрос определения объекта, обозначаемого термином «философия».

В рамках одной традиции зачастую позволительно ограничиться неким интуитивно понятным образом, скажем, «мудрость Запада»². Но вряд ли этот образ в том же виде предстанет перед нами на координатной сетке иной культуры. Современное китайское слово *чжэсюэ* — философия (букв. «учение о мудрости») — вообще является поздним заимствованием из японского, где оно появилось как перевод западноевропейского понятия. Иначе говоря, в дальневосточных культурах аналогичное европейскому общее название универсаль-

ного, казалось бы, культурного феномена просто отсутствовало. Были частные обозначения направлений интеллектуальной практики, строившиеся с помощью прибавления к смысловой основе термина морфемы *сюэ* («учение», «теория»), например *цзинсюэ* («каноноведение»), *сюаньсюэ* («учение о сокровенном»), *лисюэ* («учение о принципе»), *чжусюэ* («чжусианство»).

Попытаемся отыскать философию в так называемых четырех отделах каталогов императорских библиотек в Китае. В общих чертах эту тематическую классификацию, использовавшуюся с незначительными изменениями в течении 16 столетий, можно представить следующим образом³:

Отдел	Варианты перевода	Примерное содержание
Цзин	Классики, каноны, основы	«Книги основы» (произведения конфуцианского канона в разных редакциях и канонические комментарии на них) «Малое учение» (руководства и материалы по изучению канона) «Книги утка» (некоторые неканонические комментарии)
Ши	Историки, история	Официальные и неофициальные династические истории Исторические материалы, за исключением архивных Юриспруденция Жизнеописания Физическая география Генеалогия Библиография
Цзы	Философы, мудрецы	Поздние конфуцианцы Угасшие философские школы (легисты, моисты и т.д.) Даосы и буддисты Военное дело Сочинения по аграрным вопросам Натурфилософия (<i>у син</i> — «пять переходов») и астрономия Календарь и гадание Алхимия и врачевание
Цзи	Сборники, антологии	Стихи и изящная проза Сборники отдельных авторов Жанровые и тематические сборники сводного характера

В настоящей классификации материалы, которые принято ныне относить к философии, разведены по разным отделам — *цзин* и *цзы*. Так, «Си цы чжуань» («Толкование словесных связей») — наиболее философский канонический комментарий на «И цзин» («Канон Перемен») — входит в *цзин*, в то время как многочисленные трактаты по ицзинистике не менее философского характера относятся к *цзы*. При этом и *цзин*, и *цзы* весьма далеки от однородности. Включенные в них подразделы могут вызвать недоумение у европейца (аграрные вопросы? календарь и гадание?). Кроме того, *цзин* и *цзы* в этой иерархической классификации разделены *ши*, историческим отделом, который считается более важным, чем *цзы*. Зато серьезные философские произведения можно обнаружить по соседству с поэзией в разделе *цзи* — среди «сборников отдельных авторов».

Таким образом, ориентация на изоморфный перевод из нашей рубрики в иную неизбежно даст искаженную картину другой культуры. Поэтому в случае сопоставления различных культурных контекстов возникает настоя-

тельная необходимость задать минимальный набор признаков, позволяющих опознать философию в данном виде манипуляции с языком и миром. При этом следует искать не жестко очерченный образ-объект, имеющий твердо установленное место в рубрикации культурных объектов, но «пучок» признаков, которые могут быть растворены или заслонены многими другими признаками в объекте из иной культурной реальности. В таком случае философия скорее всего предстанет перед нами не как самостоятельная дисциплина, но как составная часть более широкого вида деятельности. Обнаружение же того или иного признака из набора еще не дает оснований говорить о философии как таковой.

Намеченный подход располагает к рассуждению не столько о философии — конечном продукте или процессе, сколько о философствовании — занятии, которое в самом общем виде является типом взаимодействия человека с миром в пространстве языка. Более конкретно философствование можно определить как выражение основных смыслов культуры с точки зрения построения этих смыслов. Философствование предполагает использование слова, а также, с необходимостью, осознание языка как инструмента взаимодействия с миром. Выражение смыслов может осуществляться и в мифе, и в ритуале, и в музыке, и в сакральной деятельности, но только язык может описывать сам себя, продуцируя таким образом метаязыки.

Итак, философствование появляется и обособляется только там, где слово, а не, скажем, камень или музыка, становится основным средством передачи главных смыслов культуры, осознавшей, что мир отражается в ней через призму языка. Философствование может быть очень разным по своему объекту и приемам, но всегда предполагает осознание наличия языковых структур, отражающих мир, т. е. рефлексию сознания по поводу самого себя.

Именно это позволило грекам, по словам С.С. Аверинцева, «высвободить для автономного бытия теоретическое мышление, которое... превратилось из мышления-в-мире в мышление-о-мире»⁴. Именно это роднит китайскую традицию с европейской и отличает обе, например, от древнеегипетской, хотя характер, способы и формы философствования там и здесь весьма различны.

Пожалуй, наиболее фундаментальное отличие проявляется в том, что современный буддолог А. Пятигорский назвал интенциональным контекстом, т. е. есть набором интуитивно ощущаемых целевых установок культуры⁵. На Западе движущей силой рефлексии явился импульс к мирозиданию, желание построить мироздание. Философия родилась как космология и космогония и продолжала в подавляющем большинстве случаев опираться на онтологию даже после Сократа и софистов. В Китае же целью любой мысли являлась манипуляция миром в интересах человека, упорядочение Поднебесной как сферы действия человека. Иероглиф *чжэ*, избранный японцам для калькирования термина «философия», в древнейшем словаре «Эр я» («Приближение к классике», II-I вв. до н.э.) толкуется через иероглиф *чжи* («ум», «разум», «мудрость»). Согласно другим древним толкованиям, *чжэ* означает «знание людей». В древности существовало также слово *чжэжэнь*, т. е. «знающий человек», которое указывало на «совершенного мудрого государя» (*шэнцзюнь*) и вообще на тех, кто по праву является наставниками людей. Неотъемлемым признаком *чжэ* является обретение мудрости в себе и способность применить ее в мире. Практика совершенствования себя и упорядочения Поднебесной неотделима от традиционной китайской мысли. Соответственно, главное место в последней отводилось спекуляциям о субъекте в мире, увиденном с социально-этической точки зрения.

Но как бы ни различались цели философствования и сама упаковка этого занятия в среде культуры, и в Китае, и в западном ареале оно занимало

лучшие умы, а в периоды с типологически сходными культурными параметрами философствование обнаруживало массу общих признаков. Ярким примером тому служат почти параллельные исторические формы философствования — средневековая схоластика периода ее расцвета (XI-XIII вв.) и неоконфуцианство эпохи Сун (960-1279).

Средневековая Европа и сунский Китай относятся к развитым культурам традиционного типа, для которых характерно господство ортодоксии и ориентация на замкнутый корпус канонических текстов. Это подразумевает экзегетический настрой в культуре и высокий статус комментария. Развитость традиции проявлялась, с одной стороны, в нацеленности на максимально полное использование ее потенциала — отсюда стремление к тщательности экзегезы и точности формулировок, а с другой стороны, в попытках «обогатить» традицию, что достигалось расширением базы ортодоксии и введением материала «со стороны». Рассмотрим отмеченные аспекты данного типа культурной традиции в следующем порядке: господство ортодоксии, расширение базы ортодоксии, экзегетический настрой и исчерпывающий характер разработок.

1. Господство ортодоксии. В отличие от классической философии заключения схоластики заранее ограничены рамками теологической ортодоксии, опирающейся на Библию. В китайской традиции данному ограничению соответствует ориентация на каноны-цзин. Это наиболее консервативный отдел библиографической классификации, который, начиная с эпохи Хань (206 до н.э. — 220 н.э.), когда конфуцианство получило статус государственной идеологии, даже не обсуждался. По наблюдению А.И. Кобзева, методологию изучения китайской философии и теологической литературы роднит «непреложное использование регламентированного набора канонических текстов, образующих неизбывный источник для всевозможных умозрительных спекуляций»⁶.

В схоластике исходят из Писания и возвращаются к Писанию, используя при этом авторитет Отцов Церкви и Аристотеля, отгеснившего неоплатоников. В конфуцианстве отправным пунктом и конечной точкой мысли является набор канонов, включающий в себя материал не менее разнородный, чем Библия, но столь же четко очерчивающий горизонты мышления.

Ученик великого Чжу Си (1130-1200) Чэнь Чунь написал труд, посвященный толкованию основных терминов, касающихся главных тем сунской философии — *син* («природа») и *ли* («принцип-структура»). Из 25 подробно разбираемых терминов подавляющее большинство взяты из канонического «Четверокнижия», состоящего из трудов собственно конфуцианской школы. Два термина онтологического характера восходят к древним канонам: *Хуан цзи* («Высочайший предел») как социально-космический мироустроительный принцип — из «Шу цзина» («Канона писаний»), *Тай цзи* («Великий предел») — из древнейших комментариев-чжуань на «Канон Перемен». «Неканоническое» происхождение имеет только одно слово — *фо-лао* («буддизм-даосизм», букв. Будда — Лао-цзы), собирательное обозначение главных идейных противников и вечного соблазна тогдашних конфуцианцев⁷.

В схоластике выбор темы для философского обсуждения также в значительной степени обуславливался теологическими предпосылками. Э. Жильсон вообще считает, что все средневековые доктрины были теологиями. Ни одна из них не была философской системой; их главнейшие проблемы, их методы — все это было иным, нежели в философии, хотя «ряд положений о природе Бога, мира, человека могли применяться и современными философами и средневековыми теологами». Никто из схоластов не пытался изложить эти положения в собственно философском порядке, переходя от творения к Богу; напротив, на основании теологического принципа они всегда начинали с бытия Божьего⁸.

Но в то время как в Европе главным внефилософским фактором, влиявшим на философию, была религиозная вера, в Китае, по меткому определению одного современного китайского исследователя, «образованные люди не верят ни во что, а необразованные во все»⁹. Иначе говоря, статус канона покоился отнюдь не на религиозных основаниях. Каноны хотя и выносились за сферу сомнений, но информация, содержащаяся в них, считалась при этом почти всегда доступной для рационального постижения и объяснения. Схоластика же отводила рационализму сугубо подчиненную роль, но строго придерживалась рационализма в методологии. Именно теологи внесли наибольший вклад в развитие философии в XIII в., в то время как профессора факультета искусств больше интересовались историей философии.

Осознание напряжения между верой и рациональностью, характерное для европейской мысли, привело к уникальной двойственности самоидентификации. Фома Аквинский (1225-1274), утверждая, что невозможность бесконечного ряда никогда не была доказана, говорил как философ. А как теолог он был уверен, что мир имеет начало, что был мысленно определенный первый временной момент.

С течением времени в схоластике набирала силу тенденция к расширению области истин веры и, соответственно, к сужению области философии¹⁰. Фома Аквинский отверг одно из онтологических доказательств существования Бога, принадлежащее Ансельму Кентерберийскому (1093-1109), посчитав «незаконным» переход от абсолютного совершенства Бога к Его существованию, так как при этом происходит смешение концептуального и экзистенциального порядков. Сам Аквинат привел пять доказательств существования Бога, но ни одно из них не удовлетворило Дунса Скота (ок. 1270-1308) на закате схоластики, поскольку в них Фома опирался на чувственный опыт. Уильям Оккам (ок. 1290-1349) пошел еще дальше, утверждая, что существование Бога нельзя установить логическими средствами. Но и Оккам не ставил под сомнение христианские догматы, поэтому интерес к логическому статусу аргументов привел философа к увеличению числа положений, истинность которых можно узнать только благодаря откровению. Так, Оккам верил в человеческое бессмертие, но не в способность философа доказать, что человек имеет бессмертную душу.

Подобные коллизии не представимы в неоконфуцианстве, где понятия «догмат» просто не существует, а у веры и разума очень мало шансов вступить в конфликт. Эта традиция сохраняла творческий потенциал за счет внутренней противоречивости иного характера. На Западе *лисюэ* («учение о принципе-структуре») эпохи Сун стали называть «неоконфуцианством». Действительно, тогда в Китае оформилось новое национальное самосознание. Однако ни Чжу Си, ни кто-либо другой из основоположников *лисюэ* не считали себя новаторами, обновителями. По контрасту с космополитизмом эпохи Тан (618-906) для сунской мысли вообще были характерны «сознательный архаизм и культурная интроспекция»¹¹, попытки возвращения назад, к чисто китайским источникам и древней простоте. Ученые пытались лишь уловить «подлинный смысл» текстов, высвободить его из пут ошибочных интерпретаций, господствовавших, по их мнению, в течении 15 предшествующих веков. Признание своей философии новой было бы равносильно признанию ее неистинной.

2. Расширение базы ортодоксии. Как схоластика, так и *лисюэ* внутренне неоднородны. Оба направления получили импульс к развитию благодаря ассимиляции методов, выработанных иными традициями — либо предшествующими, либо исторически параллельными.

Положение схоластики все более упрочивалось по мере ввода в интеллектуальный обиход текстов греческих авторов. Христианская по духу и букве

схоластика выражала себя посредством греко-римской философии, хотя отношение к использованию античного материала варьировалось весьма широко. Вплоть до XIV в. сосуществовало два крайних подхода: запрещение использовать и даже читать древних авторов и дозволение широко прибегать к ним. При всей неотторжимости замечательных язычников от теологии средневековья «спасти» их из Дантова ада не представлялось возможным, разве только несколько улучшить посмертную участь, отведя древним мудрецам отдельный уголок. Но соблазн античности был слишком велик, поэтому средневековые позволяло себе, по выражению Блаженного Августина, отнимать «случайно оброненные истины» «у незаконных владельцев»¹². Св. Августину вторит один из столпов схоластики Фома Аквинский (1225-1274): мало значит то, что хотел сказать автор, важно то, что он сказал и что может быть использовано.

В параллель взаимоотношениям откровения веры и античной философии в европейской традиции можно поставить взаимодействие даосизма и буддизма с конфуцианством в *лисюэ* эпохи Сун. Правда, здесь приходится говорить не о преемственности, а о сосуществовании традиций. Труды, в которых излагались древние почившие доктрины, не удостоившиеся живой передачи, — учения Мо-цзы, легистов, эклектиков — сохранили, издавали и имели в виду, однако они не оказывали живого непосредственного влияния на мыслителей той поры. В то время как динамично развивавшиеся учения *фо-лао* нередко казались желанным запретным плодом. Сам Чжу Си отмечал, что лишь после двадцати трех лет преодолел увлечение философским буддизмом.

Вряд ли, однако, расцвет конфуцианской мысли стал бы возможным без теоретических разработок буддистов, а также космологическо-нумерологических штудий даосов. В трактате «Схема Великого Предела. Толкование Перемен» раннего неоконфуцианца Чжоу Дуньи (1017-1073) слияние конфуцианства и даосизма очевидно уже в названии. Весьма характерно и то, что в *лисюэ* одним из главных объектов внимания среди старых канонов стал «И цзин», который издавна и неизменно служил источником вдохновения для даосов. А наименьший интерес, если таковой позволительно измерять удельным весом комментариев, вызывал текст «Ли цзи» («Записки о ритуале»)¹³, хотя «ритуал/поведение», по общему признанию, является одной из центральных концепций конфуцианства и безусловной ценностью традиционного китайского общества.

Неудивительно поэтому, что до недавнего времени *лисюэ* считали неким синтезом «трех учений», усматривая именно в нем специфику неоконфуцианства. Однако в целом *фо-лао* неизменно встречало отпор и презрение со стороны последователей Кун-цзы. Еще танский предтеча и идейный вдохновитель неоконфуцианства Хань Юй (768-824) был решительно настроен против даосизма и буддизма, даже предлагал их упразднить. Оригинальность и новизну неоконфуцианства следует скорее видеть в ассимиляции и переработке идей даосизма и буддизма для решения собственно конфуцианских проблем, а также в развитии собственного идейного потенциала, которое позволило осмыслить и определенным образом решить проблемы, выдвинутые даосизмом (ранняя версия которого, помимо прочего, значительно ближе к конфуцианству, чем это обычно представляют). С этой точки зрения сходство китайской и европейской традиций бросается в глаза. Но там, где радикально мыслящему западному уму видится проблема самоопределения средневековой философии перед лицом теологии, китайская перспектива скорее высвечивает проблему совмещения христианства и греческой философии в рамках одной традиции на основе функциональной иерархизации.

Схоласты применяли аристотелевскую технику для решения проблем собственно христианского вероучения и для создания весьма различных в фи-

лософском отношении доктрин, которые, однако, равно вдохновлялись христианской духовностью. Так же и неоконфуцианцы, прибегая к буддийским методам аргументации и занимаясь построением нумерологических и космологических схем в духе даосизма, во главу угла ставили принципы и подходы собственного учения. По крайней мере, ни Китай, ни Европа того времени не дают пограничных случаев неопределенной доктринальной принадлежности философов. Даже Шао Юна (1011-1077), занимавшегося в основном гадательными практиками, нумерологией и космологическими спекуляциями, а не комментированием канонов, никогда не определяли иначе как конфуцианца. Подобным образом и увлечение Аристотелем на факультете искусств Парижского университета в XIII в. не побудило ни одного из профессоров отказаться от христианства.

К чисто китайским явлениям относится разрастание свода канонов при династии Сун. Именно в то время выделился и окончательно оформился корпус собственно конфуцианских идеологических текстов, «Сы шу» («Четверокнижие»), который оттеснил старые доконфуцианские каноны на второй план, или, по крайней мере, отодвинул их на второй этап образовательного процесса, в круг литературы, к которой не обращались непосредственно в экзаменационной практике.

3. Экзегетический настрой. Обе традиции опирались на канон (Священное Писание, старые и новые каноны), письменные источники, отстоявшие по времени как минимум на тысячелетие, и уже поэтому трудные для понимания. Забытый первоначальный смысл необходимо было восстановить. Глубина содержания источников настоятельно требовала все новых разъяснений, а богатство содержания допускало весьма разные, многоплановые и противоречивые истолкования. Таковы неизбежные следствия интерпретаторского подхода, но комментарий «правил бал» в Европе и в Китае по-разному.

В Европе новшество считалось грехом. В средние века основой всей духовной и интеллектуальной жизни была строго регламентированная практика ссылок на авторитеты, которая нашла свое наивысшее воплощение в теологии. Важнейшим авторитетом являлось Писание; к нему прибавлялся авторитет Отцов Церкви. В реальности этот всеобщий авторитет воплощался в цитатах, которые как бы превращались в «достоверные точки зрения» и сами начинали играть роль «авторитетов». Такие суждения были часто темны и неясны, они прояснялись глоссами, толкованиями, которые в свою очередь должны были исходить от автора, заслуживавшего доверия.

Нередко глоссы заменяли собой оригинальный текст. Из всех сборников текстов, отражающих интеллектуальную жизнь средневековья, больше всего обращались к антологиям глосс, из них же чаще всего делали заимствования. Собранием глосс, «отыскать источник которых, — по словам современного католического богослова о. Шеню, — уже довольно затруднительно», является посредственная «Сумма изречений» Петра Ломбардского, учебник теологии, на изучение которого университеты XIII в. отводили два года. И даже в «Сумме теологии» св. Фомы Аквинского, считает о. Шеню, обнаруживается довольно много считающихся авторитетными текстов, происхождение которых в действительности можно установить, лишь обратившись к искажениям в «glossae»¹⁴.

В Китае общая филологическая культура была гораздо выше. Тексты издавались всегда целиком и в процессе обучения также целиком заучивались. Никаких «шпаргалочных» сборников глосс и цитат не ходило по рукам. Неявное цитирование было широко распространено только в отношении общеизвестных канонических текстов, в остальных случаях источник обычно указывался. Интерпретаторская ориентация мысли находила выражение в преимущественном издании канонических текстов с комментариями последующих авторов.

И тем не менее обе традиции были глубоко новаторскими. Хотя бы потому, что любое повторение неизбежно несет в себе некоторое приращение (или урезание) смысла — невозможно дважды войти в одну и ту же реку. Поэтому комментирование легко и естественно превращается в рупор оригинальной мысли. В Европе этот факт отражает известное в эпоху расцвета схоластики высказывание Алена Лилльского: «У авторитета нос из воска, и форму его можно изменить в любую сторону»¹⁵. И, конечно же, к авторитетам прибегали в той мере, в какой они не противоречили собственным воззрениям писавшего.

В Китае при династии Сун в рамках изоэренной культуры текста происходила перестановка акцентов: всепоглощающая ориентация на источники сменялась более узкой направленностью на структуры смыслов. Это заметно уже у так называемых Трех господ начала Сун: комментариисунь Фу на летопись «Чунь-цю» («Весны и Осени») и Ши Цзе на «Чжоу и» («Чжоуские Перемены») отдают приоритет комментаторскому методу *и-ли* («значения и принцип-структура»), а не *сюнь-гу* («толкования и глоссы»), игравшему прежде главную роль; Чжу Си практически отбросил традицию ханьских конфуцианцев, ориентировавшихся на *сюнь-гу* — строго лингвистическое комментирование, и открыто сделал упор на *и-ли* — понятийное толкование. В «Сы шу цзи чжу» («Сводные комментарии на Четверокнижие») и в «Лунь юй цзи чжу» («Сводные комментарии на Рассуждения и беседы») он цитировал только своих сунских предшественников, братьев Чэн и их учеников, чрезвычайно редко обращаясь к досунским комментариям¹⁶. У Чжу Си эта особенность проявилась особенно ярко, но в большей или в меньшей степени направленность на переосмысление канонических текстов характерна для всех сунцев.

В отличие от Европы в Китае комментирование и было главной формой философствования — основным философским жанром, в то время как на Западе преимущественным способом выражения мысли был авторский трактат, и только затем комментарий. Важнейшими трудами Фомы Аквинского считаются «Сумма против язычников» и «Сумма теологии», написанные с 1259 по 1269 г., хотя в то же время он создал комментарии ко многим работам Аристотеля. Главные же произведения Чжу Си — это именно комментарии на старые и новые каноны, хотя он написал и несколько трактатов на специальные темы. По степени важности и распространенности трактаты уступали также *юй-лу* («записям бесед»), которые, собственно говоря, создавались учениками, и *цзян-и* («лекциям»). Им отдавался приоритет только перед авторскими сборниками философских стихотворений и писем¹⁷. Отчасти это обстоятельство связано с безраздельным господством в традиционной китайской культуре малых форм прозы, в свою очередь, возможно, диктовавших формат философствования.

4. Исчерпывающий характер разработок. В принципиально ограниченном мире обеих традиций их расширение и развитие происходило только за счет умножения и исчерпания связей, а также за счет тщательной разработки деталей. Применительно к Китаю минский автор Хуан Цзунси (1610–1695) описывал эту черту так: «Коровью шерстинку и ниточку кокона не оставили без разбора и анализа, воистину сумев развить то, что не было развито прежними конфуцианцами»¹⁸.

Приняв горизонт, очерченный ортодоксией, ученые той и другой традиций принялись наводить в его пределах максимально возможный порядок, хотя и делали это на совершенно различных методологических основаниях. В Европе умножение разграничений шло в полемическом духе выработки доказательств, в Китае — в уточняющем духе перебора всевозможных комбинаций отношений на уровне решения проблемы.

Доказательность, строгость, ясность, логичность, четкость ценились в Китае не менее высоко. Но как китайцы ни любили каталогизировать самые разные явления мира, у них нет ничего похожего на описи аргументов типа доказательств существования Бога у Ансельма Кентерберийского или Фомы Аквинского. Зато китайские мыслители часто приводили списки решения разными авторами тех или иных проблем, например, одной из наиболее фундаментальных проблем конфуцианства — вопроса о природе человека. А.И. Кобзев обращает внимание на тот замечательный факт, что за двухтысячелетний период развития конфуцианства — от Конфуция до Ван Янмина (1472-1529) — в нем были выдвинуты и разработаны практически все комбинаторно возможные решения проблемы соотношения в человеческой природе добра и зла. Сам Конфуций скорее всего считал ее нейтральной. В раннем конфуцианстве прозвучали взаимоисключающие утверждения Мэн-цзы о доброй природе человека и Сюнь-цзы — о злой. После перехода конфуцианства на положение государственной идеологии при династии Хань предшествовавшие концепции все чаще и чаще осмыслялись в качестве частных случаев более общей теории¹⁹.

Это стремление к универсальной ассимиляции нашло яркое выражение у Чжу Си: «Неодинаковость конфуцианских концепций природы не означает непонимания относительно добра и зла. Все дело только в неустановленности [смысла] слова “природа”». Необходимость уточнить значение того или иного термина, с тем чтобы сохранить и примирить максимально возможное число прежних разработок, влечет за собой привлечение новых понятий, соположение с другими терминами, вычленение различных планов дискурса. Идя по этому пути, Чжу Си говорил уже о двух видах природы: изначально-общей доброй и ее вторичных проявлениях, которые могут быть как добрыми, так и злыми. Вследствие этого добро и природа по разному соотносятся в зависимости от точки зрения: «В плане Неба и Земли добро — предшествующее, а природа — последующее ... в человеческом плане природа — предшествующее, а добро — последующее»²⁰.

Таким образом, проблема природы человека и другие темы, взятые из древних канонов — «сердце-сознание», «искренность-подлинность», «время и пространство» как Вселенная, «духи-бесы» и «духи-божества» — в сунском конфуцианстве наполнялись исторической перспективой и оказывались нагруженными большим количеством формальных и понятийных связей, получая новое содержание.

Заданность материала, которым приходилось оперировать христианским теологам и китайским философам, приводили, по словам А.И. Кобзева, «к вытеснению новшеств в область неявного, до-словного и за-мысленного, где блестящие идеи сверкают на тончайших смысловых гранях, возникая от легкого смещения трафаретных форм»²¹. Для авторов обеих традиций характерна повышенная чувствительность к малейшим оттенкам мысли, поэтому они пытались как можно точнее выразить, что именно имели в виду.

Средневековых западных философов, замечает Ф. Коплстон, «вряд ли можно обвинить в неуместной противоречивости, смутности мысли, неумении проводить различия или в замене точной формулировки броскими метафорами и привлекательными образами»²². В еще большей степени это относится к китайской мысли: сухие сунские комментарии и трактаты резко контрастируют с древними произведениями, зачастую строившимися на риторических и поэтических эффектах убеждения, а не на строгой детализации положений.

Сухость и рассудочность схоластики Ф. Коплстон объясняет в частности тем, что люди тогда искали руководства к жизни скорее в христианской вере, нежели в философии в узком смысле слова. И в этом также можно усмотреть близость к Китаю: обе традиции являются академическими, рассчи-

танными на высокообразованную и дисциплинированную аудиторию, которая пополнялась по каналам образовательной системы, а не вербовалась в широкой среде, как это было в Древнем Китае и в Древней Греции, и как часто происходит сейчас.

Конечно, описанная выше особенность средневекового философствования — это палка о двух концах. Пристальность и детализация, с одной стороны, чреватые измельчанием мысли, утратой широкой перспективы и блужданием в трех соснах, но с другой — дают замечательную глубину рассмотрения и зоркость к существенным тонкостям. Схоластическая логика не смогла перешагнуть рубеж нового времени, поскольку, пишет Н.И. Стяжкин, «не могла найти обобщающий алгоритм, который дал бы возможность закрепить достигнутое и идти дальше»²³. Поэтому современные исследователи схоластики вынуждены буквально переводить ее положения на язык современной логики и лингвистики. Однако, преодолев технические трудности разноязычия, Ю.С. Степанов в дереве суппозиций («подстановок термина» — имеется в виду подстановка в высказывание) Оккама находит детально разработанное учение о способах именовании индивидуальных объектов в рамках пропозиции, которое является вполне серьезным решением современной проблемы референции и дескрипции²⁴.

Одним из следствий и условий изоциренности механизмов интерпретации, характерной для обеих традиций, является внимание к знакам как символическим сущностям, через призму которых рассматривается реальность, и сопряженное с этим увлечение операциями со знаками. Европейский знак-символ, указующий на высшее, истинное и таким образом совмещающий разные реальности, разумеется, весьма отличается от китайского знака-образа, вычленяющего отдельные аспекты внутри единой реальности. Кроме того, логизированный символизм схоластов является лишь средством концептуальной разработки, а занятия «образами и числами» китайцам представлялись имеющими самостоятельное значение. Тем не менее, логические штудии Запада и образно-нумерологические построения Китая, по моему мнению, обнаруживают типологическое сходство и заслуживают отдельного рассмотрения.

Лисьюэ безраздельно господствовало в китайской официальной культуре в течении семи столетий. Влияние его хотя и постепенно затухало при последней династии Цин (1644-1911), но сохраняется вплоть до сегодняшнего дня. На Западе схоластика была сметена Возрождением, оказалась почти забыта и выжила в урезанном виде томизма. Но представляется не случайным, что обе традиции долгое время составляли главную образующую культурного пространства в своих регионах, задавали динамичный универсум мысли. Это стало возможным благодаря присущей им парадоксальности, ибо залогом жизнениности любой традиции является внутренняя противоречивость.

Поражающий воображение брак философии и христианского откровения в схоластике бросается в глаза. Внутренняя противоречивость неоконфуцианства менее очевидна, однако теоретизирование по поводу природы человека или Пути/*Дао* Неба создавало не меньшее напряжение внутри китайской традиции, чем доказательства Бытия Бога в Европе. Ведь смысл природы и Пути неизмеримо глубже того, что может быть схвачено и передано словом. Как утверждает в «Лунь юе» («Рассуждения и беседы») устами ученика Конфуция, «писания мудреца можно обрести, услышав; сказанное мудрецом о природе и небесном предназначении нельзя обрести, услышав» (5. 13).

Возрождающийся в современном мире живой интерес к традициям приводит к тому, что внутри их конфликт разума и недоступного разуму продолжает возобновляться в иных формах. Это и есть последняя и вместе с тем первая точка соприкосновения культур Китая и Запада.

1. Весьма примечателен и характерен, например, такой факт: «Хрестоматия по истории философии», изданная Московским педагогическим государственным университетом и рекомендуемая для студентов и аспирантов, имеет подзаголовок: «от Лао-цзы до Фейербаха», однако все включенные в нее китайские и индийские тексты относятся к периоду до новой эры, будто представленные ими философские традиции закончились на своих прародителях. См.: Хрестоматия по истории философии. От Лао-цзы до Фейербаха. М., 1997.
2. Рассел Б. Мудрость Запада. М., 1998.
3. Меньшиков Л.Н. Рукописная книга в Китае в I тысячелетии н.э. // Рукописная книга в культуре народов Востока. Книга вторая. М., 1988. С. 167-173.
4. Аверинцев С.С. Греческая «литература» и ближневосточная словесность // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 17.
5. Пятигорский А. Индивид и культура // Вопросы философии. 1990. № 5. С. 90.
6. Кобзев А.И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М., 1983. С. 44.
7. Сун-Мин лисюэ ши (История лисюэ [династий] Сун и Мин). Пекин, 1983. С. 9-10.
8. Жильсон Э. Философ и теология. М.: Гнозис, 1995. С. 78-79.
9. Фицджеральд С.П. Китай. Краткая история культуры. СПб., 1998. С. 415.
10. Коплстон Ф.Ч. История средневековой философии. М., 1997. С. 15.
11. Фицджеральд С.П. Указ. соч. С. 301.
12. Чит. по: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 106.
13. Практический «рейтинг» канонов того периода в порядке убывания: «И цзин», «Чунь-цю», «Ши цзин», «Шу цзин», «Ли цзи». См.: Сун-Мин лисюэ ши. С. 11.
14. См.: Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 303.
15. Там же. С.303.
16. Сун-Мин ли-сюэ ши. С. 12.
17. Там же. С. 13.
18. Там же. С. 20.
19. См.: Кобзев А.И. Указ. соч. С. 121.
20. Там же. С. 134-135.
21. Там же. С. 45.
22. Коплстон Ф.Ч. Указ. соч. С. 23.
23. Стяжкин Н.И. Схоластика // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970.
24. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985. С. 41-50.

Научная жизнь

Китай и Индия: стратегия и итоги социально-экономического развития

© 2002

Я. Бергер

Сопоставление траекторий экономического роста и его социальных последствий в Китае и Индии представляется и оправданным, и перспективным в силу ряда причин. У этих двух стран немало общего. Они далеко впереди всего остального мира по масштабам народонаселения. Причем числовые выражения этих масштабов сближаются: если в Китае благодаря эффективной государственной политике контроля над рождаемостью и существенному повышению жизненного уровня населения темпы демографического роста неуклонно движутся к нулевому значению, то Индия в силу более скромных достижений в этих двух областях быстро догоняет Китай.

Обе страны находились примерно на одной ступени экономического роста в начале 80-х годов, когда Китай начал свое стремительное восхождение по пути экономических реформ и открытости, а Индия задержалась с началом реформ на десятилетие. В 1980 г. ВВП в расчете на душу населения в обеих странах был примерно одинаковым. Несмотря на значительные успехи, достигнутые за два последних десятилетия, Китай продолжает оставаться развивающимся обществом, многие структурные особенности которого сближают его с Индией. В обеих странах изначально велик удельный вес государственного сектора в экономике, представляющего важнейший объект преобразований. И Индия, и Китай начали свое движение по пути индустриализации с акцента на развитие тяжелой промышленности. Перед ними в равной степени и сегодня стоит задача перемещения основной массы трудоспособного населения из сельскохозяйственного сектора в более производительные. Обе страны признают первостепенное значение рыночных реформ и укрепления связей с мировой экономикой в качестве неперемennых условий для успеха своего развития. Вместе с тем Индия и Китай существенно различаются в институциональном отношении, в механизмах принятия решений и их реализации, в историческом и социо-культурном контексте развития.

Бергер Яков Михайлович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

* По материалам международного научного семинара "Иностранные инвестиции и экономическое развитие в Индии и Китае", Калькутта, 28 февраля-2 марта 2002 г.

Компаративистский подход к исследованию современных социально-экономических процессов, происходящих в двух крупнейших развивающихся странах, за последние годы активно продвигается благодаря международным научным семинарам, инициативу по организации которых взяли на себя научные и образовательные институты Индии. Первый такой семинар, посвященный экономическим реформам, был проведен в Хайдарабаде в марте 1999 г. Институтом изучения Китая при Центре исследования развивающихся обществ (Дели), Индийским институтом менеджмента (Калькутта) и Хайдарабадским университетом. Второй семинар, которому и посвящена данная статья, состоялся в Калькутте под эгидой тех же организаций плюс Институт исследований развития им. Индиры Ганди (Мумбай). В нем приняли участие, кроме представителей названных и некоторых других индийских учреждений, также делегации ученых из Китая и России. В последнюю входили сотрудники ИДВ РАН д.э.н. А.В. Островский и автор этих строк. Были представлены также доклады китаеведов из университетов Лимерика, Гавра (Франция) и Беркли (США). Третий семинар, темой которого станет "Местное управление в Индии и Китае", намечен на январь 2003 г, и местом его проведения вновь будет Калькутта (Колката).

Внимание участников семинара было сосредоточено на трех основных блоках проблем:

- прямые иностранные инвестиции — преимущественно в Китае и в меньшей степени в Индии,
- экономические реформы, их социальный контекст и последствия в Китае и Индии,
- глобальная интеграция и положение исследуемых стран на фоне мирового экономического спада.

Прямые иностранные инвестиции. Проблемам первого блока были посвящены все четыре доклада из Китая, а также доклады автора данной статьи и одного из индийских коллег. Кроме того, эта тема так или иначе затрагивалась и в ряде других презентаций. Среди китайских докладов один рассматривал общие проблемы использования прямых иностранных инвестиций в Китае,¹ три других представляют региональные исследования (case-studies). В т. ч. одно касалось политики правительства провинции Цзянсу по привлечению и использованию прямых иностранных инвестиций², второе — прямых иностранных инвестиций в развитие высокотехнологичных компаний в г. Уси³ и третье — прямых иностранных инвестиций в провинции Юньнань.⁴ Российский доклад был посвящен роли прямых иностранных инвестиций в модернизации Китая и в решении основных социальных проблем⁵. Наконец, индийский доклад касался иностранного участия в реорганизации индийской промышленности на примере производства т.н. "белых товаров" (т. е. холодильников, морозильников, стиральных машин, пылесосов и т.п.) в Индии.⁶

Доклады, посвященные Китаю, в основном совпадают по подходам и по оценке роли прямых иностранных инвестиций в экономическом и социальном развитии страны. Хотя в отличие от Китая, который в течение первых трех десятилетий КНР был закрыт для вложения иностранных капиталов и очень мало прибегал к иностранным займам, Индия никогда не закрывала двери для иностранных инвесторов и для иностранных займов, именно Китай стал одним из основных реципиентов прямых иностранных инвестиций в мире и главным — среди развивающихся стран.

В докладах, представленных на английском языке, прослеживаются основные методы и средства, использовавшиеся Китаем на разных этапах для привлечения иностранных капиталовложений (включая создание специальных экономических зон, фискальные и иные преференции и т.п.). Отмечается, что

основными донорами являлись и являются представители китайской диаспоры из Гонконга, Макао, Тайваня, Сингапура, Таиланда, Малайзии, Индонезии, которые проложили путь инвесторам из стран Запада и Японии. Анализируются отраслевая и территориальная структура прямых иностранных инвестиций и стремление китайского правительства изменить ее в пользу капиталоемких и высокотехнологичных отраслей и слаборазвитых западных и центральных районов страны.

Предприятия с иностранным капиталом — важный фактор в стратегии ускоренного экономического роста Китая. Составляя сравнительно небольшую и при этом сокращающуюся долю в ВВП (2000 г. — 3,9%) и в совокупных капиталовложениях в основные средства предприятий (2000 г. — 7,1%) прямые иностранные инвестиции дают 16% налоговых поступлений в государственную казну. Предприятия с иностранным капиталом вносят весомый вклад в глобализацию китайской экономики, обеспечивая половину внешнеторгового оборота страны. Эти предприятия способствуют модернизации китайской экономики, развивая исследования и разработки, транслируя новые технологии и управленческие знания, и создают новые рабочие места, в т. ч. и для тех работников, которые высвобождаются в результате реформы государственных предприятий.

В региональных докладах по использованию прямых иностранных инвестиций в Китае подчеркивается, что для дальнейшего привлечения иностранных капиталов и особенно для того, чтобы эти капиталы из трудоинтенсивных отраслей все более направлялись в капиталоемкие, необходимо создавать дружественную административную среду, которая бы способствовала принятию быстрых и благоприятных для ведения бизнеса решений, ломала бюрократические барьеры и была прозрачной для инвесторов. С решением этой задачи несовместима практика существования правил и распоряжков, предназначенных “для внутреннего пользования” (“нэйбу”), которые могут служить лишь источником неуверенности инвесторов и их неготовности брать на себя риск капиталовложений.

Некоторых индийских исследователей ободряет тот факт, что, как показывает китайский опыт, для ускорения притока прямых иностранных инвестиций в страну требуется определенное время. Поэтому считается правильным сопоставлять ситуацию в этой области в Индии 90-х гг., после того как эта страна упростила процедуру привлечения инвестиций иностранного капитала с ситуацией в Китае 80-х гг. Исследователь полагает, что если Индии удастся использовать свою диаспору в той же мере, как это сделал Китай, то итоги будут выглядеть не менее впечатляющими.⁷ Пока что, однако, они различаются очень сильно. Если в Индии высший уровень использованных прямых иностранных инвестиций в 1997-1998 гг. достигал только 3,5 млрд. долл., то в Китае в те же годы он был равен 44 млрд. долл.

Экономические реформы и их социальные последствия. Наиболее подробно были рассмотрены преобразования в государственном секторе экономики.

В отличие от России, где, следуя неолиберальной модели, при реформировании экономики пошли на резкое, одномоментное сокращение чуть ли не всех государственных народнохозяйственных функций, и Индия, и Китай предпочитают действовать куда более осмотрительно и постепенно. В Китае к реформе принадлежащих государству предприятий приступили в первой половине 80-х годов, в Индии — спустя десятилетие.

Главным императивом реформы в обоих случаях стало стремление повысить эффективность их хозяйственной деятельности, хотя, разумеется, решение этой задачи имело также непосредственно социальные, а опосредованно также политические и идеологические аспекты, но не наоборот. В России одной

из главных мотиваций экономических преобразований было желание сделать реформы необратимыми, т.е. как можно быстрее ликвидировать базу для возможной коммунистической реставрации, а для этого — провести обвальную приватизацию государственной собственности и создать класс новых хозяев. Ни в Индии, ни в Китае такие цели, разумеется, не выдвигались, что и позволяло руководствоваться прежде всего соображениями экономической целесообразности и поступать более взвешенно. Индия и Китай использовали различные методы разгосударствления экономики, включая акционирование государственных предприятий, их разукрупнение, привлечение частных инвестиций и создание предприятий со смешанным капиталом, разделение функций собственника и менеджера, лизинг, избегая при этом в течение длительного времени непосредственной приватизации.

Обе страны испытывают по разным причинам определенные трудности в реализации этого процесса. В Китае продвижение реформы государственных предприятий сдерживается необходимостью высвободить огромную массу избыточной рабочей силы, без чего невозможно поднять эффективность предприятий. Поскольку значительная часть высвобождаемой рабочей силы не обретает вторичной занятости, это создает финансовое, социальное и политическое давление на правительство, которое вынуждено реагировать на него снижением темпов реформы. Кроме того, определенное торможение связано с противодействием заинтересованных ведомств и региональных властей, которые несут на себе основное бремя реорганизации.

В Индии основные трудности в проведении дерегулирования связаны со сложным составом центрального правительства, в состав которого входят партии, существенно различающиеся своими макроэкономическими подходами. Решения по реформе государственного сектора вынужденно отражают нестабильный баланс интересов различных противоборствующих групп в бизнесе и политике. В результате некоторые правительства штатов принимают собственные приватизационные меры, что способствует ускорению процесса дерегулирования.

Соответственно приоритеты при выборе объектов для сокращения государственного и прежде всего централизованного регулирования в Индии и Китае различны. По меньшей мере в трех областях дерегулирование в Индии продвинулась существенно дальше, чем в Китае. Это — банковское дело, энергетика и телекоммуникация.⁸

Индийское государство постепенно уходит из банковского сектора, где оно до недавнего времени занимало доминирующие позиции. Начиная с 1993 г. несколько государственных банков были частично приватизированы, хотя центральное правительство сохранило за собой значительную долю собственного капитала в ряде крупнейших государственных банков. Возник ряд малых региональных банков, которые значительно меньше обременены невозвратными кредитами, чем крупные.

В Китае четыре главных государственных банка, возникших после реорганизации Народного Банка Китая в 1984 г., контролируют 90% банковского дела. Китайские государственные банки, будучи для государственных предприятий, включая убыточные, главными поставщиками кредитов, серьезно страдают от их невозврата, хотя и не указывают точные размеры своих потерь.

Электроэнергетика как естественная монополия ни в Индии, ни тем более в Китае не рассматривается как объект первоочередного дерегулирования, тем не менее и здесь Индия обогнала Китай. В Китае Министерство энергетики вместе с другими государственными органами определяет единые ценовые и инвестиционные параметры отрасли. Провинциальным правительствам позволено непосредственно утверждать проекты строительства электростанций лишь мощностью менее 50 мвт или стоимостью менее 30 млн. долл. Более

крупные проекты должны утверждаться Министерством энергетики при согласовании с государственными органами, ведающими планированием, экономикой и торговлей. Китаю удалось привлечь значительные потоки прямых иностранных инвестиций в электроэнергетику, но процесс дерегулирования здесь выразился только в экспериментальном определении тарифов на региональном уровне.

В Индии частные инвестиции в электроэнергетику стали возможны с октября 1991 г. Степень и формы дерегулирования различны. Допускается временная или постоянная передача управления электростанциями частным агентствам. Государственные электроэнергетические управления (state electricity boards) имеют право рассматривать и иные меры приватизации, включая лизинг и продажу электростанций и создание совместных предприятий. В конце 90-х гг. были созданы центральная и ряд региональных комиссий, в функции которых входит определение структуры тарифов и контроль за бюджетами государственных электроэнергетических управлений с целью сделать их коммерчески более жизнеспособными.

Крупнейшая в Китае государственная компания "Чайна телеком", контролирующая 95% телекоммуникационного рынка, была разделена на четыре компании соответственно сферам оказываемых услуг: пейджинговую, сотовых телефонов, стационарных телефонных сетей и добавленной стоимости. Компания стационарных телефонных сетей в свою очередь была поделена на шесть региональных телекоммуникационных компаний. Ожидается, что телекоммуникационная отрасль будет в числе тех, что получают наибольшие выгоды от вступления Китая в ВТО. В предстоящие пять лет будет повышен лимит на участие иностранных инвесторов в уставном капитале китайских компаний. Вероятно, расширится и территориальный ареал активности иностранных компаний.

Телекоммуникационная отрасль постепенно либерализуется в Индии. Рынок телекоммуникационных услуг, прежде всего в развитии пейджинга и мобильных телефонов, мало-помалу открывается для частных инвесторов. Так же, как в банковском деле и электроэнергетике, в Индии наиболее успешно развиваются малые компании.

Социальные проблемы, связанные с реформой, государственных предприятий в Китае, проанализированы в докладе А.В. Островского.⁹ Наиболее серьезные среди них — проблема социального страхования и вторичной занятости миллионов избыточных работников, увольняемых в процессе реформы. Массовые увольнения постоянных работников госпредприятий чреваты увеличением безработицы в крупных приморских городах и на северо-востоке страны, что способно вызывать социальный протест и беспорядки и тормозить экономические реформы. Рост безработицы может распространиться также на средние и малые города, где реформируемые государственные предприятия часто служат единственным источником дохода для местных жителей. Однако смягчить ситуацию с занятостью может создание предприятий различных форм собственности в сфере услуг.

В ряде докладов децентрализация процесса принятия решений в Китае и Индии рассматривается как одна из важных институциональных предпосылок успешного проведения экономических реформ. Вместе с тем указываются и некоторые негативные аспекты такой реорганизации системы. В одном из докладов децентрализация управления связывается с коррупцией и криминализацией общества.¹⁰ Признавая, что отказ от тотального централизованного планирования и децентрализация распределения ресурсов на территориальном или отраслевом уровне служат главным фактором экономического динамизма в Китае, автор доклада вместе с тем полагает, что позитивные и дина-

мичные аспекты децентрализации соседствуют с ростом общественного неравенства, коррупцией, криминализацией и тому подобными явлениями, сопутствующими повседневной жизни в городах и сельских районах современного Китая.

В Индии доля в ВВП "черных доходов", т. е. доходов, которые не декларируются в налоговых органах, по оценке Аруна Кумара, возросла с 30% в 1990-1991 гг. до 40% в 1995-1996 гг.¹¹. Некоторые виды деятельности, приносящие такие доходы, являются социально полезными (например, недекларируемое производство), но они выпадают из сферы анализа и принятия решений. Иные оценки, особенно относящиеся к криминальной экономике, определяют ее вес в ВВП в 8%. При этом черные доходы, полученные в результате укрывательства от налогов, коррупции и криминальной деятельности, сосредоточены в руках 3% лиц с наиболее высокими доходами. Эти 3% в совокупности располагают 50% "белого" ВВП и 38% общего ВВП. Соответственно доход на душу населения у них в 57 раз выше, чем у 40% населения, находящихся за границей бедности.

Китай в этом отношении схож с Индией. Объем китайской подпольной экономики, в которую включают спекуляцию, укрывательство от налогов, контрабанду, траффик наркотиков, производство и продажу поддельных товаров, нарушение прав собственности, ростовщичество, предпринимательство без лицензии, проституцию и порнографию, оценивается профессором Южнокитайского университета финансов и экономики Ся Синъюанем в 14,5% официального ВВП в 1989г. или примерно в 20% национального дохода в 1987 г.¹². Некоторые другие авторы повышают последнюю оценку до 30-32,5% на конец 1980-х- начало 1990-х гг. По подсчетам ученых из Академии общественных наук Китая, 1,3% семей контролируют 31,5% всех активов, а 8,7% — 60% активов. На другом краю 44% семей с наиболее низкими доходами принадлежит только 4% всех активов. В отличие от Индии и развитых стран, в Китае такое неравенство сформировалось всего за последние два десятилетия. Еще в 1978 г. 99,7% всех личных доходов составляла заработная плата. В 1985 г. незарплатные доходы составляли уже 8,5%, а в 1995 г. — 31%. Поскольку такие доходы скрываются, фактически их удельный вес значительно больше.

Часть криминальных доходов размещается на банковских счетах, которые до недавнего налогового обложения доходов от сбережений могли открываться на собственное или вымышленное имя, под номером или на имя родственников и представляли собой "рай для отмывания денег". В 1999 г. 80% сбережений находилось в руках 20% населения, а 83,2% банковских депозитов, которые составляют подавляющую часть сбережений (75%), концентрировались у 2,5% населения.

В полном противоречии с быстрым ростом и концентрацией высоких индивидуальных доходов как в Китае, так и в Индии находится фискальная система, основанная главным образом на налогообложении производства в городе и деревне. Вместо того, чтобы корректировать дифференциацию доходов, как это происходит в капиталистических странах, фискальная система обостряет ее. В китайской деревне, где доход на душу населения составляет лишь 40% городского, налогообложение в расчете на душу населения в 9 раз выше, чем в городе, а с учетом многочисленных местных сборов разница становится тридцатикратной.

Совокупный государственный доход в Китае в 1997 г. составлял 12,3% ВВП, но на доход центрального правительства приходилось всего 5-6% ВВП, т.е. значительно меньше 10% — цифры, типичной для стран с низкими доходами. Эта ситуация отчасти объясняется тенденцией к местному сверхобложению через т.н. "внебюджетные фонды". Более того, на каждом уровне фискальной системы хорошо представлена подпольная экономика. Внебюджетные

доходы, контролируемые по преимуществу провинциальными и местными властями, в 1995 г. составили 384,3 млрд. юаней, что на 143,7 млрд. юаней превышало декларированную сумму. Это означает, что местные правительства и некоторые департаменты использовали на недекларированные цели в форме "подпольных бюджетов" 23% совокупного государственного дохода.

Существует различие между коррупцией 80-х и 90-х гг. В 80-х гг. коррупция была связана с инфляцией, поскольку бюрократия использовала в своих интересах систему двойных цен, перелагая дополнительную плату на производителей и потребителей, тогда как в 90-х гг. коррупция связана с дефляцией и замедлением экономического роста. После того как в результате азиатского кризиса, сократились иностранные инвестиции и внешнее потребление, внутреннее потребление все более ограничивается растущим неравенством, связанным с порочным кругом коррупции и налоговых затруднений и влекущим за собой замедление экономического роста, особенно в деревне и внутренних регионах.

Коррупция наряду с избыточной рабочей силой, безответственным управлением и высокими социальными издержками служит причиной неэффективности государственного сектора. Коллективные предприятия передаются в частные руки по цене, значительно уступающей их реальной стоимости. Подпольные сделки широко распространены на рынке недвижимости, охватывающем и земельные участки. Местные правительства с целью рекапитализации выставляют на биржевой рынок плохо функционирующие компании, представляющие в большинстве случаев убыточные госпредприятия.

Экономическое и социальное развитие тесно связано с урбанизацией. Удельный вес жителей городов часто рассматривается как один из важных показателей модернизации общества. Ни в Китае, ни тем более в Индии этот показатель пока еще не дотягивает до среднемирового уровня: в Китае он равен 36%, а в Индии — всего 26%. Вместе с тем по общей численности городского населения Китай занимает первое, а Индия — второе место в мире. Более двух третей горожан в Индии проживают в городских агломерациях численностью более 1 млн. чел. Шесть из двадцати крупнейших мегаполисов мира находятся в этих двух странах, по три в каждой: Шанхай, Пекин и Тяньцзинь в Китае и Мумбай, Колката и Нью-Дели в Индии.

Большие города обеспечивают лучшую инфраструктуру и более высокую производительность труда. Вместе с тем в обеих странах развитие городов создает серьезные проблемы для окружающей среды и здоровья человека.¹³ И хотя такие важные социальные индикаторы, как ожидаемая продолжительность жизни, образовательный ценз, показатель ВВП на душу населения у горожан выше, чем у сельских жителей, тем не менее городское население страдает от нехватки жилья, безработицы, недостатка базовых услуг, проблем со здоровьем.

Существуют расчеты, согласно которым Китай при среднем экономическом росте в 10% в год в 1980-1999 г.г. терял ежегодно от разрушения экологии и загрязнения среды до 14% ВВП. Индустриализация и урбанизация ведут прежде всего к загрязнению воздушной среды. Особенно велико в Китае загрязнение атмосферы, связанное со сжиганием угля. Содержание свинца в крови у детей в Шэньяне, Шанхае и других крупных городах Китая на 80% превышает уровень, который считается опасным для интеллектуального развития. Двуокись серы и сажа от сжигания угля вызывают кислотные дожди, выпадающие сегодня на 30% территории Китая. В 1998 г. из десяти наиболее загрязненных городов мира, по оценке Всемирной организации здравоохранения, семь находились в Китае. Загрязнение среды стало одним из четырех главных факторов ухудшения здоровья и смертности в Китае. В 1995 г. в более

чем половине из 88 обследованных городов содержание сернистого газа в атмосфере было выше уровня, допустимого ВОЗ.

Быстро увеличивается объем сточных вод, содержащих многие вредные вещества, причем обработке подвергается только 5% бытовых и 17% промышленных стоков. Концентрация ртути и свинца в стоках в десятки раз превышает национальные стандарты безопасности. Согласно данным Мирового банка, заражены 52 из 132 обследованных рек, протекающих в городах. 90% загрязненных стоков проникают в окрестные водоемы. Из 27 крупнейших городов Китая только в 6 вода соответствует правительственным питьевым стандартам.

По данным ВОЗ, Нью-Дели является одним из десяти наиболее загрязненных городов мира. В этом городе от респираторных заболеваний страдает в 12 раз больше людей, чем в среднем по стране. Из 3 миллионов преждевременных смертей в мире, связанных с загрязнением воздушной среды, на Индию падает наибольшее их число.

Только 72% городского населения Индии обеспечено водопроводом, остальные черпают воду из поверхностных водоемов или колодцев. Причем все поверхностные воды заражены и непригодны для бытового потребления. По недавним данным Мирового банка и ВОЗ, 21% инфекционных заболеваний в Индии связаны с плохой водой.

Особое место среди материалов этого блока занимает доклад, посвященный социально-экономической ситуации в индийском штате Керала.¹⁴ Специфика этого сообщения в том, что оно фиксирует довольно значительные на фоне всей Индии и сравнимые даже с развитыми странами социальные достижения этого штата, не предваряемые, однако, экономическим ростом и не стимулирующие его.

Социальные достижения штата Керала демонстрируются прежде всего высокими показателями ожидаемой продолжительности жизни при рождении. В этом отношении Керала добилась лучших результатов, чем любой другой штат Индии и чем Китай, и сравнимых с достижениями Южной Кореи. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении для мужчин в Керале составляет 70,4 года, для женщин — 75,9 лет, что соответственно на 10 и 14 лет превышает средние показатели по Индии.

Керала добилась существенного снижения детской смертности — со 120 в 50-х гг. до 14 в 1999 г., что также лучше, чем в Китае (33) и ненамного уступает Южной Корее (5). Весьма впечатляют успехи в контроле над рождаемостью и снижении фертильности. Рождаемость в штате составляет всего 18 на одну тысячу человек, т.е. на один промилльный пункт ниже, чем в Китае, а коэффициент суммарной рождаемости снизился до 1,8, что сопоставимо с китайскими показателями. Эти результаты объясняются в первую очередь повышением возраста женщин, вступающих в брак, улучшением здоровья детей, развитием образования, особенно для женщин, улучшением дорожного и послеродового медицинского надзора и институционального здравоохранения в целом.

Государственная система распределения продовольственного зерна в Керале действует более широко, более объемно и более эффективно, чем в других штатах, и стала здесь почти универсальной. В 1986-87 гг. "лавками справедливых цен" ("fair price shops") пользовались 98% населения Кералы (против 2% в Бихаре). В 1998 г. через систему государственного распределения продовольствия было поставлено 67 кг на душу населения (против 9,5 кг в Бихаре). Правительство штата финансирует программу бесплатных обедов для школьников, которой охвачена седьмая часть учащихся, и для женщин с грудными детьми в сельских яслях. Оно строит жилье для бездомных работников, улучшает санитарную обстановку, обеспечивает население питьевой водой, проводит профилактическую иммунизацию и вакцинацию населения.

Керала продвинулась дальше Китая и других индийских штатов, в т.ч. значительно более развитых в экономическом отношении, в обеспечении грамотности населения, особенно грамотности женщин, догнав в этом отношении ряд успешных стран Восточной Азии. Тираж газет на малаялам (язык населения Кералы) в расчете на тысячу носителей языка намного превосходит газетные тиражи на любом другом из языков Индии. Среди взрослого трудоспособного сельского населения насчитывается 45,9% читающих те или иные публикации против 3,1% по Индии в целом (1996 г.).

Земельная реформа в штате Керала была более радикальной, чем в любом другом регионе Индии или Южной Азии, за исключением Западной Бенгалии. Керала добилась значительного сокращения широко распространенного в других штатах неравенства между полями, кастами и внутренними территориями.

В то же время по добавленной стоимости промышленного производства и ВВП на душу населения Керала далеко отстает от Южной Кореи и Китая, а также от ряда индийских штатов, далеко уступающих Керале по социальным достижениям. В 1996 г. сельское хозяйство давало 31,5% внутреннего дохода штата, значительно больше, чем в восточноазиатских странах и Индии в целом, промышленность же — лишь 13,9%. Только в последнее время, с конца 80-х гг., темпы роста дохода штата на душу населения стали обгонять среднеиндийские, в первую очередь благодаря сельскому хозяйству и сфере услуг. Следствием отсталости экономики Кералы явилась самая высокая в Индии безработица, особенно среди женщин. Единственным выходом для многих безработных стал поиск занятости за рубежом — в Шри Ланке, Бирме, на Западе, а с середины 70-х гг. — массовая эмиграция в страны Персидского залива.

Глобализация и регионализация. Материалы этого блока посвящены преимущественно Китаю. В них обсуждаются мотивы и перспективы вступления КНР в ВТО и ее позиции в мировой экономике и в Азии. Поскольку некоторые доклады именно данного раздела имеют авторскую пометку, воспрепятствующую цитированию и ссылки, мы вынуждены анализировать их более обобщенно.

В одном из докладов подчеркивается традиционная установка Китая на независимость от внешних экономических и политических факторов. В связи с этим, как полагают, Китай вряд ли попадет в ловушку внешней задолженности в обозримом будущем, прежде всего благодаря огромным валютным резервам. Делается даже парадоксальный вывод, будто потоки инвестиций из Китая, возможно, не уступают их притоку извне. Страна защищается от воздействия финансовой нестабильности извне, не допуская также свободной конвертации юаня. Сохраняя высокие абсолютные объемы внешней торговли и обеспечивая тем самым высокие прибыли для мультинациональных компаний и рабочие места для американцев, Китай имеет хорошие возможности для давления на США, в том числе и с помощью прокитайского лобби. Вступление в ВТО способствует дальнейшей экспансии Китая на мировом рынке, особенно в связи с нарастающими изменениями в структуре экспорта в пользу капиталоемкой и высокотехнологичной продукции.

На фоне глобального замедления темпов экономического роста, тяжело поразившего прежде всего ориентированные на экспорт экономики ряда стран и регионов Азии, китайская экономика неплохо справляется с ухудшением внешней конъюнктуры.¹⁵ Китай остается наиболее быстро развивающейся страной в Азии и, вероятно, сохранит это преимущество за собой в ближайшие годы. Китайский экспорт не мог не понести определенных потерь, но эти потери меньше, чем где-либо еще в Восточной и Юго-Восточной Азии, особенно в том, что касается компоненты, связанной с высокими технологиями. Вновь на-

чали расти прямые иностранные инвестиции. В 2001 г. возрос объем розничной торговли, преодолевая дефляционные тенденции трех предыдущих лет, хотя спрос на ряд товаров длительного пользования (особенно телевизоры) резко упал. Достаточно здоровыми выглядят показатели роста промышленного производства и капиталовложений.

От негативного воздействия ухудшающейся мировой конъюнктуры китайскую экономику защищают прежде всего восстанавливающийся внутренний спрос, массивные государственные инвестиции в основные фонды, особенно в инфраструктуру, и новая волна прямых иностранных инвестиций, поднявшаяся ввиду вступления Китая в ВТО. Плюс к этому Китай располагает очень благоприятным платежным балансом и большими валютными резервами. Наконец, Китай пока менее привязан к мировой экономике, чем другие азиатские страны, где доля экспорта в ВВП значительно больше, чем в Китае, и где экспорт ориентирован неизмеримо сильнее на поставки в США высокотехнологичной продукции. Китайский же экспорт в США, составляющий треть всего объема китайского экспорта, включает в основном такую дешевую, трудоинтенсивную продукцию, как текстиль, одежду, обувь, игрушки, зонтики.

Китайское правительство стремится увеличить внутренний спрос, повышая зарплату бюджетным служащим, облегчая кредит для покупателей жилья и автомобилей, пытаясь повысить доходы сельских жителей, стимулируя "экономику отдыха". Все это способствует появлению среднего класса, который в свою очередь содействует экономическому развитию, хотя внутренний рынок остается перекошенным как в социальном, так и в пространственном отношении, а потребители, озабоченные продолжающимися увольнениями, не торопятся тратить свои сбережения, не говоря уже о том, что доходы крестьян поглощаются высокими налогами и другими изъятиями.

В итоге Китай имеет все шансы на фоне замедления мирового экономического роста стать ведущей экономической и политической державой в регионе, отодвинув на второй план Японию. Именно с Китаем связывают свои надежды на приток инвестиций страны Юго-Восточной Азии. При этом они сохраняют возможности конкурировать с Китаем в сфере приложения дешевой рабочей силы. На кон, таким образом, ставится влияние в регионе не только Японии, но и США.

Доклады, представленные на международном научном семинаре "Иностранные инвестиции и экономическое развитие в Индии и Китае", как и дискуссия вокруг них, разумеется не ставили перед собой цели дать какие-либо практические рекомендации по решению актуальных задач социально-экономического развития этих стран. Более того, и в чисто научном плане многие вопросы могли быть только поставлены в предварительном порядке с тем, чтобы получить на них ответ в процессе дальнейшей разработки намеченной проблематики. Тем не менее определенно можно сказать, что семинар продемонстрировал несомненную полезность и плодотворность компаративистского подхода при изучении экономики Китая и Индии.

-
- 1 Chen Zhilong and Cui Baojing (Fudan university. China). Two Decades of Utilizing FDI in China. Stages, Structure and Impact. In: Seminar on Foreign Investment and Economic Development in India and China. Papers presented (Vol 1). February 28, March 1 and 2, 2002, Indian Institute of Management. Calcutta
 - 2 Cai Janying and Liu Chengfu. (School of Business, Southern Yangtze University). Politics of FDI in Jiangsu Province - The role of the provincial government. Ibid.
 - 3 Ding Weiguo (School of Business, Southern Yangtze University) and Yi Kangfeng (University of Technology, Sidney). Internatinal Direct Investments and Developments of Hi-Tech companies in Wuxi, China. Ibid

- 4 Pan Liming (Institute of South China. Yunnan Academy of Social Sciences). Important Factors of FDI in Yunnan. Ibid
- 5 Yakov M. Berger (Institute of Far Eastern Studies. RAS). FDI in China: Contribution to Modernization and to Solution of Major Social Problems. Ibid
- 6 Bisswatosh Saha (Vinod Gupta School of Business. Indian Institute of Technology, Kharagpur). Foreign Entry and Restructuring of Domestic Industry: The Case of White Goods Industry in India. Ibid.
- 7 Ashima Goyal and Ak Jha (Indira Ghandi Institute of Development, Mumbai). Dictatorship, Democracy and Decentralisation. Macropolicy in China and India. Ibid.
- 8 Lawrence Saez (University of California, Berkley) and Joy Yang Barclays Global Investors). The Deregulation of State-owned Enterprises in India and China. Ibid
- 9 Andrey V. Ostrovsky (Institute of Far Eastern Studies. RAS). Social Aspects of Economic Reforms in State-Owned Enterprises in China. Ibid.
- 10 Guilhem Fabre (University of Le Havre). Decentralization, Corruption and Criminalization: China in Comparative Perspective. Ibid.
- 11 Arum Kumar. The Black Economy in India. New Delhi. Penguin Books. 1999, p. 53-56
- 12 Xia Xingyuan et al. Zhungguo dixia jingji wenti yanjiu. (Изучение проблем подпольной экономики Китая) Henan renmin chuban she. 1993
- 13 Kiran Rajashekariah (Indira Ghandi Institute of Development, Mumbai). Urbanization Patterns and Environmental Status in India and China: an Overview In: Seminar on Foreign Investment and Economic Development in India and China. Papers presented (Vol 1). February 28, March 1 and 2, 2002, Indian Institute of Management. Calcutta
- 14 Jayan Jose Thomas (Indira Ghandi Institute of Development, Mumbai). Social Achievements and Economic Backwardness of the State Kerala, India. Ibid.
- 15 Arvinder Singh (Centre for the Study of Developing Societies, Delhi). China and the Global Slowdown. Ibid

Российские корееведы о вызовах нового века

25-26 марта 2002 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась научная конференция на тему "Корейский полуостров и вызовы XXI века". Конференции такого рода, организуемые Центром корейских исследований института, уже стали традиционными (данная была шестой), являясь головным симпозиумом российских корееведов, на котором специалисты имеют возможность обменяться мнениями по наиболее животрепещущим вопросам положения дел на Корейском полуострове, международной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и российско-корейских отношений.

В конференции приняли участие более сорока ученых из академических и других научных институтов и центров, ИДВ, Института востоковедения, Института мировой экономики и международных отношений, Института международных экономических и политических исследований, Института стран Азии и Африки при МГУ, Дипломатической академии МИД РФ, Института международных отношений МИД РФ, Санкт-Петербургского Государственного Университета, Байкальского института природопользования, специалисты по Корее, работающие в МИД РФ и других практических учреждениях и организациях. Было представлено 23 доклада и сообщения. Приятно отметить тот факт, что среди участников конференции почти половину составили молодые ученые.

Как стало привычным, заседание и конференция прошли в обстановке конструктивного и живого обмена мнениями. Главной дискуссией обсуждения был вопрос о том, как суждено разворачиваться событиям на Корейском полуострове в ближайшем будущем. В частности, особый интерес участников привлекали следующие аспекты проблемы. Продолжит ли администрация Буша свою нынешнюю линию, которая фактически перечеркнула основные достижения Ким Дэ Чжуна в межкорейском диалоге? Повлияет ли это на отношения между Южной Кореей и США? Каков будет вероятный итог грядущих президентских выборов в РК и повлекут ли они изменения как в "политику солнечного тепла", так и в политическую и экономическую жизнь страны? Как дальше может развиваться КНДР, какие главные цели ставит перед собой администрация Ким Чен Ира — процветание страны или обеспечение любой ценой безопасности существующего режима? Как в связи со всем этим будет действовать Китай, какова должна быть позиция России?

Как подчеркивалось в ряде выступлений, в настоящее время Соединенные Штаты значительно меньше "играют по общим правилам международных отношений", выдвинув на первый план свои собственные интересы. Включение Северной Кореи в "ось зла" для них — повод усилить свое влияние в регионе на общей волне антитеррористической кампании. При этом в действительности их больше волнует не КНДР сама по себе, а ее возможность осуществлять экспорт ракет и технологий в недружественные Соединенным Штатам государства.

Жесткая линия администрации Буша вызвала, по оценке участников, довольно единодушную критику со стороны почти всех государств региона, по-

скольку ее реализация способна спровоцировать нестабильность на Корейском полуострове, тем более что после межкорейского саммита 2000 г. Пхеньян не предпринял ничего, что действительно могло бы спровоцировать конфронтацию со стороны Вашингтона. Более того, после событий 11 сентября Северная Корея осудила терроризм и присоединилась к международным соглашениям по борьбе с ним. Даже в Сеуле с трудом скрывают свое раздражение, особенно по поводу отдельных заявлений Буша, нарушающих международный этикет (личные выпады в адрес Ким Чен Ира, его утверждение, что он не верит северо-корейскому лидеру, определение КНДР как "тюрьмы" для собственного народа, а демилитаризованной зоны как "переднего края" борьбы с мировым злом). На конференции отмечалось, что февральское турне американского президента в Восточную Азию (в Сеул, Токио и Пекин) показало прохладное отношение лидеров и общественного мнения азиатских государств, в том числе и РК, к такой позиции в отношении КНДР, после чего Вашингтон несколько сбавил тон. Однако насколько в действительности будет меняться позиция США, пока неясно.

Тем не менее, очевидно, что в межкорейском диалоге происходит определенный откат назад. Все многолетние усилия, потраченные на переход от конфронтации к сотрудничеству, могут оказаться бесполезными. В этой связи, по мнению российских китаеведов, заслуживает особого внимания возобновление полномасштабных совместных военных маневров, в которых участвует практически вся южнокорейская армия. Проведение этих маневров всегда вызывало на Севере бурю эмоций и использовалось в прошлом руководством КНДР как причина торможения либо замораживания на какое-то время межкорейского диалога.

На конференции отмечалось, что обвиняя Пхеньян в подготовке ядерной программы, американцы одновременно уходят от выполнения своего обязательства построить в Северной Корее ядерные реакторы на "легкой воде", способные, по крайней мере, снять подозрения в отношении ее ядерной программы и вместе с тем ослабить энергетический кризис, переживаемый КНДР.

В Северной Корее тем временем экономическая ситуация продолжает оставаться напряженной, что не может не сказываться и на ее обороноспособности. При этом, по мнению участников обсуждения, северо-корейцам не следует возвращаться к политике международной самоизоляции, хотя они пока не могут снова усадить американцев за стол переговоров на тех условиях, на которых договаривались с Клинтоном, и поэтому в интересах КНДР проводить очень взвешенную и осторожную политику.

На конференции состоялась достаточно оживленная дискуссия по поводу стратегической цели Пхеньяна. Ряд ее участников высказали мнение, что северо-корейский режим интересуется исключительно продление собственного существования, а не межкорейский диалог и интересы страны. Действительные успехи в диалоге, по их мнению, могут быть достигнуты только "на посткимченъирировском пространстве". В то же время, считают многие корееведы, большинству соседей КНДР, в том числе РК, следует предпочесть сохранение на полуострове статус кво, ибо серьезный кризис вызовет на полуострове новую вспышку противоречий и конфликтов, что в принципе осознают и в Пхеньяне.

Ученых интересовал вопрос: стал бы Пекин рисковать своими отношениями с Вашингтоном из-за Кореи, и если да, то каковы будут пределы этого риска, в частности, есть ли вероятность того, что пришедшие к власти после съезда КПК в этом году прагматики в новом китайском руководстве попробуют "обменять Корею на Тайвань". Отмечалось, что КНР не заинтересована в том, чтобы создавать у Ким Чен Ира иллюзию абсолютной защищенности.

Что касается политики России в сложившейся ситуации, то на конференции отмечалось, что на протяжении последних лет Россия вырабатывает

собственную политику в отношении полуострова, смысл которой состоит в том, чтобы поддерживать равные по готовности к сотрудничеству отношения с обоими корейскими государствами, тесно взаимодействовать с соседними странами и придерживаться линии "ограниченной вовлеченности" в вопросах межкорейского диалога. Такая позиция положительно воспринимается в обоих корейских государствах и повышает авторитет России в контактах с ведущими державами.

На конференции было впервые проведено анкетирование, в ходе которого участники конференции высказали свое мнение относительно перспектив развития ситуации на полуострове и направлениях развития российской политики по корейскому вопросу. В обобщенном виде эти данные выглядят следующим образом.

Объединение Кореи вероятнее всего могло бы произойти в лучшем случае не ранее, чем через десять лет, ибо основными препятствиями на пути межкорейского диалога являются не только различия в политическом строе двух государств, но и расхождения в менталитете северных и южных корейцев. Форма объединения пока неясна, однако это не будет ни федерацией, ни конфедерацией.

На вопрос о том, кому выгодно объединение, дал расхождение оценок, наиболее частым был ответ "никому". Затем следовали мнения: населению КНДР, руководящим элитам Севера и Юга.

Участники опроса практически единодушно высказались за продолжение Россией политики развития контактов и связей как с КНДР, так и с РК, причем в отношениях с Севером было рекомендовано не столько ориентироваться на традиционные формы сотрудничества, сколько искать новые пути.

В отношении же РК ученые считают, что экономическое положение страны в ближайшее время существенно не изменится, хотя на выборах 2002 г. победит нынешняя оппозиция, которая однако, будет, пусть и с определенными коррективами, проводить в жизнь курс нынешней администрации, направленный на сближение двух стран.

Более подробно с материалами конференции можно будет ознакомиться в готовящемся к изданию сборнике.

В Обществе российско-китайской дружбы

Отчетное собрание ОРКД по итогам 2001 г.

6 февраля 2002 г. в Доме Дружбы с народами зарубежных стран состоялось заседание Центрального правления Общества российско-китайской дружбы, посвященное подведению итогов истекшего года.

Выступивший с отчетом Председатель ОРКД, директор Института Дальнего Востока РАН, член-корреспондент РАН М.Л.Титаренко назвал его годом нового серьезного прорыва в российско-китайских отношениях. Подписанный 16 июля 2001 г. российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подчеркнул докладчик, является долговременной основой стратегического партнерства и создает условия для дальнейшего развития политического, экономического и культурного сотрудничества двух стран.

М.Л.Титаренко отметил, что подписание Договора ставит перед ОРКД ответственную задачу — содействие распространению объективной информации о российско-китайских отношениях, о значении российско-китайского добрососедства и дружеского партнерства.

Важным событием в информационной работе Общества стало издание газеты "Россия-Китай". В ее вышедших пяти номерах освещались актуальные вопросы жизни КНР и российско-китайских связей, публиковались тексты официальных документов, рассказывалось о китайских организациях, осуществляющих сотрудничество с российскими коллегами. В минувшем году члены ОРКД активно занимались и другой информационной деятельностью. Продолжал успешно работать Китайский зал в Институте Дальнего Востока РАН, где каждый интересующийся Китаем мог получить ответ на свои вопросы, ознакомиться с публикациями Института по Китаю. На базе Китайского зала под руководством почетного Председателя ОРКД академика С.Л.Тихвинского проводились ежемесячные семинары по актуальным вопросам жизни КНР и российско-китайских отношений.

Лекторская группа Общества и ИДВ РАН в течение года выступала с лекциями по китайской тематике перед ветеранами, студентами, школьниками. Академик С.Л.Тихвинский принял участие в телевизионной программе "Киноархив XX века", большая часть которой была посвящена российско-китайским отношениям. Члены китайской группы Российского Комитета ветеранов войны — коллективного члена ОРКД, участвовали в съемках показанной на канале ОРТ передачи "Как это было" — о помощи СССР Китаю в годы антияпонской войны и в борьбе за победу народной революции.

Тем не менее М.Л.Титаренко констатировал, что в российской прессе, на радио и телевидении все еще мало серьезных объективных материалов по Китаю, в связи с чем Центральное правление ОРКД считает необходимым изыскивать пути для расширения каналов информационной деятельности, привлекая к этой работе ведущих китаеведов — членов Правления ОРКД и сотрудников ИДВ РАН.

Одним из главных направлений в деятельности Общества в отчетном году стало проведение мероприятий, посвященных знаменательным событиям в жизни КНР, важнейшим датам в истории страны и получивших широкий общественный резонанс. Среди них — торжественное собрание, посвященное 80-летию Коммунистической партии Китая, серия мероприятий по случаю национального праздника КНР — 52-й годовщины Китайской Народной Республики, “круглый стол” на тему “70 лет со дня начала японской агрессии и развертывания антияпонского партизанского движения против оккупантов в Северо-Восточном Китае”, заседание по случаю 100-летия со дня рождения маршала Чэнь И и др.

М.Л.Титаренко выразил искреннюю благодарность Посольству КНР в Москве и лично послу Чжан Дэгуану за большое внимание, традиционно проявляемое к активистам ОРКД и особенно ветеранам российско-китайской дружбы.

При обсуждении вопроса об информационной работе Общества было высказано предложение обратиться к министру по делам печати М.Ю.Лесину с просьбой о поддержке выпуска газеты “Россия-Китай” — единственной газеты, детально и объективно освещающей значимые события в российско-китайских отношениях.

Кроме того, на собрании было решено направить от имени ОРКД письмо в Правительство РФ о необходимости усилить поддержку структурам народной дипломатии, которая играет важную роль в развитии межгосударственных отношений.

Подводя итоги работы в отчетном году, М.Л.Титаренко отметил, что, несмотря на трудности объективного характера, ОРКД только в Москве провело свыше 25 крупных общественно-политических и культурно-массовых мероприятий, посвященных Китаю и российско-китайскому сотрудничеству. Намеченный план работы в 2001 г. выполнен полностью.

© 2002

Т.Лазарева

Ответственный секретарь ОРКД

Наша почта

В предыдущем (2-м) номере "Проблем Дальнего Востока" опубликованы материалы, посвященные 30-летию нашего издания, — поступившие в адрес директора Института Дальнего Востока, члена-корреспондента РАН М.Л.Титаренко и главного редактора ПДВ профессора А.М.Григорьева письма с оценками работы журнала и предложениями по ее совершенствованию. Уже после сдачи номера в печать редакцией были получены еще два обращения от зарубежных и российских ученых, которые публикуются ниже.

Директору ИДВ РАН
М.Л.Титаренко
Главному редактору журнала
"Проблемы Дальнего Востока"
А.М.Григорьеву

Дорогие коллеги!

Примите наши искренние поздравления по случаю 30-летия журнала "Проблемы Дальнего Востока".

Это авторитетное издание со дня основания служило делу китайско-российской (советской) дружбы, публиковало статьи по политике, экономике, культуре. После нормализации советско-китайских отношений журнал своевременно знакомил российских (советских) читателей с достижениями Китая в строительстве социализма, с его опытом реформ и открытости. Так, по нашим подсчетам, из 173 статей, опубликованных в ПДВ в 1989 г., 80 были посвящены Китаю, из которых 21 — проблемам реформ и открытости.

Журнал всегда уделял много внимания вопросам истории. В рубриках "История" и "Архивные материалы" множество материалов посвящено современной истории Китая, истории китайско-российских (советских) отношений. Многие из них переведены на китайский язык и изданы в Китае, используются китайскими учеными. Публикация материалов по философии способствовала обмену между культурами Запада и Востока. Через журнал китайские ученые узнают, как российская наука рассматривает проблемы политики, экономики, культуры и истории Китая.

После установления "отношений стратегического партнерства, направленных в XXI век", журнал часто обращается к современному состоянию и

перспективам развития китайско-российских отношений, играет активную роль в деле укрепления дружбы и сотрудничества.

Между нашим институтом и Институтом Дальнего Востока существуют традиционные отношения дружбы и сотрудничества. Мы надеемся, что эти отношения получат в новом веке дальнейшее развитие. Надеемся также, что сотрудничество ПДВ с нашими журналами "Цзиньдайши яньцзю" ("Исследования новой истории") и "Канжи чжаньчжэн яньцзю" ("Исследования антияпонской войны") в будущем приведет к расширению сферы наших научных обменов.

Дорогие друзья! В XXI веке, после подписания Китаем и Россией Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, мы имеем основание рассчитывать на еще более широкое развитие отношений двух стран, и поэтому, как мы надеемся, Ваш журнал будет продолжать крепнуть и совершенствоваться.

Еще раз желаем Институту и журналу процветания и развития, а российским коллегам — больших успехов в научной работе.

*Заместитель председателя Китайского исторического общества,
директор Института новой истории АОН
Китая,
профессор*

Чжан Хайпэн

5 марта 2002 г.
Пекин

Директору Института Дальнего Востока
члену-корреспонденту РАН
М.Л.Титаренко

Китаеведы Института военной истории Минобороны России поздравляют Вас, коллектив Института Дальнего Востока и журнала "Проблемы Дальнего Востока" с 30-летием начала издания, которое все эти годы пропагандировало историческую правду о Китае и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Желаем Вам лично, а также возглавляемому Вами коллективу Института Дальнего Востока и его журналу "Проблемы Дальнего Востока" дальнейших успехов на благо отечественного китаеведения и в распространении правдивых знаний об Азиатско-Тихоокеанском и Евразийском регионах в целом.

В. Вартанов
В. Гаврилов
О. Белослудцев
О. Рахманин
И. Попов

Рецензии

Ли Теин. Гайгэ кайфан таньсо (Поиск курса реформ и открытости). Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ.

В 2-х томах. Пекин, б/г. 890 с.

Издательство литературы по общественным наукам выпустило двухтомник трудов члена Политбюро ЦК КПК, президента Академии общественных наук Китая Ли Теина, в который вошли статьи, доклады и выступления 80-х — 90-х годов, охватывающие практически все основные этапы и аспекты политики реформ в КНР. Включенные в двухтомник труды освещают важнейшие вехи разработки концепции реформ в целом и в отдельных отраслях народного хозяйства Китая, раскрывают важнейшие события, проблемы и результаты практического осуществления реформ.

Труды Ли Теина представляют особый интерес в связи с тем, что с начала реформ он играл видную роль в их практическом осуществлении, занимал ряд ключевых постов в системе партийных и государственных органов, инициировавших и проводивших политику реформ: в 1985-1988 гг. он был министром электронной промышленности, а в 1987-1988 гг. одновременно возглавлял Комитет по реформе экономической системы КНР. В 1987 г. он был избран в члены Политбюро ЦК КПК, а в следующем году стал членом Государственного Совета; в 1988-1993 гг. был председателем Государственного комитета по образованию, в 1993-1998 гг. — в годы ускорения рыночных реформ — он вновь, вплоть до назначения его Президентом АОН Китая, возглавлял Государственный комитет по реформе экономической системы.

Напомним читателю, что решение о реформе экономической системы было принято в Китае 20 лет тому назад на III пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г. Суть реформы состоит в переходе

от командно-административной к рыночной экономике при сохранении руководящей роли компартии и социальной стабильности в стране. Создание новой экономики происходит одновременно с использованием производственного потенциала, заложенного в 50-70-е гг. Вплоть до настоящего времени в стране сохраняется стратегический контроль государства за развитием основных отраслей экономики — топливно-энергетического комплекса, транспорта, банковского дела и др.

За прошедший короткий исторический период Китай добился значительных успехов. Среднегодовые темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП) в 1980-2000 гг. составили 9,3%. Особенно заметные результаты были достигнуты в области повышения материального благосостояния. За годы реформ показатель потребления на семью вырос в 4,6 раза в сопоставимых ценах, среднедушевой чистый доход сельского населения — со 134 юаней в 1978 г. до 2253 юаней в 1999 г., а среднедушевой доход городского населения — с 343 юаней до 6280 юаней. Китай вышел на ведущие позиции в мире по многим абсолютным показателям производства промышленной и сельскохозяйственной продукции.

Рецензируемая книга содержит ценные данные о том, как происходил этот процесс в стране в целом, в отдельных отраслях экономики и звеньях управления. Сам двухтомник разбит на 11 разделов, которые отражают различные аспекты проводимой в КНР экономической реформы. Первый том состоит из пяти разделов: "Теория реформы", "Общие проблемы реформы", "Реформа на предприятиях", "Реформа системы обращения",

“Земельная реформа и реформы в деревне”.

Материалы первых двух разделов книги показывают, что отличительной чертой китайского опыта является серьезная теоретическая проработка проблем реформы с учетом зарубежного опыта. На первой стадии реформы проводились локальные эксперименты, результаты которых анализировались и обобщались, и после этого принимались необходимые решения. Все мероприятия проводились постепенно, шаг за шагом, чтобы в случае неудачи (а они в китайской реформе тоже имели место) можно было отойти на прежние рубежи и начать как бы сначала. К таким мерам относится политика урегулирования 1979-1981 гг., когда ставилась цель создать основу для проведения реформы — сформировать слой самостоятельных товаропроизводителей — независимых субъектов рынка в различных отраслях экономики, и прежде всего в сельском хозяйстве, обеспечить дополнительные инвестиции в экономику помимо госбюджета и повысить жизненный уровень большей части населения для увеличения спроса и заинтересованности в дальнейшем проведении реформ.

По мнению Ли Теина, главным принципиальным моментом в теории реформы экономической системы в Китае явилась новая постановка целей экономической реформы в условиях социализма (с.23-26). На протяжении 20 с лишним лет реформы были выработаны три основных экономических лозунга, соответствующие трем основным этапам реформы. На первом этапе (декабрь 1978 г. — сентябрь 1984 г.) был выдвинут лозунг “плановая экономика — основа, рыночное регулирование — дополнение”. В этот период основное внимание уделялось деревне, но и в городе проводились эксперименты по расширению хозяйственной самостоятельности предприятий, создавались специальные экономические зоны (СЭЗ). Для второго этапа (октябрь 1984 г. — декабрь 1991 г.) — этапа развертывания реформ — использовался лозунг “плановая товарная экономика”. На этом этапе центр тяжести реформы переместился из деревни в город, государственные предприятия стали основным звеном всей реформы в целом и основное внима-

ние при переходе к рынку было уделено реформе цен. При этом реформа стала постепенно распространяться на социальную сферу, развитие науки, техники и образования. Третий этап, начавшийся в 1992 г., проходит под лозунгом “социалистической рыночной экономики”. На этом этапе формируется новая экономическая система, где самым главным является дальнейшее расширение и развитие рынка, создание новой системы управления предприятиями, а также формирование новой системы макрорегулирования и контроля со стороны государства.

Таким образом, в теоретическом плане за 20 с лишним лет Китай прошел путь от теории социалистической плановой экономики к теории социалистической рыночной экономики. В Китае поняли, что главным в социализме является не плановый характер экономики, а постоянное развитие производительных сил, которое обеспечивает неуклонный рост жизненного уровня для всего населения страны, что необходимо стремиться к оптимальному сочетанию плановых и рыночных форм хозяйствования в экономике. Как говорил Дэн Сяопин во время “урегулирования” экономики после провала “большого скачка” (1958-1960 гг.), обосновывая необходимость на время отхода от централизованного управления и предоставления большей хозяйственной самостоятельности отдельным предприятиям, “не важно, какая кошка — черная или белая, лишь бы она ловила мышей”. В данном случае новая теоретическая постановка целей экономической реформы формулировала новые приоритеты в экономическом строительстве, определяемые не темпами социально-экономических преобразований и достижением высоких плановых показателей, а качественными изменениями в экономике, связанными с проявлением роли рыночного механизма при распределении ресурсов и совершенствованием форм и методов государственного регулирования в условиях рынка для повышения экономической эффективности производства.

Другим важным направлением в выработке теории реформы экономической системы явилась теория реформы собственности. В Китае была полностью пере-

смотрена теория, согласно которой при социализме имела право на существование только одна форма собственности — общественная в ее двух видах — государственной (общенародной) и кооперативной (коллективной). Наличие всех прочих форм собственности — частной, индивидуальной, государственно-частной, смешанной — практически полностью отрицалось и отвергалось. Согласно китайской теории реформы собственности, при социализме может существовать многообразие форм собственности при наличии общественной собственности как основной. При этом были разделены понятия “общественная собственность” (*гунъючжи*) и “формы реализации общественной собственности” (*гунъючжиды шисянь синши*) (с. 28), что позволило начать проведение реформы на государственных предприятиях, связанной с внедрением акционерной системы управления и созданием системы корпораций.

В Китае важнейшим фактором реформы стало постепенное создание многоукладной экономики и конкуренции на товарном рынке (с. 178-184). На первом этапе в ходе внедрения семейного подряда были созданы источники накопления в деревне, произошло развитие негосударственного сектора экономики в городах. Это позволило к середине 80-х годов заложить основы для создания многоукладной экономики и формирования рынка средств производства, а также связанного с ним рынка недвижимости и ценных бумаг. В КНР этот рынок формировался не за счет приватизации и ваучеризации, а на базе развития негосударственных секторов экономики, и он сложился лишь к концу 80-х годов. Еще позднее, в 90-е годы, в КНР стало проводиться акционирование государственных предприятий как одна из форм реализации собственности. При этом контрольный пакет создаваемого акционерного общества, как правило, оставался в руках государства. Процесс акционирования происходил на основе формировавшегося в течение многих лет экономического законодательства при жестком контроле со стороны государства.

В ходе реформы в китайской деревне произошло упорядочение экономических отношений, было внедрено хозяйство-

вание, основанное на коллективной собственности на землю и семейном подряде, разделено право собственности и право пользования на землю, в результате чего крестьянин получил хозяйственную самостоятельность. В результате реформы китайский крестьянин не стал собственником произведенного на земле продукта, что заметно стимулировало его деятельность.

Еще одним важным направлением китайской реформы была реформа системы управления предприятий. Основой реформы стало превращение предприятий в юридические лица со своими банковскими счетами, которые постепенно становились субъектами рыночной конкуренции. Реформа системы управления на предприятиях началась в конце 70-х годов, когда они получили право распоряжаться прибылью. Затем, в начале 80-х годов, по всему Китаю прошли эксперименты по замене отчислений от прибыли налогом (*ли гай шу*) и переходу ряда предприятий на подрядную систему. В дальнейшем, в 80-90-е гг. в ходе поиска новой системы управления предприятиями происходил переход от государственной собственности и управления предприятием через вышестоящее ведомство к отделению права собственности от права хозяйствования на предприятии и управлению предприятием как отдельным товаропроизводителем — субъектом рынка.

Как было отмечено на III пленуме ЦК КПК 12-го созыва (октябрь 1984 г.), “в ходе проведения реформы необходимо превратить предприятия в относительно самостоятельные хозяйствующие субъекты, сделать из них социалистических товаропроизводителей и хозяйственников, самостоятельно ведущих производственную деятельность, самостоятельно несущих ответственность за прибыли и убытки, самостоятельно перестраивающих и развивающих свое производство, превратить их в юридические лица со своими определенными правами и обязанностями” (с. 32). На практике эти мероприятия по реформе системы управления предприятиями выглядели как переход от системы ответственности директоров и заводского управления к внутреннему регулированию через корпоративное управле-

ние предприятиями посредством создания компаний и расширения горизонтальных связей между предприятиями. В дальнейшем происходил процесс разделения функций административных органов — министерств, ведомств и местных властей и предприятий — и создания более гибкого хозяйственного механизма, призванного оживить деятельность государственных предприятий, которые должны стать полноправными субъектами хозяйствования и участниками конкуренции на рынке.

В настоящее время в Китае уже используются такие чисто рыночные формы управления предприятиями, как их слияние, объединение, аренда, подряд, акционирование, продажа, объявляется банкротство предприятий, перелив капитала из убыточных предприятий в прибыльные. Немало государственных предприятий начали осуществлять переход от управления отдельными предприятиями к корпоративной системе управления через создание компаний, от управления товарными потоками к управлению финансовыми потоками, от управления предприятия единственным инвестором к управлению группой инвесторов. Поиск наиболее оптимальной системы управления предприятиями в КНР происходит трудно, по-прежнему одной из основных проблем китайской экономики является реформа системы управления на государственных предприятиях. До сих пор эффективность хозяйственной деятельности предприятий госсектора ниже, чем на предприятиях других форм собственности.

Не менее важным направлением реформы стала реформа системы обращения. Было признано, что товаром являются не только средства производства, но и факторы производства. Иными словами, в Китае признали наличие не только рынка средств производства и предметов потребления, но и наличие рынка факторов производства, таких как рынки капитала, рабочей силы, техники и технологии, информации и др.

На первом этапе происходила отмена директивного планирования в производстве сельскохозяйственной продукции, резко сократилась доля государственного планирования в промышленности — с 95% в 1979 г. менее чем до 5% в настоя-

щее время (с. 141). Все это происходило на фоне реформы системы ценообразования, и государство строго контролировало этот процесс. В ходе реформы в КНР сформировалось три вида цен: 1) фиксированные государством директивные цены; 2) индикативные цены, которые могли отклоняться от установленных государством под воздействием спроса-предложения на рынке от 5 до 20%; 3) рыночные цены, которые устанавливались под воздействием рынка. Соотношение между тремя видами цен постепенно изменялось в сторону увеличения доли индикативных и рыночных и уменьшения директивных по мере продвижения реформы, развития рыночных отношений и развития многоукладности экономики. В результате к концу 90-х гг. свыше 80% цен на средства производства, 85% — на сельскохозяйственную продукцию и более 95% цен на потребительские товары устанавливались самим производителем в соответствии с конъюнктурой рынка (с. 141), в совокупном объеме розничной торговли доля директивных цен снизилась с более чем 95% в 1979 г. до 7,2% в настоящее время (с. 9). С помощью государственного контроля над ценами и сохранения директивных цен на основные виды сырья и материалов в Китае в 80–90-е гг. удалось снизить инфляцию издержек и не допустить ее выхода из-под контроля, хотя в условиях перехода к рынку инфляция неизбежно сопровождает реформы, потому что в условиях плановой экономики многие отрасли оставались на государственных дотациях, то есть планомерно убыточными. Но в КНР в результате антиинфляционной политики, связанной с формированием трех видов цен, удалось избежать чрезмерно высокой инфляции не только по сравнению с Россией и странами СНГ, но и со странами Восточной Европы (подробнее см. с. 386–390).

Второй том состоит из шести разделов: “Социальное страхование и реформа жилищной системы”, “Эксперименты реформы”, “Мониторинг реформы”, “Открытость внешнеэкономической политики”, “Реформа науки и техники, образования, культуры”, “Создание правовой системы”.

Суть реформ системы социального страхования и жилищной системы состо-

ит в минимизации расходов предприятия на социальные нужды — строительство жилья, формирование пенсионного фонда, фонда страхования по безработице, фонда оплаты по нетрудоспособности, лечебного фонда, фонда страхования при рождении детей — с целью повышения рентабельности крупных предприятий государственного и коллективного сектора, которые в 50-80-е гг. брали на себя все расходы по социальному страхованию. На основе экспериментов с формированием фондов социального страхования, проходивших с середины 80-х гг., в КНР была выработана оптимальная схема формирования различных фондов социального страхования для рабочих и служащих из двух источников — общественных взносов и индивидуальные накопительные счета (с. 425-426, 442-443). С 90-х годов такой же принцип стал распространяться и на приобретение жилья рабочими и служащими. До 90-х годов в КНР жилье в городах и поселках распределялось среди рабочих и служащих бесплатно, а плата за жилье была символической (0,30 юаней за 1 кв.м) и составляла не более 3% зарплаты рабочих и служащих (с. 515). Однако с середины 90-х годов ситуация изменилась. Были созданы фонды накопления средств для строительства жилья рабочим и служащим, где можно было взять ипотечный кредит для покупки квартиры, а также существенно повышена плата за коммунальные услуги, составлявшая в 2000 г. уже около 15% средней заработной платы. В результате, как отмечал Ли Теин в своем выступлении на совещании по реформе жилищной системы в декабре 1997 года, “коммерциализация при распределении жилья позволила многим рабочим и служащим повысить свои доходы за счет сдачи квартир в аренду и за 20-25 лет накопить средства на покупку нового жилья” (с. 573).

Большое внимание в КНР было уделено экспериментам в рамках отдельных городов и поселков, которые были направлены на увеличение общего количества поселков. В сфере социальной политики роль поселков в настоящее время чрезвычайно велика, поскольку формирование новых поселков городского типа (чэн-чжэнь) в результате создания в них боль-

шого количества волостно-поселковых предприятий позволяет удерживать огромную массу трудоизбыточного сельского населения от миграции в крупные и средние города. Как отмечает Ли Теин, “развитие малых городов и поселков и реформа — это важное дело, направленное на развитие и реформы сельской экономики, ... новый этап развития и реформы села” (с. 596-597).

Важной составной частью китайской экономической реформы является постоянный мониторинг, проводимый в различных районах и отраслях народного хозяйства Китая. Еще в конце 70-х годов в Китае был создан Комитет по экономической реформе при Госсовете КНР. Этот комитет формировал рабочие группы, состоящие из практических работников министерств и ведомств, местных кадровых работников и научных работников, которые вели регулярное наблюдение за социально-экономической ситуацией в отдельном регионе и составляли доклады, обсуждавшиеся на регулярно созываемых совещаниях общегосударственного масштаба. По итогам этих совещаний принималась развернутая резолюция, в которой отмечались положительные и отрицательные стороны реформы и выносились необходимые рекомендации для принятия директивных решений на уровне ЦК КПК и Госсовета КНР, распространявшиеся по всей стране. В таких совещаниях регулярно принимал участие Ли Теин, как правило, выступавший с основным докладом. В частности, выступая в январе 1996 года на одном из таких совещаний в провинции Хэйлунцзян, он отметил, что проблемы экономического развития и совершенствования экономической структуры провинции связаны с недостатком инициативы в осуществлении открытой внешнеэкономической политики в отношении сибирских регионов России. Он призвал местные власти развивать внешнюю торговлю с сибирскими регионами для продажи туда зерновых, масличных, овощей, продукции легкой, текстильной и электротехнической промышленности и закупок необходимых для страны таких видов продукции как алюминий, медь, химические удобрения, древесина (с. 666).

Политика открытости является важным направлением теории социалистической рыночной экономики. В основу теории политики открытости (*кайфан чжэнцэ*) были положены четыре основных момента: 1) необходимость создания экономики открытого типа; 2) использование как внутренних так и внешних ресурсов в развитии экономики; 3) создание теории "специальных экономических зон" и развития экономики открытого типа; 4) определение соотношения принципов открытости и "опоры на собственные силы".

Основной целью политики открытости является ускорение развития производительных сил Китая. Для этого предполагалось в большом количестве привлекать и использовать зарубежное передовое оборудование и технологию, передовой управленческий опыт, использовать два типа ресурсов — внутренние и внешние через систему внешнеэкономического сотрудничества и принимать активное участие в конкуренции на мировом рынке.

Китай уже в 80-е годы добился заметных успехов во внешнеэкономической деятельности. Внешняя торговля Китая в целом служит интересам страны и обеспечивает экономику страны сырьем и природными ресурсами. Важную роль играют созданные в Китае 4 специальные экономические зоны, 14 приморских портовых городов, зоны технико-экономического развития, ряд открытых городов и территорий, а также позднее созданная СЭЗ Хайнань и открытый экономический район Пудун в Шанхае. Еще в марте 1988 г. Ли Теин в своем выступлении на совещании руководителей комитетов по проведению экономической реформы в приморских районах указывал на необходимость проведения открытой внешнеэкономической политики в приморских районах для выхода на внешний рынок, развития внешнеориентированной экономики (с. 723-724). В результате проведения такой политики лишь один Шанхай получил для своего развития инвестиций на сумму около 50 млрд долл., а весь Китай с 1979 по 2000 год — 633,7 млрд долл. США, включая прямые инвестиции — 446,6 млрд долл. Только за один 2000 год было реализовано прямых иностранных инвестиций на сумму 59,35 млрд долла-

ров. Объем внешней торговли за годы реформ увеличился почти в 16 раз — с 20,6 млрд долл. в 1978 г. до 474,3 млрд долл. в 2000 г. (Чжунго тунци чжайяо — 2001. Пекин, 2001, сс. 150, 156).

Особое внимание в сборнике уделено вопросам развития образования, науки, техники и культуры в ходе экономической реформы. Ли Теин, выступая в ноябре 1992 г. на Всекитайском рабочем совещании по вопросам высшего образования, отмечал, что "ускоренное развитие системы высшего образования способствует подъему экономики на новую ступень" (с. 772). При этом обращалось особое внимание на создание благоприятных условий для развития высшего образования, что подразумевало "повышение уровня заработной платы профессорско-преподавательского состава, решение для них вопросов жилья, медицинского и пенсионного обслуживания" (с. 777).

Такое повышенное внимание к вопросам высшего образования в Китае было связано с пониманием китайским руководством все возрастающей роли науки, техники и культуры в глобализирующемся мире. В конце 80-х — начале 90-х гг. по всему Китаю стали создаваться зоны развития новых и высоких отраслевых технологий (*гаосинь цзишу чанье кайфацуй*), которые служили своего рода полигоном для соединения передовых достижений науки и техники с конкретными производственными задачами, обеспечивая в кратчайшие сроки внедрение научных теоретических достижений в практику. Как отмечалось в выступлении Ли Теина, в середине 90-х гг. в течение трех лет было создано 52 таких зоны общегосударственного уровня в Китае, свыше 50 тыс. предприятий новых и высоких технологий (*гаосинь цзишу цие*), из которых продукция 12 тыс. предприятий получила признание (с. 800). При этом большое значение придавалось развитию "экономики знаний" (*чжиши цзинцзи*), связанной с развитием информационных технологий и являющейся "шансом и условием быстрого развития, стратегией и политикой нашей страны, научной основой при выработке руководящей политики" (с. 821). Таким образом, особое внимание китайского руководства к развитию науки и техники,

образования и культуры стало важным фактором успеха политики реформ в Китае.

Параллельно происходили изменения и в финансово-экономическом законодательстве Китая. С 1979 по 1997 гг. высший законодательный орган КНР — Всекитайское Собрание Народных Представителей (ВСНП) и Постоянный Комитет ВСНП рассмотрели и приняли постановления по 328 законам и связанным с ними вопросам; высший исполнительный орган — Госсовет КНР утвердил и опубликовал 791 постановление; местные органы законодательной власти — собрания народных представителей провинций, автономных районов и городов центрального подчинения выработали и утвердили более 7000 законодательных актов местного значения; различные ведомства Госсовета КНР и местные народные правительства разработали свыше 17000 положений (с. 12). Большая часть этих постановлений была в свое время переведена на русский язык в Институте Дальнего Востока РАН (Подробнее см.: Китайская Народная Республика. Законодательные акты 1984-1988 / Под ред. Л.М. Гудошников. М.: Прогресс, 1989; Экономическая реформа в КНР. Преобразования в городе, 1979-1984: Документы. Пер. с кит. / Отв.ред. В.Н. Ремыга. М.: Вост. лит. РАН, 1994; Экономическая реформа в КНР. Преобразования в го-

роде, 1985-1988. Документы. Пер. с кит. / Отв. ред. И.Б. Шевель. М.: Вост. лит. РАН, 1993; Экономическая реформа в КНР. Преобразования в деревне, 1978-1988. Документы. Пер. с кит. / Отв.ред. Л.Д. Бони. М.: Вост. лит. РАН, 1993). Все эти законы и постановления позволили подвести правовую основу под рыночные изменения в экономике, определить права и обязанности предприятий и административных органов как субъектов рынка и "выдвинуть на повестку дня новую историческую задачу" — "управления страной на основе законов", "строительства социалистического правового государства" (с. 858).

В сборнике статей и выступлений Ли Теина можно найти ответы на многие вопросы, дискутирующиеся в среде ученых и практиков, изучающих опыт реформ КНР, в том числе и на общий вопрос, занимающий всех интересующихся Китаем: почему в КНР реформа в целом проходит достаточно успешно при высоких темпах экономического роста и постоянном повышении материального благосостояния народа. Думается, что сборник статей и выступлений Ли Теина представляет серьезный интерес для ученых, практических работников и всех тех, кто интересуется проблемами экономической реформы в КНР и в других странах с переходной экономикой.

© 2002

*А.Островский,
доктор экономических наук
М.Титаренко,
член-корреспондент РАН*

Границы Китая: история формирования

Под общ. ред. В.С.Мясникова и Е.Д.Степанова.
М.: Памятники исторической мысли, 2001. 470 с.

Формирование границ любого государства — длительный исторический процесс. Китай, стремительно и динамично развивающийся сегодня, в этом плане не стал исключением. Переживая смену династийных циклов, периоды внутренних и внешних потрясений, он постоянно менял свои картографические очертания.

Возникают естественные вопросы: закончился ли процесс формирования китайских границ в начале XXI века? На каких участках возможны новые изменения? На эти и многие другие острые вопросы дает ответ вышедшая недавно работа большого авторского коллектива ученых Института Дальнего Востока и других академических центров "Границы Китая: история формирования", выполненная под руководством академика В.С. Мясникова и доктора исторических наук Е.Д.Степанова. Книгу с полным правом можно назвать знаковой в современной российской синологии. Сегодня, с учетом новых политических реалий, дополненная новейшими, ранее секретными материалами, обнародованными в 90-х годах, она стала доступна широкому читателю, хотя и превратилась уже в библиографическую редкость.

Российско-китайская граница протяженностью более чем 4,5 тысячи км особо значима для нас. История ее формирования охватывает период с конца XVII в. до начала XX в. За это время были подписаны десятки договоров и трактатов, начиная с первого официального — Нерчинского договора 1689 г. Политической особенностью формирования российско-китайской границы было то, что она устанавливалась не в результате широкомасштабных войн, а в ходе дипломатических переговоров, в которых обе стороны в равной степени имели свои победы и поражения.

Добрососедство, как известно, было нарушено в 60 — 70-е годы XX в., в период известных советско-китайских разногласий. Тогда же и появились на свет китайские претензии на 1540 тыс. кв. км российских территорий, якобы несправедливо "отторгнутых царской Россией у Китая в XIX веке". В Китае учеными-историками была разработана концепция "утраченных земель" и некоего "исторического долга" России Китаю, отголоски которой, к сожалению, звучат в КНР и сегодня со страниц некоторых исследований,

популярных изданий и даже школьных учебников.

Формула патриарха китайских реформ Дэн Сяопина "закрыть прошлое, открыть будущее" была ключевой не только для нормализации межгосударственных отношений СССР (с августа 1991 г. — России) и КНР, но и при решении территориально-пограничных проблем. Соглашения от 16 мая 1991 г. о восточном и от 3 сентября 1994 г. о западном участках границы стали началом практического решения территориальных споров. За восемь лет — с 1991 по 1999 г. — была проведена полная демаркация границы, а в 1999 г. подписан документ, по которому только два участка из 22 остались несогласованными. Подписанный в Москве 16 июля 2001 г. президентом РФ В.В.Путиным и председателем КНР Цзян Цзэмином Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве зафиксировал "отсутствие взаимных территориальных претензий" у России и Китая и желание продолжить переговоры "на еще не согласованных ее участках". До разрешения этих вопросов стороны обязались (ст.6), соблюдать статус-кво, то есть действующую российскую юрисдикцию.

Что же осталось сегодня нерешенным в пограничной проблеме? Как упоминалось, не определены два участка: 1) остров Большой в районе Абагатуя на реке Аргунь; 2) острова Тарабаров и Большой Уссурийский на Амуре под Хабаровском. Географическая особенность первого связана с тем, что река Аргунь в районе Абагатуя растекается по двум руслам, которые огибают остров Большой с севера и с юга. Российская позиция, основанная на документах 1911 г., заключается в том, что граница должна проходить по южному руслу. По мнению китайских представителей, южное русло — это русло реки Хайлар, которая течет со стороны Китая, раздваивается и впадает в Аргунь. Граница, считает китайская сторона, поэтому должна проходить по северному руслу Аргуни и остров Большой должен быть включен в состав Китая.

Трудности демаркации второго участка также связаны с путаницей вокруг протоков и островов. Спорные острова расположены в месте впадения Уссури в Амур, которые выше по течению соединены протокой Казакевича. Россия, основны-

вываясь на положениях Пекинского дополнительного договора 1860 г., настаивает на том, чтобы граница выходила из реки Амур на протоку Казакевича и огибала острова Тарабаров и Большой Уссурийский с юга. Китай, соглашаясь, что по договору граница так и проходила, ссылается на нормы современного права, по которым демаркационная линия должна проходить по главному фарватеру реки. Поскольку по протоке Казакевича судоходство невозможно, то главный фарватер должен идти по северной границе островов, которые в этом случае также переходят под юрисдикцию Китая. Однако эти острова, в отличие от безлюдных островов в районе Абагатуя на Аргуни, обжиты и заселены и из-за близости к Хабаровску имеют и стратегическое значение. Российские представители говорят о возможности компромисса в таком варианте: решить пограничный вопрос на Аргуни согласно китайской версии, однако в обмен на это на участке под Хабаровском провести демаркационную линию в соответствии с российским предложением. Однако такой вариант для Китая пока, к сожалению, неприемлем.

Говоря о российско-китайской границе, нельзя обойти общую проблему. Насколько, в принципе, оправданы те или иные территориальные компромиссы со стороны России и не обрушится ли со временем на Россию новая "волна китайских притязаний" с учетом смены руководства в КНР, существования там отдельных антироссийски настроенных групп, других негативных факторов.

Гипотетически возможность реанимации в Китае официальной политики "утраченных земель" исключать нельзя. Вместе с тем, исходя из политических реалий, Россия ни сегодня, ни завтра, ни в более отдаленном будущем не может позволить себе "роскошь" иметь Китай в качестве врага или просто недружественного государства у себя на границах. Компромиссы 1991 - 1999 гг. были оправданными: они помогли перевести российско-китайское сотрудничество в новое качество — стратегическое партнерство, сделав его реальным и весомым.

В монографии детально освещена история формирования китайско-монгольской границы. В 1960 г. премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай во время своего официального визита в МНР в одной из бесед с монгольскими руководителями упомянул о согласии Китая провести пограничное урегулирование с Монголией. Соответствующие монголо-китайские переговоры начались в Улан-Баторе в октябре 1962 г. и к ноябрю стороны смогли не только урегулировать все спорные вопросы, но и подготовить текст пограничного

договора, который и был подписан спустя месяц. Хотя по договору Китай приобрел часть монгольской территории, традиционная граница МНР (Внешней Монголии) была сохранена. Более того, к МНР отошел спорный гобийский участок границы. Подписав в 1962 г. договор о государственной границе, Монголия и КНР пришли к концу XX века, не имея взаимных территориальных претензий. С апреля 2002 г. совместной монголо-китайской пограничной комиссией начинается проверка границы между двумя странами, которая имеет протяженность в 4677 км.: будут оборудованы новые пропускные пункты.

Нашел свое место в работе и раздел о разграничении Китая границ с новыми независимыми центрально-азиатскими государствами. В апреле 1994 г. было подписано, а в сентябре 1995 г. вступило в силу Соглашение между Казахстаном и КНР о делимитации казахстано-китайской границы протяженностью 1700 км. Под действие Соглашения подпала вся граница, за исключением двух участков — район р. Сарычильды и район перевала Чаган-Обо.

Дополнительным соглашением о казахстано-китайской государственной границе от 4 июля 1998 г. были разделены спорные участки в районе реки Сарычильды и перевалов Чаган-Обо и Баймурза. В итоге часть спорных территорий перешла к Казахстану, часть — к Китаю.

В декабре 1999 г., во время визита в КНР президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, в Пекине был подписан Договор о китайско-казахстанской границе. С подписанием этого документа фактически завершился длительный переговорный процесс, и граница получила юридическое оформление. Вместе с тем, остаются и нерешенные проблемы. Планируемое Китаем увеличение забора воды из Иртыша для нужд промышленности и сельского хозяйства Синьцзяна может иметь катастрофические последствия для экологии и экономики Казахстана.

4 июля 1996 г. было достигнуто соглашение между Киргизией и Китаем о киргизско-китайской границе. После длительного обсуждения прохождения границы в районе пика Хан-Тенгри стороны на компромиссной основе обменялись одинаковыми по площади территориями. Соглашение было подписано президентом Киргизии Аскарком Акаевым и председателем КНР Цзян Цзэминем в Бишкеке во время встречи глав "шанхайской пятёрки" 24-26 августа 1999 г. В настоящее время работа по делимитации и демаркации киргизско-китайской границы протяженностью 900 км еще не завершена.

Республика Таджикистан и КНР имеют общую границу протяженностью

более 500 км, проходящую в основном по Сарыкольскому хребту Памира. Переговоры по отдельным пограничным участкам между КНР и Таджикистана не завершены, хотя президентом Таджикистаном Эмомали Рахмоновым и председателем КНР Цзян Цзэминем в августе 1999 г. в Пекине и было подписано соглашение о границе. Достигнута договоренность о прохождении границы на перевале Каразак и по реке Маркансу. Наиболее сложный и протяженный памирский участок границы к югу от перевала Уз-Бель остается пока несогласованным.

Большое значение для позитивного решения отдельных еще не урегулированных пограничных вопросов имеет принадлежность Казахстана, Киргизии, Таджикистана, России и Китая к Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС).

Наиболее сложной для Китая остается его граница с Индией общей протяженностью около 3,5 тыс. км. Она проходит вдоль высочайшего в мире Гималайского хребта и делится на три участка — западный участок (граница индийского штата Джамму и Кашмир с Синьцзяном и Тибетом — 1600 км), центральный участок (граница индийских штатов Химачал Прадеш и Уттар Прадеш с Тибетом, проходящая вдоль Гималайского хребта от реки Сатледж до границы с Непалом, ее протяженность — около 640 км) и восточный участок (граница индийского штата Аруначал Прадеш, совпадающая в основном с так называемой линией Макмагона на участке между границами с Бирмой и Непалом. Ее протяженность — около 1100 км).

С середины 50-х годов в Китае публикуются географические карты, на которых значительная часть территории Индии, а также Сикким, Бутан, Непал и и некоторые другие районы были обозначены как китайские территории. Памятны и индийско-китайские вооруженные конфликты 60-х годов, державшие в напряжении весь мир.

Пограничная “разрядка” наступила в конце 80-х — 90-е годы. В ходе встречи на высшем уровне в Пекине 7 сентября 1993 г. было подписано “Соглашение о поддержании мира и спокойствия вдоль

линии фактического контроля”, а в ноябре-декабре 1996 г. Индия и Китай подписали Соглашение о мерах доверия в военной области вдоль этой линии, ставшее своеобразным “пактом о ненападении” двух стран.

Благодаря осуществлению договоренности о мерах доверия обстановка на индийско-китайской границе в течение последнего десятилетия остается “почти мирной”. Однако, при рассмотрении индийско-китайских отношений в целом, не следует забывать, что в территориальном споре с Китаем Индия считает себя пострадавшей стороной, подчеркивая, что Китай в свое время захватил часть ее территории. Индийские политики, несомненно, отдают себе отчет в том, что в обозримом будущем вряд ли стоит рассчитывать на добровольный возврат Пекином тех территорий, которые Индия считает своими. Поэтому речь в лучшем случае может идти о сохранении статус-кво.

Не все так просто для Китая на морских рубежах в Южно-Китайском море. В работе рассказывается о трех районах Южно-Китайского моря, которые служат предметом международных территориальных споров, причем в двух случаях объектами дискуссий являются расположенные здесь острова, в третьем же — в Тонкинском заливе — речь идет о разграничении водных пространств между КНР и Вьетнамом. Страны бассейна Южно-Китайского моря не могут пока прийти к согласию о принадлежности Парасельских островов, на которые претендуют Китай и Вьетнам, а также группы островов Спратли — протянувшейся с юго-запада на северо-восток на протяжении более 1000 км сотне мелких островков. На владение всеми или частью этих географических объектов претендуют КНР, Вьетнам, Филиппины и Малайзия. Известен также давний японо-китайский спор о принадлежности островов Сэнкаку.

Авторы приходят к выводу, что нерешенные проблемы демаркации сухопутных и морских границ КНР будут еще достаточно длительное время накладывать известный отпечаток на отношения Китая с отдельными соседями.

**Бажанов Е.П. Актуальные проблемы
международных отношений. Избранные труды в 3 т.
Т. 2. М.: Научная книга, 2002. 480 с.**

Один из ведущих российских специалистов по проблемам международных отношений и, в частности, по проблемам отношений России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона Е.П. Бажанов выбрал для публикации в 3-х томах своих избранных трудов наиболее значимые и актуальные из более чем тысячи статей, докладов и выступлений на различных научных форумах.

В первом томе, вышедшем в свет в 2001 году, были рассмотрены глобальные тенденции развития современного мира и место России в этом мире. Рецензируемый второй том посвящен вопросам, связанным с Азиатско-Тихоокеанским регионом и Китаем. По данным библиографии основных публикаций Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД РФ, заслуженный деятель науки России, профессор Е.П. Бажанов написал по этой проблематике 14 монографий, более 700 статей, разделов в коллективных монографиях и научных докладов ("Азиатско-Тихоокеанский регион. Библиография основных публикаций ИАМП Дипломатической академии МИД РФ за 1990-2000 гг.". М.: Научная книга, 2000). Из этих работ ученый отобрал те, которые продолжают сохранять свою научную актуальность и значимость в начале наступившего XXI века.

Том 2 включает в себя работы, написанные Е.П. Бажановым с конца 1980-х годов до 2000 года. Некоторые из них печатались ранее в виде статей в научных журналах и в прессе в СССР, России и за рубежом. Другие же, в том числе доклады и лекции, прочитанные в зарубежных университетах, публикуются впервые.

Книга состоит из двух частей (IV и V главы, так как автор продолжает нумерацию глав первого тома) — "Общие проблемы Азиатско-Тихоокеанского региона" и "Китай". Статьи в каждой главе расположены в хронологическом порядке. Это позволяет, с одной стороны, проследить изменения в российской политике в регионе, а с другой — все более углубляющийся подход автора к рассматриваемым вопросам.

В статьях и докладах IV главы, посвященных проблемам АТР, особое внимание уделено месту и роли России в АТР после распада СССР. Заключительная часть этой главы — "Ситуация в АТР

и задачи по обеспечению интересов России" — представляет собой обобщение тех идей, концепций и подходов, которые нарабатывались Е.П. Бажановым в 1990-е годы. Сформулировав основные долгосрочные интересы России в Азиатско-Тихоокеанском регионе — защита собственной безопасности, использование потенциала региона для реформирования и развития российской экономики, утверждение Российского государства в качестве одного из влиятельных и уважаемых центров в АТР, Е.П. Бажанов излагает свои представления о том, какова должна быть российская политика в регионе. "В нашей стратегии, — пишет он, — разумно сделать акцент на созидательной работе, посредничая (в осторожном и сдержанном ключе) в распутывании "узлов" напряженности, активно добиваясь укрепления режима нераспространения ОМУ, обуздания гонки обычных вооружений, упорядочения международной торговли оружием и т.д." (с.59-60). Подчеркивая значение участия России в формировании многоярусной сети многосторонних диалогов и форумов безопасности на региональном и субрегиональном уровнях, автор вместе с тем указывает на нецелесообразность для России пытаться возглавить процессы становления коллективной безопасности в АТР, но в то же время призывает максимально способствовать вовлечению в этот процесс малых и средних государств.

IV глава, безусловно, весьма информативна, хотя все же можно было бы включить в нее интересные доклады автора, сделанные им на зарубежных форумах в 1995-1999 гг. (См. "Азиатско-Тихоокеанский регион. Библиография." С. 15-18).

Обширная V глава "Китай" (с.63 — 480) начинается как бы по контрасту с предыдущей, в которой первая статья "Закрытый пейзаж" (с.11-15) представляет собой размышления международного о закрытости и открытости проблем политики в СССР, США и Китае. Первая же статья в главе о Китае — "Окно в Великой стене" (с.63-77) — повествует о различных сторонах политики открытости КНР внешнему миру. Последующие публикации, относящиеся к концу 1980-х годов (с.78-136), также характеризуют глубокие изменения во внутренней и внешней политике КНР в тот период. Они со-

держат органичный сплав личных впечатлений автора от поездок в Китай и анализа экономических, социальных и политических реалий китайского общества ученым-специалистом, стремящимся уяснить смысл происходящих в стране перемен, трезво оценить их, показать как позитивные результаты китайских реформ, так и нерешенные проблемы.

В целом же эта глава посвящена четырём основным сюжетам — советско-китайским, затем российско-китайским отношениям, реформам как в городе, так и в деревне, внешней политике КНР, роли китайского лидера Дэн Сяопина. Представляется, что хронологическое расположение публикаций в этой главе входит в некоторое противоречие с проблематикой. Выделение соответствующих разделов (Экономические и политические преобразования в КНР; Внешняя политика и т.д.), возможно, облегчило бы читателю восприятие столь объёмного и насыщенного материала.

Привлекает внимание впервые опубликованная в данном томе работа Е.П. Бажанова "Российско-китайские отношения на современном этапе" (с.413-475). После краткого исторического введения о нормализации советско-китайских отношений, автор переходит к анализу факторов, обусловивших сближение России и Китая в последнее десятилетие XX века. В работе подробно рассмотрены изменения в геополитическом раскладе сил на международной арене, преодоление политико-идеологических разногласий между Российской Федерацией и КНР, близость приоритетов внутреннего развития, диктующих необходимость проведения политики сотрудничества и добрососедских отношений, экономическая взаимодополняемость, географические и исторические факторы, успешное урегулирование двусторонних проблем, оставленных историей.

Стоит, пожалуй, особо отметить, что Е.П. Бажанов немало места уделил проблеме преодоления политико-идеологических разногласий, осознавая ее важность для дальнейшего поступательного развития российско-китайских отношений. Как нам представляется, на этот вопрос в публикациях о российско-китайских отношениях должного внимания не обращалось.

Анализируя российско-китайские экономические связи, автор делает акцент на проблеме поставок вооружений в КНР

(с. 374-377, 443-445), аргументировано отвечая противникам экспорта российского оружия в КНР и высказываясь за осторожность и необходимые количественные и качественные ограничения такой торговли (с.377).

Обосновывая взаимную заинтересованность Российской Федерации и КНР в тесном взаимодействии по многим направлениям, Е.П. Бажанов не проходит мимо проблем в отношениях между двумя странами как существующих, так и потенциальных (с.461-472). Среди последних автор выделяет проблему Центральной Азии, указывая, что "в целом КНР является одной из тех внешних сил, которые заполняют вакуум, образовавшийся в Центральной Азии после распада СССР" (с. 463).

В итоге своего анализа Е.П. Бажанов приходит к заключению, что России "следует сполна использовать исторический шанс и построить устойчивую модель взаимовыгодного, динамичного российско-китайского сотрудничества в XXI столетии. Такая модель, если она утвердится, позволит устранить или приглушить реальные и потенциальные разногласия, которые могут появляться между Москвой и Пекином" (с.472).

В рецензируемой книге затронут очень широкий круг проблем, и можно только пожалеть, что она не снабжена предметным и именовым указателями, что облегчило бы читателям — и специалистам, и просто интересующимся проблемами Китая и АТР — пользование содержащейся в ней ценной информацией.

Заканчивая краткий обзор второго тома избранных трудов Е.П. Бажанова, хотелось бы повторить его высказывание о внешней политике нашего государства: "В общем, проблем на восточном направлении нашей политики хватает. Одним махом их не решить. Да и не надо рубить сплеча. Политика, чтобы она была разумной и дальновидной, должна вырабатываться постепенно и непременно коллективными усилиями политиков, ученых, журналистов, общественности. Иначе ошибки и промахи, которых в прошлом было, увы, немало, будут повторяться" (с.24).

Есть достаточно оснований рассматривать рецензируемую книгу как вклад ее автора в разработку российской политики в АТР и в отношении Китая, отвечающей коренным интересам нашей страны.

**Такэнака Хэйдзо, Сакураи Ёсико. Татиагарэ! Нихон.
«Тикарацуёй кокка»-о цукуру сэрияку
(Вставай, Япония! Стратегия построения «мощного
государства»). Токио: РНР кэнкюсё, 2001. 278 с.**

Авторы рецензируемой книги — известный японский экономист Х.Такэнака и довольно популярная в Японии журналистка Ё.Сакураи. Написана книга в жанре беседы близких по идейным и политическим взглядам людей.

Ознакомление с книгой полезно всем, интересующимся жизнью нынешней Японии. Во-первых, в ней затрагивается обширный круг проблем, стоящих в центре дискуссий японского общества о путях адаптации страны к глобализации и другим явлениям современного мира. Во-вторых, оба автора в основном солидарны в подходах к этим проблемам с взглядами главы правительства Японии Д.Коидзуми. Один из авторов — Х.Такэнака назначен при формировании этого правительства министром по особым поручениям, ответственным за финансовую и экономическую политику.

Об исходных позициях авторов говорят их высказывания о нынешнем состоянии страны, общества, нации, духовных качествах японцев. На фоне динамичных перемен в мире, по словам авторов, «японцы разучились двигаться вперед, моментально теряются и делают полшага назад», «нация стала утрачивать способность к творчеству», «поблек наступательный дух» (с. 13-14), 55 послевоенных лет «снизили способность японцев к мышлению» (с. 43) и т.д. Негативные оценки японского настоящего перемежаются с ностальгией по прошлому и, в конечном счете, выливаются в призывы к японцам «вновь подняться», помня об истории своей страны и проявлявшихся в ней сильных качествах нации.

Во введении и двух первых главах книги рассматриваются преимущественно проблемы «возрождения японской экономики», находящейся в состоянии необычно длительного застоя.

Авторы приветствуют «сильную решимость» премьер-министра Д.Коидзуми ускорить проведение масштабных структурных реформ без каких-либо исключений. Реформы потребуют от народа «оп-

ределенных жертв», но «подняться» Япония может «только благодаря терпению» (с. 15). Медлить с проведением реформ нельзя, надо максимально использовать фактор высокого уровня поддержки кабинета Коидзуми, выявляемого опросами общественного мнения.

В июне 2001 г., всего через два месяца после избрания Коидзуми премьер-министром правительство приняло перспективный курс «возрождения Японии» (документ под названием «Основной курс экономической, финансовой политики и структурных реформ»). В книге высказано одобрение и даже восхищение необычным для прежней практики авторитарным стилем деятельности премьер-министра, поскольку содержание этого важного документа было разработано на основе «личных заметок» и под непосредственным «твердым руководством» Коидзуми в узком кругу вновь учрежденного консультативного органа, исходя из «понимания никчемности прежних дискуссий» (с. 18). По правилам и традициям Либерально-демократической партии (ЛДП), председателем которой является Коидзуми, до сих пор действовал порядок принятия принципиальных государственных решений путем обсуждения и утверждения в рамках органов партийной структуры.

Наряду с осуществляемой уже на плановой основе «реформой регулирования», то есть масштабным отказом от государственного регулирования в экономике и других сферах жизни общества, вершиной программы Коидзуми называется приватизация общественных предприятий. По мнению Х.Такэнака, приватизация должна принести двоякие выгоды: открыть новые возможности частному бизнесу и привести к сокращению достигшего непомерных размеров дефицита государственных финансов. Поскольку относительно судьбы так называемых особых юридических лиц (предприятий учрежденных специальными законами с участием государственного капитала для решения разнообразных задач обществен-

ного значения) нет согласия даже внутри правящих партий и правительственного аппарата, многие страницы книги отведены для критики недостатков в их деятельности, особенно корпораций скоростных автомобильных дорог, жилищного строительства и т.д.

Авторы поддерживают Коидзуми и в желании осуществить по возможности скорейшую приватизацию государственных почтовых предприятий (собственно почта, почтовые сбережения и почтовое страхование). В деятельности государственной почты по аккумулярованию громадных денежных сбережений населения они видят «деформирующее воздействие на функционирование рыночного механизма» (с. 95).

Последствием так называемой «экономики мыльного пузыря», иначе говоря, бума спекулятивных финансовых операций в Японии начала 1990-х гг., явились банкротства многих финансово-кредитных учреждений Японии. Доверие японцев к финансовой системе страны было подорвано. С одной стороны, были обмануты надежды банковских вкладчиков. Но, с другой стороны, отмечает Х.Такэнака, причина остающихся громадных невозвратных кредитов состоит в том, что «множество предприятий и частных лиц не возвратили деньги, полученные в кредит». В результате «выяснить механизм появления плохих кредитов», даже определить действительные их размеры, затруднительно (с. 15).

По планам правительства Коидзуми первоочередной задачей «возрождения японской экономики» является полное урегулирование проблемы несостоятельных кредитов. Неотложность решения данной проблемы подчеркивает и Х.Такэнака, считая, что без этого «не будет и восстановления экономики». По его мнению, из создавшегося трудного положения нет иного выхода, как решиться на выкуп несостоятельных кредитов, хотя для этого потребуются сокращение государственных инвестиций в общественные предприятия и временное согласие на низкие показатели экономического роста (с. 109-112).

Характерные черты международной обстановки на рубеже вступления в XXI век: резкое расширение мирового рынка в процессе глобализации, революция в информационно-коммуникационной технологии. Авторы книги считают, что Япония должна всемерно использовать раскрываю-

щиеся в этих условиях новые возможности.

Выступая за повсеместное внедрение свободной конкуренции, снятие всех препятствий функционированию рыночного механизма, Х.Такэнака призывает «понять главное: в Японии не было достаточного понимания конкурентной политики» (с. 88).

Ё. Сакураи заявляет, что нынешней Японии присуща «легковесная доброта», в то время, как «подлинная доброта» немислима без «твердости» и «силы» (с. 31). Ей вторит Х.Такэнака, утверждая, что в Японии вместо «требующегося сочетания «кнута и пряника» предлагались одни пряники, непременно присутствовали «сладкие слова заботы о слабых». «Японская политика до сих пор была перенасыщена пряниками» (с. 41).

Что касается революции в информационно-коммуникационной технологии, то ее значение для Японии рассматривается в двух аспектах. С одной стороны, использование ее достижений мыслится как важный фактор решения ближайшей задачи вывода Японии из экономического застоя. С другой стороны, успехи в опоре на этот фактор требуют проведения структурных реформ, усиления конкурентного начала не только в сфере экономики, но и особенно, в науке и образовании.

Поворот Японии в сторону повышения внимания к информационно-коммуникационным технологиям связывается с деятельностью предыдущего кабинета Ё.Мори, но Япония с пониманием значимости такого поворота «запоздала примерно на три года» (с. 84). Фиксируется «поразительное отставание» Японии, в частности, по распространенности использования Интернета от передовых стран, хотя страна обладает для этого всем необходимым. «Сегодня Интернетом пользуются около 20% японцев. В США — 52%, Сингапуре, Гонконге — около 40%» (с. 36). Выказываются конкретные соображения о побуждении населения Японии, а также предприятий и учреждений к использованию достижений информационно-коммуникационной технологии методами «кнута и пряника». Свообразным «кнутом» может быть, например, обязательность подачи налоговой декларации через компьютерные системы.

Постановка проблемы опоры на достижения информационно-коммуникационной революции является продолжением предшествовавших рассуждений Х.Такэнака о «мягкой силе», ее роли в современ-

ном мире и возможностях Японии. Обладая «грубой силой», экономической и военной, США стали в XX веке «мировым гегемоном». А нынешний «высокий имидж» США определяется не их грубой силой, а наличием большой «мягкой силы», в частности, глобальными информационными и другими возможностями, позволяющими «устанавливать международные правила» и «вдохновлять мир». Япония же, сумев показать миру «довольно существенное присутствие» в качестве грубой силы, обладает «абсолютно мизерной мягкой силой» (с. 63).

«Чрезвычайная слабость» Японии усматривается на следующих трех направлениях: в информации (отсутствие столь широких, как у США, возможностей пропагандировать свои ценности, свои взгляды на международные события и т.д.); в силе интеллекта (лидерами нового мира становятся люди, обучавшиеся в американских университетах); в профессиональной силе (на международной арене работает множество американских специалистов, но для японцев выхода сюда «почти нет»). Для существования Японии в XXI веке, заключает Х.Такэнака, необходимо решить большую и трудную задачу «обретения мягкой силы» (с. 64-66).

В одной из глав книги авторы излагают взгляды на отношения Японии с соседями по Азиатско-Тихоокеанскому региону и ее будущую внешнеполитическую стратегию как «самостоятельного», «суверенного» государства.

Известно, что в Японии осью дипломатии считают отношения с США. Естественно по этой причине первостепенное внимание японцев к американской внешней политике, особенно на азиатском направлении. С приходом к власти администрации Д.Буша, полагает Ё.Сакураи, в азиатской внешней политике США наблюдаются существенные перемены. Это, во-первых, возрастание интереса к азиатскому региону, прежде всего, в связи с «подъемом силы Китая». Во-вторых, слышатся призывы к Японии строить отношения с США по образу американско-английских, не верить Америке обеспечению собственной безопасности, стать страной самостоятельной, признать за собой «право на коллективную оборону». В этих призывах усматривается и подталкивание Японии к пересмотру ее конституции, мешающей ей свободно использовать вооруженные силы. В-третьих, Китай более не рассматривается в США как «стратегиче-

ский партнер», в то время, как сам Китай, не имея большого желания идти наперекор Америке, сближается с Россией. В-четвертых, усложнилась схема отношений вокруг Корейского полуострова. США твердо обуславливают помощь Северной Корее выполнением ее обещаний, касающихся «ракет и плутония». За Северной Кореей стоят Китай и Россия, за Республикой Корея — США и Япония, но «в отличие от прежней схемы» президент Ким Дэ Чжун «наполовину вовлечен Северной Кореей» (какого-либо конкретного пояснения такому выражению не дается). Наконец, появились признаки более пристального внимания США к отношениям с Индией, нежели с Китаем (с. 132-134).

Трудно предсказать, как сложатся японо-американские отношения при нынешней администрации в США. Но, считает Х.Такэнака, у японцев существует мнение, что Америка, «имея в виду собственную дипломатию на китайском направлении, будет предъявлять жесткие требования к Японии» (с. 136). Помимо того, отношения США с Японией будут строиться, как это наблюдалось и при президенте Клинтоне, в зависимости от состояния американской экономики.

Как экономист, Х.Такэнака в первую очередь отмечает важность совместных японо-американских усилий с целью выхода из экономической рецессии, впервые возникшей в условиях информационно-коммуникационной революции. Ё.Сакураи, заявляя, что для Японии пришло время действовать в международной политике в «качестве суверенного государства», делает больший акцент на обеспечение безопасности. «В это время нельзя только плясать под американскую дудку. Считаю важным иметь самостоятельный взгляд на Азию в целом, включая взгляд на Китай, представление о намерениях Индии, Республики Корея, стран Юго-Восточной Азии» (с. 141). Япония должна реагировать на внешнее давление, руководствуясь собственным пониманием государственного интереса — таков лейтмотив дальнейшего разговора авторов книги.

В требованиях и советах, касающихся японской внутренней экономической политики, отмечает Ё.Сакураи, американцы непоследовательны и противоречивы. Одно время они настаивают на активизации рыночной конкуренции, призывают не опасаться банковских банкротств и т.п. В другое время для вывода страны из экономического застоя предлагают делать

крупные государственные инвестиции в общественные предприятия, оказывать поддержку несостоятельным банкам, чтобы не вызвать мировой финансовой паники.

Х.Такэнака, констатируя заботу США прежде всего о собственных интересах, обращает внимание на важность различать «плохое» и «хорошее» внешнее давление. Начиная с 90-х гг. давление США «наносило ущерб японскому народу. Но даже, если давление извне оборачивается благом, оно остается иностранным давлением. В конечном счете, американское давление оказывается не в интересах Японии, оно удобно для самих американцев». Кроме того, великие государства, будь то США или Китай, в своей политике используют двойные стандарты. Японии так же, говорит Х.Такэнака, исходя из понимания собственного интереса, «в дальнейших отношениях с Америкой требуются двойные стандарты, построение политики, учитывающей конкретную обстановку» (с. 150-152).

С неприусцей большинству японцев откровенностью авторы выражают настороженность относительно усиливающейся роли Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе. После завершения холодной войны, считает Ё.Сакураи, Китай является «самой большой военной угрозой Японии». Тем не менее «одна Япония», например, в отличие от стран АСЕАН, «не ощущает Китай как военную угрозу». Более того, когда из «Китая, великой военной державы», поступает заказ «не становиться военной державой», только в Японии отвечают «да, слушаемся» (с. 157).

Какой должна быть позиция Японии по проблеме Тайваня в условиях, когда администрация Буша «четко показала», что стоит на стороне Тайваня? Япония, по мнению Ё.Сакураи, «должна в любом случае оказывать поддержку Тайваню в сфере экономики, дипломатии и обеспечении безопасности с тем, чтобы последний обеспечил возможность своего существования в качестве самостоятельного образования в соответствии с волеизъявлением населения» (с. 155). Х.Танака не столь категоричен. Поворот Японии в сторону Китая или Тайваня может нарушить баланс сил. Он лишь констатирует, что Японии чрезвычайно трудно определить свою позицию в условиях, когда «стратегическая неопределенность» США в тайваньской проблеме испытывает колебания, склоняясь то в сторону Китая, то вновь в сторону Тайваня (с. 160).

Ё.Сакураи поднимает «проблему островов Сэнкаку», о принадлежности которых сохраняется спор между Японией и Китаем. Не перейдет ли Китай к действиям, направленным на постепенное овладение ими, как это происходит, по японским наблюдениям, на островах Спратли? Япония «не сможет сражаться с Китаем, об этом нельзя думать и во сне», но «защитит ли Америка эти маленькие острова?» (с. 157).

Размышление авторов на тему о политике обеспечения безопасности Японии ведут их к двум важным заключениям. Они, во-первых, настаивают на сохранении военного союза с США, включая присутствие американских войск на Окинаве. Американские базы на Окинаве создают японцам немалые проблемы. «Но, в случае, если присутствия здесь американских войск не будет, — утверждает Х.Такэнака, — угрозы на Тихом океане станут более опасными». Важно создать обстановку, в которой США убеждались бы, что передовое развертывание американских вооруженных сил на Окинаве «послужит американским интересам» (с. 159). Во-вторых, авторы настойчиво проводят мысль о необходимости «законного» обладания собственными вооруженными силами и правом «свободного», наравне с другими странами, распоряжения ими. В этом смысле, говорит Такэнака, «естественно продвижение в направлении пересмотра конституции» и с этим «следует спешить» (с. 160).

Мысль об ущемленности Японии на международной арене, где она не может проявить себя полностью в качестве «обычной страны», обладающей всеми атрибутами суверенности, достигает апогея в четвертой главе, которая имеет многозначительное название «Пересмотр конституции, чтобы сделать Японию самостоятельной».

Не утруждая себя упоминаниями о причинах агрессивных войн Японии, приведших ее к поражению, Ё.Сакураи выражает обиду по поводу того, что нынешняя конституция была написана Штабом главнокомандующего оккупационными войсками всего «за шесть дней и ночей» «втайне от японцев» и «навязана» японскому правительству того времени (с. 206). К тому же Япония, добавляет Ё.Сакураи, не имела возможности свободно обсуждать эту конституцию, поскольку оккупационные власти наложили запрет на обсуждение ее содержания и даже на информацию о том, где и как она создавалась.

Не меньшее возмущение высказывается им по поводу того, что послевоенная конституция Японии остается неизменной в течение столь длительного времени вопреки «сложившемуся в мире здравому смыслу» приводить основной закон государства в соответствие с переменами времени. Победенная Германия, — указывает Ё.Сакураи, — при «мирной конституции» жила только пять лет, а всего до 2001 г. в ее конституцию поправки вносились 48 раз. Германия стала членом НАТО, без задержек направила свои самолеты для бомбардировок Югославии. «Германия, построившая суверенное государство, встречает доверие в международном обществе, ее не обвиняют в том, что она слишком далеко зашла, участвуя в военных действиях. Япония, напротив, защищает навязанную ей конституцию, остается страной, связанной по рукам и ногам» (с. 209).

С января 2000 г. в обеих палатах японского парламента учреждены специальные комитеты по изучению конституции. Приветствуя начало дискуссии о конституции в высшем государственном органе, авторы недовольны тем, что парламентские комитеты не наделены правом внесения законодательных предложений, а на обсуждение конституции установлен, по их мнению, чрезмерно долгий пятилетний срок. Будучи сторонниками быстрого пересмотра действующей конституции, они сетуют по поводу того, что на втором году парламентского обсуждения еще не видно реальных результатов.

Первоочередной целью пересмотра действующей конституции авторы называют изменение девятой статьи, запрещающей Японии иметь вооруженные силы и отрицающей за ней право на ведение войны. Эта статья, настаивают авторы, не только ограничивает суверенитет Японии, но и вошла в противоречие с фактическим состоянием страны, уже имеющей вооруженные силы, мешает их участию в международных действиях по обеспечению мира. Следовательно, по своему существу конституция не является реалистической. В дискуссии вокруг девятой статьи они призывают «вместо разговоров об опасности втягивания Японии в войну», думать, что «следует делать для обеспечения международного мира, какой должна быть роль Японии» (с. 184-185).

Нельзя, однако, не заметить, что призывы к пересмотру девятой статьи сопровождаются выражением откровенной

неприязни к преобладавшему в японском образовании акценту на привитие уважения к «мирной конституции». Чрезвычайно эмоциональна реакция авторов на аргумент одного из противников пересмотра конституции, рядовой учительницы, считающей, что именно благодаря девятой статье Япония не участвовала в корейской и вьетнамской войнах.

Второй главный недостаток нынешней конституции усматривается в несбалансированности декларируемых ею прав и свобод с обязанностями и ответственностью граждан, преобладанием первых над вторыми. Авторы книги подсчитали, что о правах и свободах в конституции говорится 25 раз, а об обязанностях и ответственности только семь. Конституция, говорит Ё.Сакураи, — обязывает «учиться», «трудиться», «платить налоги». Но обязанность учиться — это одновременно и право, а без труда человек не проживет. В Японии множество физических, а также 65% юридических лиц, которые налог государству не уплачивают. Следовательно, «обязанностей в настоящем смысле этого слова в Японии нет. Нынешний дух конституции: обязанности можно и не исполнять» (с. 200). Конституция и основанные на ней законы, в частности, предпринимателей «подталкивают к бездеятельности», а в целом конституция «не разъясняет японцам значение самостоятельности и личной ответственности», «порождает опшление качеств японского народа» (с. 200-201). Развивая мысль своего коллеги о «вредном» влиянии нынешней конституции на японский народ, Ё.Сакураи заявляет: «Особенно не хватает в нашей стране духа самостоятельности... Японцы, сильно надеясь, что и в политике, и в обеспечении безопасности кто-то и что-то сделает для них, все больше утрачивают волю к власти, становится жалкой нацией» (с. 218).

Столь жесткие оценки своего народа трудно признать справедливыми, если помнить о его громадных достижениях в послевоенное пятидесятилетие. Тем не менее авторы продолжают выражать беспокойство «духовным упадком» японцев, ища его корни на этот раз в средствах массовой информации и системе образования, предлагая их «реформу» в пятой, заключительной главе.

Средства массовой информации подвергаются жесткой критике, в их адрес брошено обвинение в недостатке ответственности. «Японским журналистам, — говорит

Х.Такэнака, — «несвойственно выяснять, в чем состоит государственный интерес» (с. 231). Ё.Сакураи идет дальше, высказываясь за внедрение «системы оценки сообщений в средствах массовой информации» (с. 240). С разных сторон рассматривается состояние школьного образования, в частности, одним из его изъянов называется невнимание к преподаванию отечественной истории.

Чем же авторы недовольны конкретно в этих двух важных сферах общественной жизни? Вряд ли можно считать случайностью, что около трети объема пятой главы отведено изложению взглядов авторов на историю японо-российских отношений, которая сводится только к «проблеме северных территорий». Авторы считают, что информации по данному вопросу «чрезвычайно мало», хотя японцам необходимо «знать исторические события, указывающие неоспоримую принадлежность Японии северных территорий» (с. 234–235). Перечень такого рода исторических событий, о которых подробно рассказывает Ё.Сакураи, не оригинален. Отдельные факты вырываются из общего контекста истории японской внешней политики, а другие, свидетельствующие о необоснованности территориальных требований, попросту замалчиваются. Японскую дипломатию на российском направлении, которая проводилась до недавнего времени, Ё.Сакураи признает «единственно верной», на фоне того, что люди, занимающиеся Корейским полуостровом, «когда-нибудь склонялись к Республике Корея или Северной Корее», а работающие на китайском направлении, попадали под сильное влияние Китая» (с. 226).

Именно благодаря твердой позиции, считает Ё.Сакураи, Япония добилась того, что предметом переговоров по «северным территориям» стали не два острова, а четыре. Большим успехом японской стороны, называется подписание в 1994 г. Токийской декларации.

Результаты переговоров премьер-министра Р.Хасимото с президентом Б.Н.Ельциным в Красноярске и Каване, напротив, рассматриваются как «отступление от принципов», «большая уступка российской стороне», поскольку на них в «частое употребление» вошли слова «определение государственной границы и договор о мире и дружбе», тем самым «тема территориальной проблемы ступшевалась». В такой обстановке у некоторых полити-

ков внутри Либерально-демократической партии появилась точка зрения, предполагающая «не одновременное возвращение сразу четырех островов, а первоначальную передачу двух из них». Раздвоенные мнения в Японии позволило российской стороне использовать «раскол» и «переменить свою позицию». Поездка премьер-министра Е.Мори в Иркутск, где была подтверждена Совместная декларация двух стран 1956 г., по мнению Ё.Сакураи, является ни чем иным, как «отрицанием прежних усилий японской дипломатии, возвратом к 1945 году».

Не оправдалось также представление Р.Хасимото о том, что акцент на «личные доверительные отношения» с Б.Н.Ельциным «поможет решить территориальную проблему». К общей картине «отступления» Японии от прежней «твердой позиции» в территориальных требованиях Ё.Сакураи добавляет еще один штрих: ее возмущает обещание Японии оказать «экономическую помощь России на сумму в 7 млрд долларов» (с. 226–230).

Х.Танака в оценке нынешнего состояния переговоров с Россией придерживается иного мнения. «Период, когда на переговорах возврат четырех островов не просматривался, сменился периодом появления возможности какого-то продвижения». Ассоциируя японскую «твердую позицию» в основном с ее акцентом на «легитимность» территориальных требований, он считает более рациональным балансом между «легитимностью» и не наносящим ущерба государственным интересам «реализмом». «На стадии переговоров, имеющих довольно реалистический оттенок, следует, сохраняя легитимность, вносить и элементы реализма» (с. 232).

Как видно из книги, в духовном воспитании японцев в целях быстрого «возрождения» страны авторы определенные надежды возлагают на входящее в моду переписывание истории на «основании вновь обнаруживающихся фактов». Ё.Сакураи в послесловии прямо ставит задачу пересмотреть «отношения с США и великими державами Европы» в период Второй мировой войны, свидетельства Токийского суда и т.п. (с. 277).

Показательно использование в этом направлении изданной в 2001 г. в Японии книги американца Роберта Тэйнета Day of Deceit, под названием «Правда Перл-Харбора». Ссылаясь на «17-летние исследования» ее автора, Ё.Сакураи утверждает что трагедия Перл-Харбора является

ни чем иным, как «провокацией» президента США Ф.Рузвельта, который якобы преднамеренно дозволил японскому флоту совершить нападение, чтобы «представить японцев злодеями». Помимо того, говорит Ё.Сакураи, еще за год до Перл-Харбора «Японию раздражали, заставляли возмущаться, всем миром загоняли в угол. В результате Япония поддалась на эту стратегию, разочаровалась, возмутилась и вступила в войну» (с. 127-128). О причинах критики действий Японии того времени Ё.Сакураи ни единым словом не обмолвилась.

Очевидную тенденциозность в толковании общеизвестных фактов истории Второй мировой войны и роли Японии в ней Х.Такэнака дополнил своей ремаркой, будто «вступление Японии на путь международной изоляции» еще в начале

1930-х гг. стало следствием доклада комиссии Лиги наций под председательством Литтона, не оценившего «справедливость» действий Японии в «маньчжурском инциденте» (с. 128), т.е. захвата японской военной Маньчжурии в 1931 г.

Помимо отмеченных в рецензии тем, в книге затрагиваются и многие другие. В целом же, изложенные авторами взгляды позволяют увидеть многослойную картину экономической и политической жизни сегодняшней Японии, ближе познакомиться с настроениями и намерениями людей, близких или принадлежащих к тому течению в правящих кругах, которое в Японии часто называют «неоконсервативным» и которое лишь недавно стало утверждаться в качестве «основного», отодвигая с первого плана представителей «старого» консерватизма.

© 2002

*А.Сенаторов,
кандидат исторических наук*

Лу Сюэи. Дандай Чжунго шэхуй цзецэн яньцзю баогао. (О социальной структуре современного китайского общества) Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2002.

Выдвинутое Цзян Цзэминем в докладе по случаю 80-летия правящей компартии положение о необходимости расширения социальной базы КПК стимулировало заметный рост интереса китайских общественных деятелей к анализу социальной структуры страны.

Одной из первых серьезных попыток дать ответ на вопрос о тех социальных сдвигах, которые произошли в КНР за годы реформ, стал "Доклад об исследовании социальных слоев в современном Китае", изданный недавно Академией общественных наук Китая.

Работа подготовлена Институтом социологии АОН Китая в рамках выполнения задач, поставленных перед ним президентом Академии общественных наук Ли Теином. В ее основу положены полевые обследования, проведенные в 1999-2001 гг. в городах Шэньчжэнь (пров. Гуандун), Хэфэй (Аньхой), Фуцин (Фуцзянь), Ханьчуань (Хубэй) и уезде Чжэньнин (Гуйчжоу). Настоящее исследование представляет собой первую из серии работ, поэтому его выводы по словам авторов, носят промежуточный характер. В дальнейшем предполагается обобщить результаты ряда других полевых обследований (в т.ч. на конкретных предприятиях и в вузах) и обработать данные всекитайского опроса, который был проведен в 72 городах и уездах 12 провинций в июне 2001 г.

Авторы доклада положили в основу выделения различных социальных слоев в современном китайском обществе критерий профессиональной специализации граждан, дополненный анализом фактической возможности использования теми или иными категориями населения организационного, экономического и культурного ресурса.

В результате было выделено 10 социальных страт, или слоев: "государственные и социальные управляющие" (по оценке на основе данных статистики и переписи населения, в 1999 г. их доля составила 2,1% экономического активного населения страны); менеджеры (1,5%); частные предприниматели (0,6%); технические

работники и специалисты (по сути дела, аналог советского понятия "инженерно-технические работники" — 5,1%); "конторские" служащие (4,8); индивидуальные промышленники и торговцы (4,2%); работники торговли и сферы услуг (12%, из них 3,7% — выходцы из деревни); производственные рабочие (22,6%, в т.ч. 7,8% — выходцы из деревни); работники сельского хозяйства (44%) и, наконец, незанятые (домохозяйки), безработные и полубезработные (3,1%). По данным полевых обследований, удельный вес различных социальных страт на местах существенно варьирует по сравнению со среднекитайскими показателями. Так, в Шэньчжэне доля частных предпринимателей достигает 4,4%, технических работников и специалистов — 19,9%, служащих — 23,2%. В Хэфэе, напротив, весьма высока доля госуправляющих — 4,6%. В уезде Чжэньнин крайне низки доли частных предпринимателей (0,2%), служащих (1,7%) и технических специалистов (1,5%).

Анализируя изменения за полвека существования КНР, авторы исследования приходят к выводам, что работники сельского хозяйства более не составляют абсолютного большинства в общей численности занятых в стране, что предприниматели и менеджеры уже превратились в весьма важные самостоятельные социальные слои, которых вместе с государственными управляющими и специалистами можно рассматривать в качестве ведущих социальных страт современного Китая. Что касается производственных рабочих, то им авторы по-прежнему отводят роль "классовой и массовой базы" выполнения компартией Китая правящих функций. Отмечается сохраняющаяся "чрезвычайная важность" данной социальной страты, необходимость защиты ее особых интересов. Однако в специальной главе о рабочих фактически признается, что их социальный статус в условиях рыночных реформ понизился, а это субъективно воспринимается многими рабочими крайне болезненно. Перспективы повышения социального статуса и доходов рабо-

чих связываются с освоением ими современной техники и технологии.

В стране, подводят итог авторы, уже сформировался прототип современной социальной структуры общества, но пока только прототип, и не более того. В своем нынешнем виде социальная структура Китая еще далеко не отвечает задачам модернизации экономики. Ее нерациональность наиболее явно проявляется в чрезмерной доле крестьянства (как правило авторы избегают употребления этого термина, но суть дела от этого не меняется) и в незначительной доле тех слоев, которые в мировой социологии называются "средним классом". Вследствие этого страна не обладает достаточными структурными ресурсами для противодействия трудностям и обеспечения устойчивого развития. Интересы модернизации и сохранения социальной стабильности в Китае требуют формирования достаточно крупномасштабного "среднего класса".

Представление о современных параметрах "среднего класса" в Китае и резервах его расширения дает проведенная авторами группировка социальных страт по так называемым "разрядам", отражающим социальный статус тех или иных групп населения (а фактически и уровень доходов).

В "высший разряд" общества включены высокопоставленные руководящие кадровые работники, директора ведущих предприятий, крупнейшие предпринима-

тели, научно-техническая элита.

В "верхнюю часть среднего разряда" вошли: основная масса кадровых работников, управленцы среднего звена крупных предприятий, руководители средних и мелких госпредприятий, специалисты и технические работники "средней руки". По мысли авторов, два вышеупомянутых социальных "разряда" и составляют сегодня средний класс Китая, на долю которого приходится порядка 18% населения страны — против 60% в США.

"Среднюю часть среднего разряда" составили хозяева мелких предприятий, служащие, индивидуальные промышленники и торговцы, низовой слой технических работников.

"Нижняя часть среднего разряда" представлена работниками сферы услуг и торговли, рабочими и крестьянами.

Наконец, "низший разряд" охватывает беднейшую часть рабочих и крестьян и незанятое население.

Главный вывод исследования состоит в том, что от стихийного процесса трансформации социальной структуры общества Китай должен перейти к ее целенаправленному формированию с активным использованием инструментов государственной политики. Более того, именно формирование рациональной социальной структуры общества должно стать одной из центральных задач социально-экономической политики государства.

Цзиньжу 21 шицзиды Чжунго нунцунь. Сюн Цзинмин чжубянь (Китайская деревня, вступающая в XXI век) под редакцией Сюн Цзинмин. Гуанмин жибао чубаньшэ, Пекин: 2000. 481 с.

Книга "Китайская деревня, вступающая в XXI век", подготовлена коллективом авторов, главный редактор Сюн Цзинмин (Университет китайского языка Сянгана). Книга имеет подзаголовок "Описание настоящего положения и изменений в жизни крестьян, рассмотрение успехов и изъянов в строительстве деревни. Подлинно, реально, правдиво".

Содержание книги полностью соответствует заявленным целям, ее можно рассматривать как миниатюрную энциклопедию жизни китайской деревни, характеризующую многие ее стороны. Каждая из девятнадцати глав книги, авторами которых выступают ученые Институтов социологии и экономики Академии общественных наук Китая, провинциальных отделений АОН, Пекинского и провинциальных Университетов, работники администрации провинций и волостей, посвящена определенному аспекту общественного устройства, социальной структуры или экономической ситуации в деревне. В работе много фактологического и статистического материала, используемого авторами в подтверждение высказываемых суждений.

Внимание авторов сосредоточено на анализе двадцатилетнего периода реформ с упором на 90-е годы, в ряде случаев проводится сравнение с более ранними периодами существования КНР.

В коротком предисловии Лу Сюэи (Институт социологии АОН Китая) концептивно проследил путь социально-экономического развития страны, подчеркнув, что абсолютное преобладание сельского населения оказывало влияние на формы и темпы этого развития. Лу Сюэи отметил, что несмотря на то, что в написании книги участвовало 24 автора, она воспринимается как единое и целое исследование во многом благодаря работе главного редактора и высокому уровню профессионализма авторов. Книга преследует цель познакомить научную общественность в основном за пределами Китая с ситуацией в китайской деревне, чтобы дать более глубокое представление о стране.

Введение, написанное главным редактором Сюн Цзинмин (Университет китайского языка Сянгана) вводит читате-

лей в круг рассматриваемых проблем с акцентом на наиболее значимые для жизни китайской деревни. Она полагает, что прежде чем во всех подробностях выстраивать модель развития деревни, имеющей исторический груз проблем слишком большого сельского населения, неблагоприятной экологической ситуации, неопределенности положения кооперативных структур, чрезмерно разбухших низовых звеньев управления и ряда других, необходимо иметь четкое представление о нынешнем положении, в изучение которого авторы данной монографии попытались внести свою лепту (с. 18).

Главы книги, написанные различными авторами, можно сгруппировать в несколько тематических блоков, первым из которых является организационно-административная структура деревни. Глава "Правительства волостей и поселков" (автор Ли Кан, Центр обследований Министерства гражданской администрации) знакомит с современной политической структурой Китая, представленной четырьмя уровнями: центр, провинция, уезд, волость и поселок. Последние представляют собой ступень административной власти, находящуюся в подчинении правительства уезда, являясь самым низовым уровнем административной системы государства. Правительства волостей и поселков формировались в течение 1983-1985 гг. в соответствии с "Уведомлением ЦК КПК и Госсовета КНР о разделении административных органов и коммун и создании правительств волостей и поселков", принятым в октябре 1983 г.

Волости и поселки можно разделить на четыре вида: 1. волости и поселки, находящиеся в городских пригородах; 2. поселки, находящиеся в непосредственной близости к уездным городам; 3. поселки, возникшие в сельской местности; 4. волости, объединяющие деревни. В зависимости от размеров поселков (площадь, население), уровня экономического и культурного развития, им предоставляются неодинаковые административные полномочия.

Основными компонентами организационной структуры волостей и поселков являются партийный комитет, правительство и собрание представителей населе-

ния. Правительство волостей и поселков является исполнительным органом собрания народных представителей и одновременно с этим — низшим государственным административным органом. Автор рассматривает деятельность правительств волостей и поселков на примере пригородов Шанхая и провинции Цинхай. В 1992 г. в Шанхае численность работников партийных и правительственных органов волости или поселка составляла в среднем 60–70 человек, самый высокий показатель — более 100 человек, тогда как в соответствии с постановлением от 1986 г. (документ № 28): в районах с плотностью сельского населения более 300 человек (на 1 кв. км) доля управленческого персонала должна была составлять примерно 1‰, но не более 1,3‰ — численность партийно-административного аппарата в среднем одной волости или поселка не должна была превышать 28 человек (с. 29). В пров. Хунань превышение штата работников не было столь значительным, как в пригородах Шанхая, и только одна из трех обследованных провинций — пров. Цинхай не превысила установленной нормы. Рассматривая образовательный уровень и деловые качества администрации волостей и поселков, автор приходит к выводу, что они далеко не всегда соответствуют предъявляемым требованиям (с. 31). Необходимое реформирование волостных и поселковых организаций не должно заключаться в непосредственно структурных преобразованиях, требуются изменения в их кадровом составе, чтобы расширение или сокращение служебных полномочий административных органов имело следствием возрастание роли неофициальных организаций. Результатом стало бы упорядочение проблем служебных полномочий, власти и тех или иных выгод. Цель обновления управленческих структур на уровне волостей и поселков — сделать широкие массы крестьян единственным ревизором и инспектором их деятельности (с. 42).

В главе “Организации на уровне деревни” автор Сян Цзицюань (Институт научного коммунизма) прослеживает историю распада народных коммун и формирования органов самоуправления деревень в процессе сельской реформы. Переход к системе хозяйствования на основе семейного подряда обеспечил определен-

ную хозяйственную самостоятельность крестьянского двора, превратив его в относительно независимый экономический субъект, изменил отношения с еще существовавшей в первые годы реформы коллективной ступенью хозяйства. Крестьяне получили определенную свободу в социальном отношении, для них не стал непререкаемым, как в прошлом, авторитет местных кадровых работников, по словам одного из которых, крестьяне перестали быть хорошо управляемыми как раньше, когда за непослушание можно было вычитать трудовые единицы или уменьшать зерновой паек (с. 46).

В конце XX в. самым существенным изменением в системе управления деревней на низовом уровне стало, по мнению автора, создание организации самоуправления деревни и упорядочение отношений между волостью (поселком) и комитетами жителей деревни (с. 50). Внешнее проявление этих изменений может быть не было столь ярко выраженным, поскольку на основе коммуны были сформированы округа, на основе большой производственной бригады — волости во главе с волостными правительствами, а производственная бригада, она же, как правило, и естественная деревня, стала низовой единицей самоуправления с избранным комитетом жителей деревни во главе.

“Закон КНР об организации комитетов жителей деревни*”, в окончательном варианте принятый в ноябре 1998 г., определял их как низовые массовые организации самоуправления, благодаря которым сельское население получает возможность решать задачи самоуправления, самообслуживания и самовоспитания. В обязанности этих комитетов входят организация жителей деревни для развития различных форм кооперативной и иной законной хозяйственной деятельности, обеспечение и координация производства на территории конкретной деревни, стимулирование развития сельскохозяйственного производства и социалистической рыночной экономики. Кроме того, комитеты должны защищать общественную собственность, законные права и интересы населения, поддерживать общественный порядок, развивать культуру и образование в деревне, распространять научно-технические достижения. Обычно комитеты жителей деревни избирались в деревнях, чис-

* В российской литературе эти комитеты чаще называются комитетами сельского населения, однако, на наш взгляд, перевод этого названия как “комитеты жителей деревни” более полно отражает его сущностное содержание.

ленность взрослого населения которых колебалась в пределах 1–3 тыс. человек; в небольших деревнях она могла составлять 300–400 человек, в относительно крупных — 8–9 тыс. человек (с. 52). Членами комитета избирался председатель, его заместитель, число членов комитета составляло 3–7 человек, на практике довольно часто использовалось совмещение должностей: председатель комитета жителей деревни мог одновременно быть секретарем ее партийной организации и возглавлять коллективную хозяйственную организацию (с. 73). Руководящие работники на уровне деревни как правило были выходцами из крестьян данной деревни, они не входили в состав категории государственных кадровых работников. Как свидетельствует практика, многие из них по своим деловым качествам и знанию дела были выше уровня работников волостного и даже уездного звена.

Отношения между волостными и поселковыми правительствами, с одной стороны, и комитетами жителей деревни, — с другой, на деле значительно более сложные, чем отношения руководства вышестоящей ступенью низшей. В немалом числе районов правительства волостей и поселков спускают многочисленные директивные задания комитетам деревень по выполнению планов закупок зерна, показателей рождаемости, сбору налогов, предоставлению различных видов статистической отчетности, устанавливаются сроки исполнения этих заданий, премии и санкции (штрафные) в случае невыполнения. Некоторые волостные правительства ежегодно доводят до деревень задания по сельскохозяйственному производству и стоимостным показателям промышленности, осуществляют контроль за финансовой деятельностью деревенских комитетов. Образно говоря, многие комитеты жителей деревни становятся "одной ногой" правительства волостей и поселков (с. 76). Можно согласиться с заключением автора о том, что в деревне пока не удалось создать систему управления и организационную систему, адекватную требованиям современного экономического и социального развития, а также чаяниям людей. Но вместе с тем нельзя недооценивать вклад работников административных структур всех уровней в обеспечение в целом стабильной обстановки в деревне.

Довольно подробно в книге рассмотрен блок социальных проблем деревни: это и возрождение семейных кланов, положение в системе образования и здравоохранения, положение женщины, вопросы семьи и брака и планового деторождения.

Сян Танбяо (Канцелярия по изучению политики пров. Цзянси) на конкретном материале ряда провинций показывает значительный масштаб деятельности семейных кланов. Последняя проявляется не только в восстановлении могил и храмов предков, но и в активной деятельности по внедрению в состав руководящих работников на уровне деревень и волостей, организации кооперативных хозяйственных групп, состоящих из родственников. В некоторых местах, не гнушаясь никакими средствами, вплоть до убийств, перераспределяют подрядную землю в интересах родственников, захватывают пустоши и горные склоны для самостоятельной обработки (эти земли не подлежат налогообложению) или сдачи в аренду с целью усиления экономических позиций клана (с. 88, 95).

Возрождение феодальных традиций началось уже в открытую после утверждения в деревне семейных форм хозяйствования, особенно интенсивно этот процесс шел в южных провинциях: Цзянсу, Чжэцзян, Хубэй, Хунань, Гуандун; наименее заметно он протекал в провинциях Северо-Восточного и Северо-Западного Китая (с. 80). Руководство страны предпринимает меры по борьбе с этими явлениями в основном политико-идеологического характера, усиливая пропаганду социалистической духовной культуры. Ли Пэн, выступая с речью в мае 1996 г. на втором рабочем совещании патриотических сил Китая на местах, охарактеризовал деятельность, направленную на возрождение семейных кланов, как носящую ярковыраженный феодальный характер (с. 100). Тем не менее рядовому крестьянину трудно противостоять засилью того или иного семейного клана, если таковое имеет место в конкретной деревне. По данным социологического опроса, проведенного в январе–феврале 1998 г. в 80 деревнях (было опрошено более 2 тыс. крестьян) на вопрос: "Ваше поведение в отношении деятельности семейного клана", 20,5% ответили, что они активно участвовали бы в ней, 30,5% ответили, что они поступили бы как большинство людей, 25,1% — не предполагают участвовать, но если обстоятельства сложатся так, что без этого нельзя, они будут участвовать, 4,3% опрошенных не определили свою позицию, и только 13,6% твердо ответили, что не будут принимать участия (с. 103).

В главе "Брак, семья, женщина" Гао Сяосянь (Канцелярия Союза женщин пров. Шэньси) анализирует нынешнее состояние этих основных составляющих социальной жизни деревни, предпослав это-

му краткий исторический экскурс. В традиционном сельском обществе важнейшие общественные связи основывались на базе брака и семьи. Среднестатистическая семья в деревне за годы существования КНР почти не претерпела количественных изменений: в 1953 г. она состояла из 4,3 человека, в 1990 г. — 4,2 человека, в 2000 г. — тоже 4,2 человека, увеличение отмечалось лишь в середине 80-х гг. до 4,6 человек, тогда как в среднем по стране размер семьи уменьшился с 4,3 человека в 1953 г. до 3,87 человека в 1994 г. (с. 164). Прослеживалась тенденция к структурному упрощению сельских семей, т.е. возрастала доля семей, в которых совместно проживали муж, жена и несовершеннолетние дети, такие семьи составляли категорию главных или основных семей. Их доля, по данным выборочных обследований, увеличилась за период 1978–1986 гг. с примерно 60% до почти 78% в разных районах. Семьи, в которых подростки выходили замуж или женились и уже появлялись их дети, считались семьями, состоящими из прямых родственников, их доля находилась в пределах 25%, колеблясь в зависимости от района проживания от 21 до 26,5%. Доля семей, в которых проживали совместно ставшие взрослыми и вступившие в брак внуки, так называемых объединенных семей, была невелика: от 0,7 до 5,8%, в период, по которому приведены данные, она заметно сократилась: в пригородах Шанхая с 1,3 до 0,7%, в пригородах Пекина — с 2,9 до 0,8%, в пров. Хэнань — с 5,8 до 3,2% (с. 166).

Другая тенденция, выявленная по данным выборочных обследований, состояла в сокращении срока, в течение которого молодая семья отделялась от родительской и становилась самостоятельной. В 60-е годы на это уходило до 5 и более лет после вступления в брак детей, в 70-е годы — 3–4 года, в 80-е годы — 1–2 года.

Положение главы в китайской сельской семье традиционно принадлежит мужчине, этот факт остается незыблемым. По данным выборочного обследования, проведенного Институтом народонаселения АОН Китая в десяти провинциях страны по теме "Положение женщины в современном Китае", основные обязанности по домашней работе приходятся на долю женщины. Приготовление пищи, стирка, уход за детьми и домашней птицей ложатся на плечи жены в семье: от 72 до 92% этих работ выполняет именно она, уход за детьми — 65%, доставка воды на коромысле — 45%, покупка предметов ширпотреба — 57%. Из семейных

обязанностей на долю мужа выпадает: доставка воды — 24%, покупка предметов ширпотреба — 30%, уход за рабочим скотом — 18% объема соответствующих работ. Совместно проживающие родители главы семьи более или менее значимую долю работ берут на себя по уходу за детьми — 22%, участие детей (имеются в виду несовершеннолетние дети) в семейных делах невелико — около 4% объема работ по приготовлению пищи и доставке воды (с. 169).

Выполнение же основных сельскохозяйственных работ является главным образом обязанностью мужа. Он выполняет половину или несколько более половины объема пахотных и посевных работ, работ по поливу поля и внесению удобрений, около 43% уборочных работ. Участие жены в производстве тоже довольно ощутимо: около половины объема работ по прожариванию рассады и почти четверть — в посевных работах, работах по поливу и внесению удобрений, 16% — в уборочных и еще меньше — около 11% — в пахотных работах (с. 196).

Автор отмечает, что участие женщин в местных руководящих структурах, в политической жизни в 50-е годы было более заметным, чем в 90-е гг. Она приводит данные 1990 г.: доля мужчин в составе комитетов жителей деревни составляла 77%, женщин — 23%, тогда как в составе комитетов городских жителей абсолютно преобладающее место занимают женщины. Большая часть крестьян, как явствует из опросов, придерживается мнения о том, что руководящая работа — это мужское занятие, а женщина должна управляться по дому. На вопрос, адресованный сельским женщинам: "Хотелось бы Вам участвовать в работе представительных органов?", почти 75% дали отрицательный ответ (с. 203). Женские организации предпринимают немалые усилия по обеспечению прав женщин, в том числе и в сельских районах, ими подготовлен "Закон КНР об охране прав женщин", принятие и исполнение которого наталкивается на многие преграды, и пока в деревне традиционно значительно более сильны позиции мужчин.

Глава "Планирование рождаемости" (автор — Цзе Чжэньмин, Информационно-исследовательский центр народонаселения Китая) посвящена анализу политики по сдерживанию темпов прироста населения и ее результатов. В начале 70-х гг. XX в. правительство стало проводить политику всестороннего ограничения рождаемости, смысл которой коротко сводился к установкам: позднее вступление в

брак, позднее рождение ребенка, рождение меньшего количества детей. В 1979 г. эти установки были конкретизированы: "одной семье — одного ребенка". Однако в деревне эти установки никогда не исполнялись, а с началом проведения экономической реформы возможности контроля за их исполнением существенно сократились. Поэтому они были частично пересмотрены в 1984 г., части женщинам было разрешено иметь двух и даже трех детей. После 1998 г. вновь вернулись к политике ограничения деторождений: кадровые работники и государственные служащие, население городов и поселков, за исключением особых обстоятельств, должны соблюдать установку на рождение одной женщиной одного ребенка. Эта же установка должна была проводиться в жизнь и в сельских районах, послабления — разрешение иметь двух детей — были сделаны для районов проживания национальных меньшинств и крестьян, находящихся в особо тяжелых обстоятельствах.

Контроль за исполнением планов по рождаемости в сельских районах возлагался на волостные правительства и комитеты жителей деревни. Работники сельской администрации, не обеспечившие исполнения планов по рождаемости, подвергались разного рода взысканиям, например в пров. Фуцзянь волостным кадровым работникам безусловно выплачивалась лишь половина месячной зарплаты, а вторая половина — только после выполнения установок по плановому деторождению. Однако следует заметить, что возможности контроля за рождаемостью в сельских семьях после перехода к семейному хозяйствованию сократились существенно, хотя определенные рычаги воздействия и оставались.

Рассматривая изменение отношения крестьян к политике в области деторождения, автор приходит к вполне логичному выводу о том, что в условиях Китая с огромным сельским населением ни в коем случае нельзя отказываться от политики, сдерживающей рост населения, однако для обеспечения действенности этой политики не следует ограничиваться только мерами административного характера.

Совершенно безрадостная картина состояния образования в бедных районах представлена в статье Ли Чуньлин (Институт социологии АОН Китая). В деревнях этих районов, как правило, не хватает школьных помещений, преподавателей, средств для организации учебного процесса. По данным на 1992 г., из средств, выделенных на образование в бедных районах, на строительство школ было на-

правлено только 5%, что соответствовало 500 тыс. ю. — сумма, достаточная для строительства одной начальной школы. А в силу высокого прироста населения в бедных районах число учеников начальных школ в период 1989–1992 гг. возросло в среднем на 3% в год. Примерно 10% детей в возрасте 6–12 лет не начинали ходить в школу (с. 229, 231). По данным выборочного обследования 40 деревень в бедных районах 10 провинций, из 2493 детей, посещавших школу (12% из них были старше 19 лет), ни один не поступил в институт.

Стремление родителей, уровень образования которых тоже, как правило, невысок, использовать детей в качестве помощников в семейном хозяйстве, возрастающая год от года плата за обучение тоже являются факторами, тормозящими развитие образования в бедных сельских районах. В 1992 г. расходы на одного ученика начальной школы составляли 28,2 ю. в год, в средней — 47,2 ю., что в 6–8 раз выше по сравнению с 1982 г. (с. 236). Для исправления положения, по мнению автора, необходимо, во-первых, увеличить капиталовложения в строительство школ и обеспечение учебного процесса и, во-вторых, провести переоценку целей и методов образования, сделав его соответствующим действительным потребностям данных районов. Примером положительного решения проблемы автор считает Восточный Китай, где происходит быстрое развитие бедных районов, увеличение средств, направляемых в образование. Это позволило снизить процент детей, покидающих школу, способствовало притоку учителей и выправлению положения с образованием. Однако для районов Юго-Западного Китая, Северо-Западного и горных районов Центрального Китая вопрос остается нерешенным.

Похожие проблемы стоят и перед системой сельского здравоохранения. Успехи, которые были достигнуты в этой области в первые четверть века существования КНР и как показатель этого — средняя продолжительность жизни с 35 лет в 1949 г. увеличилась до 69 лет — постепенно сходят на нет. Детская смертность с 34,7% в 1981 г. поднялась до 37% в 1992 г., для бедных районов эти показатели значительно выше (с. 239). Большая часть сельского населения, 90% его, вынуждено было перейти на систему платной кооперативной медицины. Волостные правительства не хотят нести бремя расходов по ее содержанию. Впрочем, подавляющее большинство их не имеет средств на это — поэтому медицинскую помощь факти-

чески может получить не более 10% сельского населения. Автор — Шарлотта Каллиз (Charlotte Cailliez) считает, что для оживления системы здравоохранения в деревне необходимо не только увеличить финансирование, но и ужесточить контроль за расходованием выделяемых средств.

Наиболее крупным по числу помещенных в книге статей можно считать блок экономических проблем, охватывающий почти все аспекты хозяйственной жизни деревни. Это и анализ отношений по поводу земли — основного средства производства в деревне, и характеристика других в хозяйстве средств производства, используемых в хозяйстве, распространение агротехнических достижений среди крестьян и анализ реформы обращения зерна, сравнение доходов городских и сельских жителей и проблемы преодоления бедности, сокращение налогов и поборов с крестьян, анализ качества их жизни.

Глава, имеющая название “Земля”, написана двумя учеными философского факультета Университета им. Сунь Ятсена (пров. Гуандун). В ней дана общая характеристика пахотных угодий страны, показан процесс сокращения площади и плодородия земли в различные периоды КНР, его причины, а также меры, принятые руководством страны, в том числе в законодательной области, с целью стабилизации положения. Авторы анализируют систему управления землей в восстановительный период (1949–1952), в период первой пятилетки (1953–1957), выделяют этап образования народных коммун в 1958 г., их внедрение и реорганизация в конце 70-х — начале 80-гг. системы производственной ответственности, основанной на семейном подряде на землю. Право пользования землей оказалось отделенным от права собственности на нее (с. 119).

Авторы показывают нечеткость в определении собственника земли как в законодательных документах — в Конституции КНР (в редакции от 1988 г.), в “Законе КНР об управлении землей”, так и на практике.

В конституции записано, что земля в деревнях и пригородах, кроме той, что по закону принадлежит государству, является коллективной собственностью. “Закон КНР об управлении землей” более подробно определяет собственника земли: земля, являющаяся коллективной собственностью крестьян, согласно закону считается коллективной собственностью крестьян данной деревни, она находится в

хозяйственном ведении и под управлением коллективной хозяйственной организации данной деревни или комитета жителей деревни. В начале 80-х гг. 95,9% земли в деревнях принадлежало группам жителей деревни, которые по размерам соответствовали производственной бригаде прежних коммун. В 1987 г. право собственности на коллективную (34% ее площади) стало принадлежать уже более крупной единице — деревне, владельцами 65% площади продолжали оставаться группы жителей деревни, 1% площади принадлежал более крупной единице — объединению бригад (с. 120). А поскольку во второй половине 80-х гг. коллективные хозяйственные организации в форме групп жителей деревни или в иных формах фактически перестали существовать, право собственности на землю постепенно перешло к администрации деревень.

Авторы рассматривают различные формы передачи земли в подряд: в соответствии с числом членом семьи (“по едокам”) или числом трудоспособных в семье. Реально чаще используются обе формы в соотношении 7:3 (70% земли передается в подряд по числу трудоспособных, 30% — по числу едоков. Довольно широкое распространение получила практика разделения подрядного участка на “поле-паек”, урожай с которого шел на потребление семьи, и “поле ответственности”, урожай с которого предназначался для уплаты налога государству, продажи по плану закупок, внесения отчислений в коллективные фонды и платы за землю (там, где она взималась).

В главе правомерно показана ограниченность права пользования землей, полученной крестьянами при переходе на подрядную систему и недостаточные гарантии в обеспечении этого права в заключаемом крестьянином подрядном договоре с коллективной хозяйственной организацией деревни или с ее администрацией.

В заключение авторы выражают глубокую озабоченность давлением растущего сельского населения на ограниченные ресурсы пашни. Земля по-прежнему будет основным средством производства и источником жизнеобеспечения для больших групп сельского населения, вступающего в трудоспособный возраст. В 1991 г. только в пров. Сычуань 7 млн. крестьян уже не имели земли, 60% их относилось к категории бедных дворов. В таких условиях, считают авторы, принцип “каждому пахарю свое поле” выше принципа производительности земли, социальная эффективность — выше экономической эффективности, принцип справедливости — вы-

ше принципа эффективности (с. 131). С этим заключительным положением главы трудно согласаться. Следование тезису "каждому пахарю свое поле" при высоких темпах прироста трудоспособного сельского населения уже в обозримом будущем превратит это поле в такой мизерный участок, урожай с которого не только не сможет обеспечить участие пахаря в решении продовольственной проблемы страны, но и поставит под вопрос выживание самого пахаря и его семьи. Предпочтение принципам социальной справедливости и социальной эффективности, как бы ни казалось привлекательным с позиций гуманизма, и пренебрежение экономической эффективностью означает в конечном счете лишение страны исторической перспективы. Достижение в намеченных в официальных планах до 2010 и 2020 гг. ориентиров экономического развития должно обеспечить решение экономических и социальных проблем, в том числе и деревни. Хотя, как представляется, платой за экономический прогресс могут послужить определенные отступления от принципа социальной справедливости, главное — соблюсти баланс между достигаемым целям экономического роста и возможными потерями в социальной области, в противном случае трудно избежать разрушительных последствий.

В главе "Строительство жилья и других объектов в деревне" автор Сунь Цзыдо (Институт экономики волостей и поселков Академии общественных наук пров. Аньхуэй) отмечает, что в 80-е гг. строительство объектов производственно-назначения и общественного пользования велось на коллективные средства, строительство жилых домов для крестьян осуществлялось на их личные средства. Переход на систему семейного хозяйствования внес существенные изменения в источники финансирования капитального строительства, основными стали средства отдельных крестьян или объединений нескольких дворов, которые становились их собственниками, предоставляя другим возможность пользоваться за соответствующую плату.

Рассматривая проблемы строительства в деревне, автор отмечает более строгий подход к отводу земель под различные виды строительства в соответствии с требованиями "Закона КНР об управлении землей" применительно к условиям пров. Аньхуэй: выделение для строительства дорог, некрупных водохозяйственных объектов и других производственных объектов для сельского хозяйства земельной площади менее 30 му утвержда-

лось волостным правительством, от 30 до 100 му — правительством уезда (с. 141).

В 80–90-е годы довольно быстрыми темпами в деревне осуществлялось строительство дорог, линий электропередач (плата за пользование электричеством в деревнях была на 80% выше, чем в городе), объектов для обеспечения питьевой водой. В отношении последних существуют очень серьезные проблемы: примерно 62% сельского населения обеспечено питьевой водой, при этом в Западном регионе страны только 46% потребляемой воды отвечает санитарным нормам, в Центральном — 67,4%, в Восточном — более 80% (с. 144).

Строительство жилых домов в деревне со второй половины 80-х годов и в течение 90-х годов шло довольно быстро и можно сказать невиданными ранее темпами. Если к началу сельской реформы — в 1978 г. в среднем на сельского жителя приходилось 8,1 кв. м жилой площади, то в 1996 г. — 21,7 кв. м, увеличение в 2,68 раза. Рост строительства жилых домов, основывающийся на увеличении доходов крестьян, происходил при существенно возрастающей его стоимости: в 1996 г. постройка 1 кв. м обходилась в 6,3 раза дороже, чем в 1985 г. (с. 153). Восточный Китай значительно опережал остальные регионы страны как по масштабам жилищного строительства, так и по качеству возводимого жилья. Во второй половине 90-гг. объем капиталовложений в жилищное строительство в Западном Китае был более чем в два раза ниже, чем в Восточном (с. 158).

Определенное внимание уделялось планировке деревень с целью переселения в более крупные жителей малых деревень, состоящих из 30–50 дворов, и в менее населенные — от нескольких десятков до 200 человек, разработан перспективный план, рассчитанный до 2010 г. (с. 148–149).

Глава "Реформа торговли зерном" (автор — Клод Обер — Институт сельскохозяйственных исследований Франции) имеет подзаголовок — история о том, как до сих пор не удалось сочетать интересы государства и крестьян. Именно под этим углом зрения автор рассматривает историю замены обязательных закупок зерна договорными, расширения сферы рыночного обращения зерна, недооценивая, на наш взгляд, значение систематического повышения государством закупочных цен на зерно, равно как и на другие виды сельскохозяйственной продукции. Результатом этого, кстати не отмеченным автором главы, явилось то обстоя-

тельство, что цены на зерно на внутреннем рынке в конце 90-х гг. уже достигли, а по некоторым позициям превысили цены мирового рынка. Вместе с тем автор вполне справедливо отмечает малоэффективную работу государственных структур, занимающихся организацией закупок зерна. Он считает, и с этим можно согласиться, что в настоящее время зерновой рынок в стране не представляет собой единого целого, правительства провинций довольно часто ставили препоны свободному обращению зерна, отдавая предпочтение административным методам решения проблемы. Анализ положения на зерновом рынке в главе завершается 1997 г., более поздние изменения не отражены. Глава снабжена приложением: 8 обширных таблиц и график иллюстрируют динамику торговли зерном за период 1978–1997 гг., закупочных и розничных цен на различные виды зерновых, а также сравнение цен на зерно в государственной и частной торговле.

Положение в области распространения среди крестьян достижений агрономической науки и техники (авторы Дай Цун и Бо Гуйся, Институт экономики сельского хозяйства Сельскохозяйственной академии Китая) и обеспечение отрасли материальными средствами производства (авторы Юй Гуаншэн и Тан Аньчжун, юридический факультет Педагогического университета пров. Шаньдун) анализируются с применением обширного фактологического материала, отмечаются имеющиеся успехи в соответствующих областях и весьма схожие проблемы, испытываемые ими: недостаточно четкая организация и неудовлетворительный объем финансирования.

Авторы последней из названных глав отмечают тенденцию роста цен на наиболее важные для крестьян товары производственного назначения: удобрения, дизельное топливо; отмечают необходимость усиления государственного контроля за качеством поставляемых средств производства, особенно удобрений (с. 324–325).

Различным аспектам материального положения крестьян посвящены главы “Сравнение доходов городских и сельских жителей” (Ли Ши, Институт экономики АОН Китая), “Различия между городом и деревней и миграция крестьян в города” (Ян Юаньмин, Академия общественных наук пров. Хубэй), “Потребление” (Лю Игао, исторический факультет Пекинского университета), “Помощь бедным” (Чжао Цзюньчэнь, Институт развития деревни АОН пров. Юньнань). Исторически сложившееся отставание доходов сель-

ских жителей от доходов городских продолжало сохраняться в течение более чем двадцатилетнего периода после начала реформы в деревне, хотя в отдельные годы динамика показателей этого отставания не была одинаковой. Если в самые первые годы реформы разрыв в уровне доходов составлял в 1978 г. 2,3 раза, в 1981 г. — 2,05 раза, то с 1982 по 1987 г. он был менее, чем двукратным: в 1981 г. — 1,7 раза, в 1987 г. — 1,98 раза. В последующие годы вплоть до 1997 г. включительно доходы крестьян были более чем в два раза ниже доходов городских жителей (с. 350–351). Тем не менее степень отставания доходов возросла незначительно: с 2,36 раза в 1978 г. до 2,79 раза в 1998 г., т.е. на 18,2%.

Значительно более весомым и ощутимым для крестьян явился рост разницы доходов в их среде. Так, если в 1978 г. эта разница, характеризуемая коэффициентом Джини, была незначительной — 0,212, то в 1985 г. — уже 0,340, т.е. дифференциация доходов в деревне шла быстрыми темпами, увеличившись за 18 лет на 60% (с. 346). Основной причиной этой тенденции Ли Ши считает фактор изменения экономической структуры, тогда как разрыв в доходах городских и сельских жителей обусловлен прежде всего системным фактором (с. 359).

Автор статьи, анализирующей различия между городом и деревней — Ян Юаньмин — заостряет внимание на социальных последствиях миграции крестьян в города и необходимости увеличения численности малых городов и поселков. Автор отмечает, что проблемы различий между городом и деревней успешно решаются в некоторых экономически развитых районах, где доходы сельских жителей и уровень потребления сравнялись с городскими или даже превысили их.

Большой интерес представляет рассмотрение помощи бедным слоям населения в деревне, предваряемое анализом причин их сохранения и размещения бедных районов. В группу бедных в 1996 г. были отнесены крестьяне со среднедушевым доходом, не достигающим 300 ю. в год, порог величины этого дохода с каждым годом повышается с учетом фактора инфляции и повышения показателей необходимого набора жизненных средств (с. 442). Численность крестьян, не способных обеспечить удовлетворения минимальных жизненных потребностей, сократилась с 250 млн человек в 1978 г. до 50 млн. в 1997 г. и, как сообщалось в китайской прессе, — до 30 млн в 2001 г. Автор статьи Чжао Цзюньчэн показывает роль

различных фондов и структур, в том числе и международных, в оказании помощи бедным районам, анализирует эффективность использования получаемых средств.

Блок глав книги, посвященных положению крестьян, завершается рассмотрением налогообложения и ситуации с различными местными поборами с крестьян. Авторы — Ян Вэньлян (Отдел науки комитета КПК пров. Хэбэй) и Сюн Цзинмин (Университет китайского языка — Сянган). Авторы отмечают, что несмотря на ежегодно принимаемые «Уведомления Госсовета КНР об облегчении бремени крестьян» и сохранение в течение 90-х годов неизменной ставки сельскохозяйственного налога, расходы крестьян на уплату местных налогов и просто поборов на уровне уезда, волости и деревни являются весьма чувствительным вычетом из их доходов (с. 474).

Рассматривая соотношение капиталовложений в сельское хозяйство и ножиц цен на продукцию сельского хозяйства и промышленности в плане оценки возможной помощи отрасли и крестьянам, авторы не вполне корректно сравнивают абсолютный объем потерь деревни за счет ножиц цен со снижением доли государственных капиталовложений в сельское хозяйство (с. 469). В действительности абсолютный объем капиталовложений за указанный авторами период 1991–19 гг.

ежегодно увеличивался. Вместе с тем следует признать, что его суммарная величина даже с учетом средств, выделяемых государством в качестве помощи деревне, была ниже приведенной авторами цифры потерь — 1266,6 млрд. ю., хотя о методике расчета последних не упоминается, и она до сих пор остается неясной.

Анализ проблем водообеспеченности деревни и мер правительства по преодолению нехватки водных ресурсов (автор — Сюй Хайлян, Отдел по руководству борьбой со стихийными бедствиями г. Шуньдэ) дает основание главному редактору книги сделать вывод о том, что на протяжении последних 20 лет Китай за высокие темпы экономического роста заплатил снижением эффективности использования природных ресурсов и ухудшением экологической среды.

В целом книга, рассчитанная в основном на читательскую аудиторию вне КНР, показывает широкий спектр трудностей, с которыми сталкивается современная китайская деревня в политической, социальной и экономической областях. Акцент авторов на нерешенных проблемах зачастую оставляет вне пределов их внимания неоспоримые успехи в названных областях и прежде всего в области развития производства за рассматриваемый период конца 70-х — середины 90-х гг.

© 2002

*Л. Волкова,
кандидат экономических наук.*

Желоховцев А.

Книга о Великой Белизне. Ли Бо: Поэзия и Жизнь/ Сост. С.А.Торопцев. М.: Наталис, 2002. 477 с.; ил. (Серия "Восточные арабески")

Эта книга представляет русскоязычному читателю величайшего поэта Китая в буквальном смысле слова энциклопедически. Она издана к юбилею Ли Бо (701-762). Его право на энциклопедическое признание бесспорно: "Ли Бо — зенит китайской поэзии, поэт-пророк, величайший мастер слова, национальный колосс" (академик В.М.Алексеев, с. 5). Для приближения к нам творчества китайского поэта в книгу включены его стихи в основном в новых переводах С.А.Торопцева (96 стихотворений), но есть и старые переводы известных мастеров А.Гитовича (3), Э.Балашова (3), Ю.Шуцкого, А.Ахматовой (3), М.Басманова (2).

С.Торопцеву, кроме переводов, принадлежат концепция, составление, общая редакция, комментарии к стихам. В книге собраны исторические и легендарные свидетельства о жизни и творчестве Ли Бо, художественные версии его многотрудного пути, заметки о поиске следов его пребывания в уже отдаленные от поэта времена, отзвуки его поэзии и его личности в мировосприятии потомков. К этому надо добавить, что книга дает представление о времени и поэзии танского Китая, в котором жил поэт. Штрихи времени, путь Ли Бо, мысли о поэзии и поэтах, стихи, следы, отзвуки Ли Бо — таковы разделы этой поэтически и музыкально скомпонованной книги. Это эксперимент, которому хочется от души пожелать читательского успеха.

К юбилею Ли Бо наш читатель получил еще сборник его стихотворений "Нефритовые скалы"¹. Здесь собраны перепечатки практически всех переводов из Ли Бо, которые издавались в советское время, знакомы читателям с давних пор и многим полюбились. Его украшают переводы А.Гитовича, В.М.Алексеева и Ю.К.Шуцкого; представлены также переводы Л.З.Эйдлина, К.Д.Бальмонта, А.А.Ахматовой, Н.Нович, М.И.Басманова, Л.Е.Бежина, Г.Б.Дагданова, Э.В.Балашова. В прошлом году новые переводы из Ли Бо появились в сборнике Л.Н.Меньшикова (7 стихотворений)².

Достижения наших поэтов-переводчиков

получили приятное и несколько неожиданное подтверждение: в Китае была издана книга под двуязычным заглавием "Тан ши Э и сюань. Антология перевода танской поэзии с китайского на русский язык", которую составил и прокомментировал Си Чэнгун³. В этой антологии танские стихи в китайском оригинале сопровождаются русским стихотворным переводом, что очень удобно для любителей поэзии. Си Чэнгун отобрал 15 стихотворений Ли Бо, в основном в популярных у нас переводах А.Гитовича, а также представил переводы А.Ахматовой, Ю.Шуцкого и Л.Эйдлина.

Уместно будет поблагодарить наших китайских друзей за их внимание к нашим мастерам поэтического перевода, тем более что последний раз в Китае двуязычная русская антология китайской поэзии, которая включала стихотворения 33 поэтов от эпохи Тан до современности, была издана за рубежом Я.И.Аракиным в 1926 году, то есть более 70 лет тому назад⁴.

В юбилейный год нашему читателю стали доступны практически все переводы советского времени, но, к сожалению этого нельзя сказать о трудах русских поэтов-переводчиков в эмигрантских регионах русского рассеяния, а ведь не один Я.И.Аракин переводил китайскую поэзию. К сожалению, с его антологией ознакомиться пока мне не удалось, но кое-что из русской зарубежной поэзии опубликовано в не слишком известных изданиях. Например, Валерий Перелешин перевел в Рио-де-Жанейро три четверостишия Ли Бо, которые вошли в его подборку "Древнекитайская лирика в переводах Валерия Перелешина"⁵:

ОДИН НА ГОРЕ

*Там, высоко, исчезла птичья стая,
Клок облака прошептал один.
Без усталы мы смотрим друг на друга,
Как равные: я и гора Цзинтин.*

НОЧЬЮ

*Близ ложа моего огромная луна:
Земля, как инесм, вся осеребрена.*

*Я поднимаю взор: смотрю на лунный свет,
Я опускаю взор: в мечтах моя страна.*

РАЗОЧАРОВАНИЕ

*На ступенях нефритовых иней лежит
пеленой;
Сквозь двойные чулки пробирается холод
ночной.
Возвращаясь, хрустальные нити раз-
двику в тоске,
Но они засверкают все той же осенней
луной.*

С.Торопцев напоминает, что "русский Ли Бо" начался публикацией "Очерка истории китайской литературы" академика В.П.Васильева в 1880 г., но трудно согласиться с его словами, что "Второе столетие "русского Ли Бо" мы начали явно неудачно" (с. 251). Отнесем его слова к естественному чувству самокритичности, поскольку ниже он сам приводит мудрые размышления Томаса Элиота: "Не существует китайской поэзии в себе, ждущей некоего идеального переводчика, который будет единственным переводчиком".

"Книга о Великой Белизне" порадует читателя не только новыми стихотворными переводами творений самого Ли Бо, но и произведениями о нем: повесть, новелла, рассказы, киносценарий — все жанры литературы, и, конечно, посвященные ему стихи. Среди документального материала присутствуют и легенды, причем старинные легенды и предания о поэте за столетия приобрели уже собственную поэтическую и литературную прелесть. Это отличное чтение, но рецензенту оно дает моральное право высказать предположительные версии, хотя бы по таким не решенным окончательно вопросам, как имя поэта и его происхождение.

Особенность китайской иероглифической письменности, не фиксирующей фонетического звучания, привела к печальному факту: мы не знаем твердо как именно называл себя сам древний поэт, как произносилось его имя в танское время, 1300 лет тому назад. В наши дни чтение китайских иероглифов нормативно фиксируется министерством образования КНР и обязательно в общеобразовательных школах для всех учащихся языку п у т у н х у а , который как общегосударственный китайский язык противопоставляется многочисленным местным диалектам и служит общей языковой нормой. Поэтому ныне все китайцы читают

имя своего поэта как Ли Бай, а китайцев уже больше миллиарда человек. У нас же с XIX века сохранилось в русской традиции чтение Ли Бо, которое, возможно, было понятно китайцам в прошлом до времени Цинской династии, но зато теперь никому в Китае непонятно. В "Книге о Великой Белизне" сохранено традиционное русское, а не современное китайское чтение имени поэта, и современному китайцу потребуются немало пожить в России, пока он узнает; что великий китайский поэт Ли Бай здесь именуется Ли Бо, и это один и тот же человек. Такая уж тут традиция... Мы ведь и столицу Китая Бэйцзин привычно именуем Пекином, и только одни работники авиакомпаний называют Бэйцзин Бэйцзином, потому что летчикам жизненно важно, чтобы китайцы понимали их правильно.

Происхождение поэта тоже дает основания для возникновения множества версий и предположений. Составитель С.Торопцев дал в разделе "Жизнь Ли Бо в датах" принятую сейчас в Китае версию, в которой бесспорен факт приезда семьи с запада в посад Цинлянь уезда Чанлун области Мянчжоу в 705 году (с. 68). Любопытно, что глава семьи при этом назвался Ли Кэ ("гость из рода Ли"), то есть взял себе фамилию императоров династии Тан. Согласно общезвестным историческим свидетельствам, в то время в Китае царствовала императрица У Цзэтянь (690-705), которая провозгласила себя "императором" У-ди и сменила название государства с Тан на Чжоу. В очерках истории Китая эти события объясняются междоусобной борьбой внутри правящей элиты Танской империи, причем У Цзэтянь оттеснила от власти аристократическую группировку Гуаньчжун-Лунси, выдвигая служилых людей из Шаньдуна и Цзяннани⁶. Между тем С.Торопцев сообщает, что дед поэта Чэнцзи был сослан на запад именно из Лунси, что позволяет предположить с большой долей вероятности, что он принадлежал к местной группировке Гуаньчжун-Лунси, которая попадала от переворота императрицы У Цзэтянь. Это предположение подкрепляется тем обстоятельством, что семья официально взяла себе фамилию Ли, в то время когда танские императоры были отстранены от власти, и вернули ее себе вместе с названием государства, а именно в 705 году. Может быть неслучайно семья поэта возвратилась в Китай из западного края именно в тот год.

Главным достижением "Книги о Великой Белизне" является поэтический ее раздел, в котором поэзия Ли Бо представлена в новых переводах с небывалой прежде полнотой. Такое количество стихотворений поэта на русском языке и при том в переводах с оригинала прежде никогда не появлялось. С.Торопцев действительно прочел все доступное нам наследие поэта на китайском языке. У него выработались собственные принципы перевода, которые отличаются от прежних, хотя, конечно, и раньше бывали прекрасные переводы стихов и у А.Гитовича, и у М.Басманова.

К новым переводам читателю нужно привыкнуть, ибо только время позволяет оценить подлинную литературную значимость поэтического труда. При этом я вполне допускаю возможность вкусовсего выбора, когда разные переводы будут нравиться разным людям с разными поэтическими вкусами, и каждая эпоха будет создавать новые ценности прежде всего для себя самой, выбирая из классического достояния близкое и нужное именно ей. По-моему, прекрасно, когда великое творение предстает перед нами в разных переводах. Стихотворение, которое В.Перелешин назвал "Ночью" (см. выше)

А.Гитович озаглавил "Думы тихой ночью"⁷:

*У самой моей постели
Легла от луны дорожка.
А может быть, это иней? -
Я сам хорошо не знаю.
Я голову поднимаю —
Гляжу на луну в окошко,
Я голову опускаю —
И родину вспоминаю*

Сравните теперь с новым переводом С.Торопцева : "Грезы тихой ночи" (с. 397):

*Сияние луны простерлось к ложу,
Иль это иней осени, быть может?
Наверх взгляну — сияет там луна,
А вниз — и мнится край, где
юность прожил.*

Достигнуто главное: у любителей поэзии теперь есть выбор, и каждый волен выбирать по своим вкусам и пристрастиям, по своему темпераменту и по собственной воле, то, что ему будет ближе. Пусть разным людям придется по душе разные переводы: всех объединит любовь к поэзии Ли Бо. Увлекательное и интересное чтение ждет каждого, кто возьмет в руки "Книгу о Великой Белизне".

© 2002

*А.Желоховцев,
кандидат филологических наук*

1. Ли Бо. Нефритовые скалы. СПб.: Кристалл, 1999. 394 с.
2. Чистый поток: Поэзия эпохи Тан (VII-X вв.). В переводах Л.Н.Меньшикова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 320 с.
3. Тан ши Э и сюань. Антология перевода танской поэзии с китайского на русский язык/ Составление и комментарий Си Чэнгуна: Юньнань дасюэ чубаньшэ, 1999. 218 с.
4. См.: Русская поэзия Китая. Антология / Сост. В.П.Крейд, О.М.Бакич. М.: Время, 2001. С. 667.
5. См.: Рубеж. Владивосток. Москва, 1992. № 1 (863). С. 255.
6. Шан Юэ. Очерки истории Китая. М.: ИВЛ, 1959. С. 200.
7. Ли Бо. Нефритовые скалы. СПб.: Кристалл, 1999. С. 200.

Поздравления юбилярам

Председателю Российского союза промышленников и предпринимателей, сопредседателю Российско-китайского комитета мира, дружбы и сотрудничества XXI века
А.И. Вольскому

Глубокоуважаемый Аркадий Иванович!

Коллектив Института Дальнего Востока Российской академии наук и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" от всей души поздравляют Вас с 70-летием и награждением высокой правительственной наградой — орденом "За заслуги перед Отечеством".

В нашей стране Вы широко известны как политический и общественный деятель, жизнь и деятельность которого посвящены последовательному отстаиванию интересов Отечества. Эта позиция всегда находила выражение в Вашей многогранной деятельности на многих ответственных постах, а сегодня ярко проявляется в Вашей работе руководителя Российского союза промышленников и предпринимателей и, что нам особенно близко, сопредседателя Российско-китайского комитета мира, дружбы и сотрудничества XXI века.

Задачи, которые решает Российско-китайский комитет, созвучны целям исследований, осуществляемых российскими китаеведами, учеными нашего института, представители которых принимают активное участие в его работе.

Растущее значение дружбы и сотрудничества между Россией и Китаем для решения глобальных проблем мира и безопасности, вопросов экономического развития нашей страны требует еще более активного подключения китаеведов к работе Российско-китайского комитета, их взаимодействия с возглавляемым Вами Российским союзом промышленников и предпринимателей.

Позвольте, Аркадий Иванович, в день юбилея пожелать Вам доброго здоровья и новых успехов в Вашей деятельности на благо России.

*Директор Института Дальнего Востока РАН,
Председатель Общества российско-китайской дружбы,
член Российско-китайского комитета мира,
дружбы и сотрудничества XXI века,
член-корреспондент РАН*

М.Л.Титаренко

*Зам.директора Института Дальнего Востока,
зам. председателя Российско-китайского комитета мира,
дружбы и сотрудничества XXI века,
академик РАН*

В.С.Мясников

*Главный редактор журнала
"Проблемы Дальнего Востока",
профессор*

А.М.Григорьев

Юрию Михайловичу Галеновичу — 70 лет

20 апреля 2002 г. исполнилось 70 лет известному российскому ученому, дипломату, общественному деятелю Юрию Михайловичу Галеновичу. В торжественной обстановке на заседании Ученого Совета Института директор ИДВ РАН, член-корреспондент РАН М.Л.Титаренко поздравил юбиляра и вручил ему Адрес от имени дирекции и коллектива сотрудников Института. В нем отмечалось, что где бы ни трудился Ю.М.Галенович — в посольстве СССР в КНР, торгпредстве СССР в КНР, в Секретариате ООН, в центральном аппарате МИД СССР, в Российской академии наук — его деятельность неизменно была посвящена служению Отечеству, России.

В 1954 г. после окончания китайского отделения Московского института востоковедения Ю.М.Галенович впервые приехал в Китай. В 1954-1956 гг. он работал на Советской выставке в Китае, которая экспонировалась в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, Ухани. Был отмечен Госсоветом КНР памятной медалью китайско-советской дружбы. В 1956 г. был переводчиком А.И.Микояна во время поездки последнего в Ухань. В 1959 г. защитил в МГИМО кандидатскую диссертацию по филологии, предложив объяснение проблемы соотношения тона и интонации в китайском языке.

С 1960 по 1967 гг. трудился в советских загранучреждениях в КНР. В 1965 г. исполнял обязанности переводчика на встрече А.Н.Косыгина с Мао Цзэдуном.

Важный этап деятельности Ю.М.Галеновича — его работа в качестве эксперта и советника Советской правительственной делегации на переговорах по пограничным вопросам в Пекине (1964, 1969-1970 гг.). За работу в Пекине во время "культурной революции" Ю.М.Галенович награжден Орденом "Знак почета".

В 1972 г. он командирован в США на работу в ООН. В 1972-1976 гг. был директором Отдела внешних связей Секретариата ООН.

С 1978 г. Ю.М.Галенович — сотрудник Академии наук СССР. В настоящее время он главный научный сотрудник ИДВ РАН, доктор исторических наук, профессор.

Юрий Михайлович подготовил свыше 100 научных трудов — монографии, статьи, научные доклады, записки по проблемам политической истории Китая, российско-китайских и китайско-американских отношений. Его книги

издаются не только в России. В КНР в 2000 г. шесть его монографий были опубликованы под общим названием: "Россия и Китай в XX в. Нации и их лидеры": ("От императора Николая II и императрицы Цы Си до В.И.Ленина и Сунь Ятсена"; "Два генералиссимуса: И.В.Сталин и Чан Кайши"; "Два вождя: И.В.Сталин и Мао Цзэдун"; "Два первых лица: первый секретарь Н.С.Хрущев и председатель Мао Цзэдун"; "От Л.И.Брежнева и Мао Цзэдуна до М.С.Горбачева и Дэн Сяопина"; "Россия и Китай на стыке XX и XXI вв."). Он автор ряда разделов коллективной монографии "Границы Китая: история формирования" (М. 2002 г.), которая в настоящее время переводится в КНР. К юбилею вышла в свет его новая книга: "Заметки китаевода", с большим интересом встреченная читателями.

Ю.М.Галенович — активный член Общества российско-китайской дружбы, первый вице-президент Ассоциации китаеведов Российской академии наук, один из учредителей и член Совета Московско-Тайбэйской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству.

Энциклопедические познания, редкостное владение современным китайским языком, неиссякаемое трудолюбие и готовность поделиться своими знаниями с коллегами снискали ему уважение в китаеведческом сообществе.

Дирекция и сотрудники ИДВ РАН, редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" желают Юрию Михайловичу Галеновичу крепкого здоровья и творческого долголетия на благо отечественной науки.

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6,0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. Pp. ...

Статьи.

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы. Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.*

Сдано в набор 15.04.2002 г. Подписано к печати 17.05.2002 г. Формат бумаги 70x100 $\frac{1}{8}$
Офсетная печать. Усл.печ.л. 15,6. Усл. кр.-отт. 15,4 тыс. Уч.-изд.л. 14,7 Бум. л. 6,0
Тираж 972 экз. Зак. 6135

Свидетельство о регистрации № 0110158 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32, тел. 124-09-02

Оригинал-макет © 2002 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6